

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

На правах рукописи

Шайденко Даниил Александрович

**ИНСТИТУТ ЗАДЕРЖАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Булатов Борис Борисович

Омск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ЗАДЕРЖАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	18
§ 1. Правовое регулирование, сущность и виды задержания	18
§ 2. Правовая основа задержания как фактического ограничения свободы передвижения.....	42
ГЛАВА 2. ЗАДЕРЖАНИЕ КАК ДОСУДЕБНЫЙ КРАТКОВРЕМЕННЫЙ АРЕСТ	64
§ 1. Сущность, цель и наименование уголовно-процессуального задержания	64
§ 2. Основания уголовно-процессуального задержания	86
§ 3. Момент начала исчисления срока уголовно-процессуального задержания	117
§ 4. Задержание осужденного: сущность и отраслевая принадлежность.....	136
§ 5. Основания и порядок задержания осужденного	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	188
ПРИЛОЖЕНИЯ	220

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В рамках организованного 30 июня 2022 г. Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству «Круглого стола», посвященного проблемам доктринального толкования и применения задержания в разных сферах правовой деятельности, применительно к задержанию подозреваемого звучала выработанная усилиями предшественников и современных ученых идея размежевания «полицейского» и «следственного» задержания. Говорилось, что сведение факта захвата лица и решения следователя о водворении его в ИВС пусть к разным элементам, но единой сущности деформирует само понятие «задержание подозреваемого», не позволяя обеспечить как публичный интерес, так и интересы задерживаемого. Вместе с тем данная правильная, по существу, идея до настоящего времени не воспринята ни самим законодателем, ни учеными и практиками на уровне конкретного результата, проявляющегося в реальных действиях.

За последние несколько лет в УПК РФ внесен ряд изменений, анализ которых показывает, что задержание подозреваемого законодатель не рассматривает в качестве исключительно меры, обеспечивающей заключение под стражу. Так, запретив избрание мер пресечения, в том числе и заключения под стражу, в ходе «добавочного» расследования после истечения срока давности, законодатель формулирует такой же запрет и для задержания подозреваемого, хотя это подразумевается в силу взаимосвязи данных мер принуждения. Предусматривая дополнительные требования к основанию заключения под стражу в виде отсутствия заболевания, установленного перечнем Постановления Правительства РФ и определяемым им порядком, законодатель не синхронизирует новеллу с условиями и сроком задержания (весьма малого и нуждающегося в нормативном дозволении продления для целей проведения медицинского освидетельствования), в рамках которого будут собираться дополнительные сведения. Введя 30-суточный срок задержания в условиях

военного положения, законодатель указал, что если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то подозреваемый подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания. Здесь также не учтена цель задержания в виде решения вопроса о заключении под стражу, следование которой согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ должно влечь освобождение задержанного немедленно после отказа суда взять лицо под стражу, а не по истечении полного нормативного срока задержания.

Подобная смысловая «размытость» новейших изменений норм о задержании подозреваемого накладывается на труднопонимаемое положение о фактическом задержании, моменте, с которого исчисляется его срок, об основаниях задержания, написанных не для следователя, а для полицейского «на улице».

На доктринальном уровне предлагается рассматривать фактическое ограничение свободы доставленного к следователю лица в качестве элемента единого феномена «задержание подозреваемого», высказываются предложения о принятии федерального закона «О задержании», включающего фрагменты полицейских силовых действий.

В современном контексте нормативного регулирования публичная роль 48-часового конституционного срока задержания подозреваемого явно принижена, что вытекает из установок включать в него все временные отрезки, связанные с ограничением свободы лица. Вместе с тем данный срок призван обеспечить установление обстоятельств содеянного и обоснованное (на базе собранных доказательств) ходатайство перед судом о заключении под стражу. Умаление данного срока недопустимо.

Назревшие противоречия невозможно разрешить путем обращения лишь к задержанию подозреваемого. Без должного внимания остается сфера применения задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Неочевидна его отраслевая принадлежность, недостаточно урегулированы основания,

условия, не предусмотрен порядок, зачастую используется межотраслевая аналогия.

В таких условиях необходим не только отраслевой взгляд на категорию «задержание подозреваемого», но и межотраслевой анализ процессуального, уголовно-исполнительного и статусного законодательства о правоохранительных органах, которые осуществляют силовой захват и доставку, обозначаемые термином «задержание». Иными словами, востребован масштабный взгляд на проблематику, способный привести к конкретному результату, позволяющему произвести комплексную корректировку ряда законов.

Теоретическое и нормативное «разведение» понятий, выражающих силовое и «юридическое» задержание, не ослабит, а, напротив, повысит уровень защищенности преследуемых лиц, поскольку повлечет не мнимый, а реальный механизм установления обстоятельств, в том числе сроков ограничения свободы и учета их при разрешении уголовного дела.

Мера уголовно-процессуального принуждения, именуемая задержанием подозреваемого, в теории уголовного процесса в целом неплохо прослеживается в ее историческом развитии, показывающем связь с фактическим ограничением свободы. Однако остается без должного внимания современный встречный вектор формирования данной сущности в виде обратного влияния судебной процедуры заключения под стражу. Порядок избрания данной меры пресечения предполагает личное нахождение преследуемого лица в судебном заседании, предварительное его ознакомление с представляемыми в суд ходатайством и материалами, активное участие в их исследовании, реализацию иных прав, что делает предваряющий судебное заседание внесудебный краткосрочный арест (задержание подозреваемого) обязательной обеспечительной мерой, автономной от предшествующих силовых действий. Задача теории уголовного процесса – выявить и оценить сочетание в исследуемой мере принуждения элементов предшествующего (продолжения осуществляемой деятельности) и будущего (начала новых отношений).

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Различные аспекты института задержания рассматривались в научных работах таких известных специалистов права, как Н.В. Азарёнок, А.Н. Ахпанов, Б.Б. Булатов, С.И. Вершинина, В.Н. Григорьев, А.П. Гуляев, И.М. Гуткин, А.А. Давлетов, З.Д. Еникеев, З.З. Зинатуллин, К.Б. Калиновский, В.В. Кальницкий, Е.М. Клюков, З.Ф. Коврига, В.М. Корнуков, Ф.М. Кудин, Э.К. Кутуев, Д.Я. Мирский, В.В. Николук, А.В. Павлов, И.Л. Петрухин, В.А. Похмелкин, С.Б. Россинский, А.В. Смирнов, М.С. Строгович, В.Т. Томин, Г.П. Химичева, О.И. Цоколова, А.А. Чувилев, и др. При этом в трудах Д.Я. Мирского, А.А. Давлетова, С.И. Вершининой развивается идея разграничения процессуального и фактического задержаний. Последнее авторы предлагают не включать в предмет уголовно-процессуального регулирования.

Отдельные аспекты уголовно-процессуального задержания подвергались анализу в рамках кандидатских и докторских диссертационных исследований. Однако почти все их авторы рассматривают захват и доставку в качестве составляющих процессуального задержания: И.А. Веретенников «Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт» (2001); И.А. Ретюнских «Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления» (2001); П.Л. Сурихин «Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание» (2001); Е.А. Пидусов «Задержание подозреваемого по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (процессуальные и криминалистические аспекты)» (2002); А.Н. Резников «Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе» (2003); Н.В. Луговец «Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения» (2004); Е.Б. Догот «Права, свободы и неприкосновенность при задержании лица по подозрению в совершении преступления» (2004); Ю.П. Попова «Уголовно-правовая характеристика заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей» (2004); А.Б. Смушкин «Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений» (2005);

А.В. Ольшевский «Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения» (2006); Н.В. Попков «Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения» (2007); Х.М. Дадаев «Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей» (2007); М.Э. Исламов «Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе» (2008); Е.С. Березина «Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства» (2009); Ю.Ю. Ксендзов «Задержание и заключение под стражу подозреваемого» (2010); Э.З. Тешебаев «Задержание подозреваемого по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации» (2013); И.А. Одинаев «Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации» (2020); Г.А. Чобанов «Противодействие заведомо незаконному задержанию (уголовно-правовой и криминологический аспекты)» (2022); А.А. Лукьянова «Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России» (2024).

Некоторые вопросы задержания осужденного рассмотрены в исследованиях О.В. Воронина «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением» (2004); И.В. Пастухова «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» (2005); Н.В. Николук «Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания» (2006); Л.В. Ложкиной «Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы» (2007); Л.А. Пупышевой «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса» (2022).

Основа современного доктринального представления о задержании осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора, заложена В.В. Николуком в монографии «Заключение под стражу осужденного,

скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения» (2015).

Несмотря на то, что данной проблематике традиционно уделяется большое внимание, авторы, как правило, занимаются глубоким отраслевым исследованием уголовно-процессуального задержания или задержания осужденного. Исследование задержания не только «вглубь», а еще и «вширь» позволит охватить большой массив разрозненного правового регулирования данной меры принуждения. Комплексный подход к рассмотрению задержания предполагает, в частности, обращение к административному праву.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие при применении задержания в сфере противодействия преступности. Предмет исследования составляют нормы законодательства, регулирующие деятельность государственных органов по применению задержания, решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, законопроекты, ведомственные нормативные правовые акты, зарубежное и модельное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, материалы следственной и судебной практики, положения правовой доктрины, а также данные официальной статистики.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью исследования является совершенствование института задержания в сфере борьбы с преступностью в контексте развития идеи разграничения фактического ограничения свободы и решения о внесудебном аресте.

Достижение указанной цели обусловило необходимость постановки и разрешения следующих задач:

- на основе анализа правового регулирования выявить сущность задержания и систематизировать его виды;
- определить правовую основу и обозначить место в системе права задержания как фактического захвата и доставления;

- доказать, что уголовно-процессуальное задержание является кратковременным арестом, определить его цель и предложить иное наименование;

- установить соответствие оснований задержания подозреваемого институциональной природе современных органов предварительного расследования, сформулировать авторский вариант оснований;

- обосновать и предложить учитывающие публичный интерес и интерес преследуемого лица момент начала и порядок исчисления срока задержания подозреваемого;

- определить сущность и правовую природу задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора;

- выявить и систематизировать основания задержания осужденного, определить порядок его применения.

Теоретической основой исследования послужили научные труды дореволюционных, советских и современных ученых по теории государства и права, уголовному праву, уголовному процессу, уголовно-исполнительному праву, криминалистике, административному праву. В работе анализируются комментарии к Конституции Российской Федерации, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству.

Научная новизна исследования состоит в том, что осуществлено комплексное исследование всех видов задержания, применяемых в сфере борьбы с преступностью.

Наполнена дополнительными аргументами и распространена на все регулирование задержания существующая в уголовно-процессуальной доктрине идея размежевания «фактического» и «юридического» задержания. Предложен и обоснован авторский подход к сущностному разграничению задержания на две разные составляющие:

- задержание как фактическое ограничение свободы (пресекательное задержание) – силовой захват и доставление предлагается рассматривать как институт административного права;

– задержание как решение о кратковременном лишении свободы (обеспечительное задержание).

С учетом того, что регулирование задержания в российском праве корректно уместилось в рамки данного подхода, удалось предложить и терминологическое разграничение данных институтов на собственно «задержание» и «предварительный арест».

Разработаны и аргументированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства:

– сформулированы новые основания для уголовно-процессуального задержания (предварительного ареста), основанные на совокупности данных о причастности к преступлению и основаниях применения меры пресечения;

– предложен новый подход к исчислению срока задержания (с момента составления протокола) с механизмом зачета времени фактического ограничения свободы;

– приведены дополнительные аргументы в пользу комплексной уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной природы задержания осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания;

– предложены унифицированные основания и порядок применения задержания осужденного.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что исследование способствует преодолению традиционной разобщенности в понимании задержания в рамках уголовного процесса, уголовно-исполнительного и административного права, демонстрируя их взаимосвязь, различия и системные противоречия. Выводы диссертации развивают учение о мерах государственного принуждения, конкретизируют и разъясняют такие понятия, как «арест», «задержание», «содержание под стражей».

Примененный в работе системный и междотраслевой методологический подход может быть использован для последующих научных исследований правовых институтов, находящихся на стыке нескольких отраслей права. Проведенный анализ существующих научных позиций, исторического и

зарубежного опыта создает целостную теоретическую картину генезиса, развития и современного состояния задержания, что может служить основой для дальнейших дискуссий и исследований.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные подходы способны на уровне конкретных рекомендаций облегчить понимание правоприменителями того, когда и какое задержание применяется. Положение, когда фактический захват и доставление не включаются в процессуальные меры, позволит сотрудникам силовых ведомств выполнять свои обязанности без обременения несвойственными им функциями по квалификации деяния на месте. Предложенные конкретные изменения в части оснований и исчисления срока уголовно-процессуального задержания могут найти отражение в законе и ведомственном правовом регулировании. Выводы, сделанные в части задержания осужденного, в перспективе способны повлечь необходимое для практики расширение полномочий органов уголовно-исполнительной системы на задержание.

Разработанные в ходе исследования положения могут найти применение в преподавании учебных дисциплин «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», «Предварительное следствие в органах внутренних дел», «Дознание в органах внутренних дел», «Прокурорский надзор», использоваться для первоначальной подготовки полицейских, повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, а также для подготовки научных работ и учебно-методических материалов.

Методы и методология исследования. Использован комплексный подход к исследованию данной проблематики. Он позволил выявить взаимосвязи, которые не удалось бы обнаружить при рассмотрении видов задержания по отдельности.

Проведенное в рамках теоретического анализа изучение научной литературы, нормативных актов, судебной практики и международных документов, связанных с задержанием, позволило выявить основные

теоретические подходы к проблеме и определить пробелы в правовом регулировании.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления норм российского законодательства с международными стандартами и зарубежным опытом. Этот метод помог предложить пути совершенствования российского законодательства о задержании.

Историко-правовой метод позволил проследить путь эволюции правового регулирования задержания в России, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным законодательством. Этот метод позволил понять, как изменялись подходы к задержанию и какие факторы влияли на эти изменения.

Формально-юридический метод, то есть анализ нормативных актов, регулирующих задержание, с точки зрения их содержания, структуры и юридической техники, позволил выявить противоречия и пробелы в законодательстве.

Благодаря методу юридической интерпретации (толкование норм права, судебных решений и научных позиций с целью выявления их смысла и содержания) удалось познать, как применяются нормы о задержании на практике.

Эмпирический метод выразился в анализе судебной практики, материалов следственной деятельности, связанных с задержанием, и анкетировании практических работников. Данный метод позволил выявить проблемы в правоприменении и предложить пути их решения.

Метод моделирования применен в связи с созданием теоретической модели правового регулирования задержания, которая может быть использована для совершенствования законодательства. Этот метод позволил предложить конкретные изменения в нормативных актах.

Для анализа и обобщения данных использованы такие логические методы, как индукция и дедукция.

Положения, выносимые на защиту:

1. Широкое использование термина «задержание» во многих законах разного уровня (Конституция РФ, УПК РФ, УК РФ, УИК РФ, КоАП РФ,

федеральные законы «О полиции», «О войсках национальной гвардии», «О федеральной службе безопасности» и др.) создает иллюзию проявления в различных правовых сферах единой сущности или различных элементов (частей) единой сущности. Данное обстоятельство дезориентирует правоприменителей, исследователей, порой и самого законодателя при определении оснований, моментов начала и окончания, сроков, субъектов и других процедурных элементов задержания в той или иной отрасли правовой деятельности, что должно быть преодолено не только историческим, но и межотраслевым охватом исследования феномена «задержания».

2. В общем виде в российском законодательстве существует два понимания задержания. Первое из них – фактическое ограничение свободы лица, которое происходит в условиях непосредственности, внезапности, очевидной противоправности совершенного деяния, без предварительно начатого производства и заключается в поимке и препровождении лица. Эти действия предусмотрены в Федеральном законе «О полиции», других законах о правовом положении правоохранительных органов и носят преимущественно административно-правовой характер. Такое задержание по своей сути является пресекательным. К нему относится и задержание в рамках фактической силовой реализации ранее принятого решения об ограничении свободы.

Второе понимание задержания – юридическое решение о кратковременном лишении лица свободы уполномоченным органом, сопровождаемое водворением в специальное помещение, в целях создания условий для рассмотрения в суде вопроса об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу (уголовно-процессуальное задержание); решения вопроса о замене наказания или изменении вида исправительного учреждения (уголовно-исполнительное задержание); производства по делу об административном правонарушении (административное задержание). Это задержание является обеспечительным.

3. Нормы, регулирующие виды обеспечительного задержания, имеют существенные различия в целях, основаниях, условиях и образуют институты

соответственно уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административно-деликтного права; пресекательное (фактическое) задержание – институт административного права. Отношение к данным отраслевым мерам принуждения как к видам «единого» задержания условно и основано на закреплённой в Конституции РФ единственной общей для них характеристике – внесудебное лишение свободы до 48 часов.

4. Вместо «задержания подозреваемого» предложен термин «предварительный арест», более точно отражающий истинную сущность данной меры – досудебное заключение под стражу. Предварительный арест подозреваемого представляет собой меру процессуального принуждения, применяемую в рамках официального уголовного преследования, и заключается в принятии следователем, дознавателем, органом дознания решения о кратковременном лишении свободы. Лицо должно быть арестовано при необходимости заключения его под стражу, что требует наличия полученной процессуальными средствами совокупности доказательств. Предварительный арест имеет обязательный и обеспечительный характер по отношению к судебной процедуре избрания меры пресечения. Действия же по фактическому захвату и доставлению лиц должны именоваться «задержанием» без уточняющих слов «фактическое», «физическое», «полицейское» и т.п.

5. Формулировки, являющиеся на данный момент основаниями задержания подозреваемого, в российском праве появились в качестве конкретных фактических ситуаций, при которых орган, не уполномоченный по общему правилу на применение процессуальных мер, влекущих лишение свободы (полиция), такие полномочия получал. В настоящее время в этой части положение сохранилось: следователь, дознаватель и орган дознания формально вправе применять предварительный арест не иначе как по данным основаниям. Вместе с тем сама «полицейская» суть данных оснований не соотносится со спецификой деятельности современных следователей и дознавателей. В связи с этим основание задержания подозреваемого должна составлять совокупность доказательств, содержащих обоснованное подозрение в причастности лица к

совершению преступления и указывающих на возможное ненадлежащее поведение, требующее заключения под стражу в качестве меры пресечения. Классические основания-ситуации следует использовать как данные, которые указывают на причастность и подлежат свободной оценке следователем наряду с иными сведениями, обосновывающими подозрение.

6. Срок предварительного ареста следует исчислять с момента принятия процессуального решения. Не отрицая важности заложенной в Конституции РФ и УПК РФ идеи об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения, необходимо признать публично важную роль 48-часового срока задержания для принятия законного и обоснованного решения о заключении под стражу и не снижать его путем вычета времени фактического задержания. В свою очередь для учета интересов подозреваемых и реализации заложенного в законодательстве замысла необходимо взять за основу распространенную в настоящее время судебную практику и закрепить в законе механизм зачета времени фактического ограничения свободы передвижения в срок содержания под стражей в качестве меры пресечения или при назначении наказания. Такой подход позволит в интересах обвинения и защиты эффективно использовать 48-часовой срок для подготовки к рассмотрению судом ходатайства о заключении под стражу.

7. Уголовно-исполнительное задержание, представляющее собой меру принуждения, применяемую с целью обеспечения участия осужденного в судебном заседании, предложено именовать «предварительный арест осужденного». Предварительный арест осужденного – решение уполномоченного органа уголовно-исполнительной системы о кратковременном лишении свободы, принимаемое одновременно с объявлением в розыск осужденного, если установлено, что он скрылся с целью уклонения от наказания.

8. Отсутствие самостоятельной уголовной или административной ответственности за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы (за исключением ограничения свободы в качестве дополнительного наказания), и особый правовой статус лица, признанного виновным, определяют

уголовно-исполнительную природу досудебной части предварительного ареста осужденного. Уникальность данной меры состоит в том, что ввиду судебной процедуры продления она приобретает комплексный характер (уголовно-исполнительный и уголовно-процессуальный).

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация основывается на широкой эмпирической базе, сформированной с учетом объекта и предмета исследования. Соискателем изучено 218 материалов уголовных дел Республики Бурятия, г. Санкт-Петербурга, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей, опрошено 224 сотрудника органов внутренних дел, 53 сотрудника органов уголовно-исполнительной системы. Изучено 90 представлений органов уголовно-исполнительной системы (в том числе приложенные к ним материалы) о замене наказания, заключении под стражу осужденного и принятые по итогам их рассмотрения судебные акты. Посредством использования интернет-ресурсов, системы ГАС РФ «Правосудие», справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» изучены решения Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика судов общей юрисдикции различных субъектов Российской Федерации, в частности, более 70 судебных решений, принятых по результатам рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора. Использовались данные официальной статистики и результаты эмпирических исследований, опубликованные другими авторами.

Работа обсуждена на заседании кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России. Основные результаты исследования опубликованы в 12 научных статьях общим объемом 4,9 п.л., подготовленных автором лично, из них 5 статей – в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертационных исследований.

Теоретические и прикладные положения диссертации докладывались соискателем и обсуждались на семи конференциях: всероссийской научно-

практической конференции «Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности» (Омская академия МВД России, 2022, 2023); международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей «Преемственность и новации в юридической науке» (Омская академия МВД России, 2023, 2024, 2025); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (Сибирский юридический институт МВД России, 2023); международной научно-практической конференции «Теория и практика борьбы с преступностью» (Уральский юридический институт МВД России, 2025).

Изучены 82 справки, подготовленные и направленные Следственными управлениями (Главными следственными управлениями) 82 субъектов Российской Федерации в целях формирования аналитического обзора с предложениями «Состояние работы органов предварительного следствия в системе МВД России по предупреждению преступлений в 2024 году» на основании заявки Следственного департамента МВД России от 10 июля 2024 г. В каждой из справок представлен раздел, посвященный мерам процессуального принуждения, в частности, задержанию. Результаты диссертационного исследования использованы при составлении указанного обзора, который был принят и направлен во все следственные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации. Полученные результаты также внедрены в практическую деятельность Следственного управления УМВД России по Омской области, Оперативного отдела УФСИН России по Омской области. Сформулированные в диссертации выводы и рекомендации применяются в учебном процессе Омской академии МВД России, Сибирского юридического института МВД России, Барнаульского юридического института МВД России.

Структура и объем работы обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений. Работа выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ЗАДЕРЖАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

§ 1. Правовое регулирование, сущность и виды задержания

Ученые в зависимости от приверженности к той или иной отрасли права уделяют внимание только «своему» задержанию, что не приводит к однозначному пониманию этой меры принуждения. Конституционное регулирование касается только 48-часового срока внесудебного лишения свободы. Эта характеристика хоть и является ключевой и общей для всех видов задержания, однако представляется недостаточной для познания сущности исследуемой меры принуждения.

В одном из своих определений Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, в соответствии с которой понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы¹. Кроме того, Конституционный Суд РФ обозначил, что закрепленное в Конституции Российской Федерации понятие «задержание» носит общий характер, то есть охватывает не только задержание лица за виновные

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ветлицкой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 г. № 2738-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания¹.

Конституционное регулирование является основой, а отраслевое законодательство ее конкретизирует и детализирует, на что также указывает Конституционный Суд РФ: «Конституция РФ допускает саму возможность задержания и устанавливает его срок, но не определяет конкретные основания, условия и порядок, при которых оно может осуществляться, а относит их установление к ведению федерального законодателя»².

Данные правовые позиции органа конституционного контроля дают основания утверждать, что любое досудебное лишение (ограничение) свободы подпадает под регулирование ст. 22 Конституции РФ и, соответственно, может быть названо задержанием. Основная проблема видится в том, что такой широкий конституционно-правовой подход к пониманию задержания не соответствует отраслевому. Представим ситуацию, когда лицо, совершившее преступление или административное правонарушение, доставлено в отдел полиции для выяснения обстоятельств произошедшего, установления личности и т.д. С конституционно-правовой точки зрения данное лицо является задержанным, так как его право на свободу и личную неприкосновенность ограничено без судебного решения. Однако административное или уголовно-процессуальное задержание к лицу еще не применено, поэтому с точки зрения КоАП РФ или УПК РФ лицо задержанным не является. Здесь уже заметно разночтение: в одном смысле лицо задержано, а в другом – нет. Подобные фактические и правовые ситуации нежелательны, когда речь идет о мерах принуждения, влекущих лишение свободы.

¹ По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 544-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как указывает А.В. Елисеев, «общие признаки задержания как меры государственного принуждения предусмотрены рядом отраслей законодательства и имеют конституционно-правовую основу, указывающую на его общеюридическую природу: а именно: задержание представляет собой меру процессуального принуждения, временно ограничивающую право человека и гражданина на свободу; непосредственные правовые основания задержания закреплены нормой соответствующей отрасли права (административного или уголовно-процессуального); задержание предусматривает закрепленный в соответствующем законодательстве процессуальный порядок его осуществления и оформления. Сравнительно-правовой анализ правовых оснований задержания в различных отраслях российского законодательства позволяет прийти к обоснованию общеправового понимания задержания как меры государственного принуждения, основывающейся на законе и применяемой в целях процессуального обеспечения производства...»¹. Подобные мнения вкупе с правовыми позициями Конституционного Суда РФ свидетельствуют о возможном существовании «единого» задержания, под которым понимается ограничение либо лишение свободы без судебного решения.

Однако термин «задержание» не обладает однородностью и характеризуется разным содержанием. Это зависит от того, входит ли в объем этого понятия фактический (физический) захват и доставление либо сущность задержания заключается в решении уполномоченного органа о помещении лица в специализированное помещение до судебного решения – внесудебном кратковременном аресте. Законодатель одинаково именует нетождественные по содержанию явления. Нельзя не согласиться с О.А. Зайцевым и П.А. Смирновым, «что главная причина всех бед и противоречий современного института задержания заключается в принципиально неверном и изначально обреченном на неудачу стремлении законодателя охватить в одном понятии “задержание” совершенно разные по сущности, целям и значению действия. Таковыми

¹ Елисеев А.В. Правовые и организационные основы применения административного задержания в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Домодедово : ВИПК МВД России, 2019. С. 24.

являются физическое задержание (захват, поимка) и называемое в научной литературе “процессуальным задержанием” кратковременное заключение лица под стражу без (и до) судебного решения»¹. Хотя авторы и ведут речь об уголовно-процессуальном задержании, данная проблема является общей для всех отраслей права, содержащих меру принуждения с таким названием.

Такое положение, когда одним понятием охватывается как любое досудебное ограничение права на свободу и личную неприкосновенность, так и отраслевые меры принуждения, влечет неопределенность не только для правоохранительных органов, но и для граждан. Человеку не важно, задержан он «процессуально», «фактически» или как-либо еще.

Рассуждения В.Н. Григорьева наглядно демонстрируют неоднозначность терминологии, связанной с задержанием: «Чаще всего под задержанием в связи с совершением преступления подразумевают задержание лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренное в ст. 122 УПК РСФСР, – задержание подозреваемого. Чтобы отграничить его от иных видов задержания, иногда подчеркивают, что это уголовно-процессуальное задержание, задержание в порядке ст. 122 УПК или задержание с водворением в ИВС. Задержанием именуются также действия по захвату, поимке подозреваемого лица. Такие действия с целью отграничения от уголовно-процессуального задержания часто называют фактическим задержанием (захватом) или доставлением. Употребление термина “задержание” в том или ином смысле определяется контекстом и при необходимости какими-то дополнительными определениями»².

Исходя из положений нормативных актов, предусматривающих кратковременное лишение свободы, можно выделить два подхода к сущности задержания:

1) задержание – внесудебный кратковременный арест (юридическое, процессуальное задержание). Иногда его будем именовать «обеспечительным» задержанием;

¹ Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 147.

² Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 49.

2) задержание – фактическое ограничение физической свободы лица (так называемые фактическое задержание, захват, доставление и удержание, имеет пресекательный характер). Его уместно называть «пресекательным» задержанием.

Административное задержание сконструировано в соответствии с первым подходом, это кратковременный арест в чистом виде. Такой вывод возможен благодаря наличию в КоАП РФ такой обеспечительной меры, как доставление (ст. 27.2 КоАП РФ), которая поглощает физический захват и препровождение лица. К тому же срок административного задержания исчисляется с момента доставления, что несколько отличается от других видов задержания¹.

Название этого задержания не является уникальным и строго отграничивающим его от других. Так, согласно ст. 11 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» данный орган «вправе производить административное задержание и доставление в служебное помещение ведомственной охраны или орган внутренних дел лиц, совершивших преступления или административные правонарушения на охраняемых объектах...». Несложно заметить, что в данном контексте речь идет не об административном задержании, предусмотренном КоАП РФ. Законодатель так назвал действия, направленные на фактический захват и препровождение. Если КоАП РФ предусматривает доставление с целью решения вопроса о задержании, то данный закон предполагает задержание с целью доставления. Это отрицательно сказывается на системности правового регулирования. Интересна позиция Д.С. Дубровского, который при анализе административного законодательства выделяет административное задержание (процессуальное, обеспечительное) и иные виды задержания в административном порядке, фактически ограничивающие свободу личности². Фраза «задержание в административном порядке» является лаконичной и точно отражает свое содержание, поэтому она ценна для использования при рассмотрении вопросов,

¹ Шайденко Д.А. Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1. С. 21.

² Дубровский Д.С. Меры административного пресечения, ограничивающие свободу личности. М., 2009. С. 73.

связанных с фактическим внесудебным ограничением физической свободы. Ведь, по сути, любой захват и доставление без предварительного решения компетентного органа является «задержанием в административном порядке» независимо от органа, его осуществившего. Административный порядок в данном ключе нужно понимать в широком смысле, в контексте властно-распорядительных полномочий государственных органов.

В отличие от законодательства об административных правонарушениях, в уголовном процессе необходим учет времени любого ограничения личной неприкосновенности. Сама по себе данная идея может вызвать только одобрение, однако ее реализация в нашем законе произошла механически, без учета специфики российских органов расследования, географических, экономических и иных факторов. Это привело к тому, что некоторые авторы, в частности, А.А. Давлетов, выделяют фактическое и юридическое задержание¹.

Следователь, дознаватель, орган дознания в качестве субъектов задержания подозреваемого, проверка законности и обоснованности задержания в судебном заседании о рассмотрении ходатайства о заключении под стражу, а также изначально процессуальный смысл ч. 2 ст. 22 Конституции РФ позволяют сказать, что сущность уголовно-процессуального задержания выражена в соответствии с первым подходом. Задержание, предусмотренное гл. 12 УПК РФ, – процессуальное решение о кратковременном лишении свободы путем помещения лица в ИВС.

Уголовно-процессуальное задержание как мера процессуального принуждения может быть поделено на следующие виды:

1) задержание подозреваемого (гл. 12 УПК РФ). Данное задержание является наиболее детально урегулированным. Также оно тесно связано с

¹ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Курс лекций. Екатеринбург, 2010. С. 180 ; Давлетов А.А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. Омск, 2024. С. 133.

институтом подозрения и применяется только в рамках официального уголовного преследования;

2) задержание лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, в условиях военного положения. Данный вид задержания появился в связи с изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ. Срок такого задержания составляет 30 суток. Это является исключением из общего конституционного правила, что представляется оправданным в условиях отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Обязательным условием применения данного задержания является особый правовой режим – военное положение, введенный в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях. Кроме того, задержать на срок до 30 суток можно только лицо, подозреваемое в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Следует отметить, что ранее в Федеральном конституционном законе от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее – ФКЗ «О военном положении») в п. 12 ч. 2 ст. 7 было предусмотрено задержание граждан на срок до 30 суток по основаниям, установленным федеральным законом. Отраслевая принадлежность задержания не уточнялась, имелись основания считать, что речь шла как об административном, так и об уголовно-процессуальном задержании. Однако в редакции данного закона от 9 июня 2023 г. появился п. 12¹ ч. 2 ст. 7, уточняющий, что на срок до 30 суток применяется административное задержание. Затем в УПК РФ были внесены вышеназванные изменения, допускающие саму возможность задержания до 30 суток и ограничивающие круг лиц, к которым оно может быть применено. Тем самым законодателем было упорядочено правовое регулирование применения мер принуждения в условиях военного положения, что являлось необходимым при проведении специальной военной операции¹;

¹ Шайденко Д.А. Задержание подозреваемого в условиях военного положения // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 161.

3) задержание обвиняемого, находящегося в розыске (ч. 3 ст. 210 УПК РФ). Данный вид задержания закон предписывает применять в соответствии с гл. 12 УПК РФ, регулирующей задержание подозреваемого. Однако специфика задержания обвиняемого (наличие достаточных доказательств об обстоятельствах совершения преступления и противоправного поведения преследуемого лица в будущем; отдаленность обнаружения обвиняемого от места расследования; наличие принятого решения о приостановлении предварительного следствия¹) обуславливает необходимость самостоятельного регулирования. Срок задержания обвиняемого исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения (как задержание подозреваемого по постановлению следователя). Различный характер оснований объявления лица в розыск позволяет выделить следующие разновидности задержания обвиняемого: а) задержание скрывающегося обвиняемого, т.е. лица, совершающего умышленные действия, направленные на уклонение от органов уголовного преследования; б) задержание обвиняемого, местонахождение которого не установлено по иным причинам²;

4) задержание лица, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче³. Согласно ч. 1 ст. 466 УПК РФ при получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном УПК РФ. Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, согласно которой иностранный гражданин или лицо без гражданства в случае выдворения из Российской Федерации в

¹ Павлов А.В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске. Теоретический и прикладной аспекты. М., 2015. 208 с.

² Там же.

³ На выделении данного вида задержания как самостоятельного настаивают М.Э. Исламов и С.И. Вершинина. См.: Исламов М.Э. Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 9 ; Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 237.

принудительном порядке могут быть до судебного решения подвергнуты задержанию на срок не свыше 48 часов. Сверх указанного срока лицо может оставаться задержанным лишь по судебному решению и лишь при условии, что без такого задержания решение о выдворении не может быть исполнено¹. Как затем указал Конституционный Суд РФ, вышеуказанная позиция в полной мере распространяется на институт задержания иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с ходатайством иностранного государства, направленным в компетентные органы на основании международного договора Российской Федерации². Таким образом, несмотря на отсутствие в законе прямого указания на возможность задержания лиц на основании ходатайства иностранного государства о выдаче, положения ст. 466 УПК РФ в толковании Конституционного Суда РФ допускают такую возможность. В этом случае прокуроры городов и районов обязаны обеспечить составление протокола задержания в соответствии с требованиями ст. 92 УПК РФ, с отметкой о разъяснении задержанному лицу его прав, а также уведомления о задержании согласно ст. 96 УПК РФ³.

Что касается фактического задержания, согласно п. 15 ст. 5 УПК РФ момент фактического задержания – момент ограничения свободы передвижения, производимого в порядке УПК РФ. По мнению В.Н. Григорьева, в законе установлено, что «момент фактического задержания наступает в момент составления протокола задержания, который ознаменовывает, означает и влечет лишение лица свободы. Предшествующее этому лишение лица свободы,

¹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По жалобе гражданина США Менахема Сайденфельда на нарушение частью третьей статьи 1 и частью первой статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его прав, гарантируемых Конституцией Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 г. № 333-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/350. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обозначаемое обычно такими терминами, как “захват”, “доставление”, “разбирательство”, производится не “в порядке, установленном настоящим Кодексом”, поэтому не охватывается употребленной в УПК РФ категорией фактического задержания»¹. Действительно, УПК РФ не регламентирует ограничение свободы в рамках фактического захвата и доставления, эти действия остаются за пределами уголовного процесса, за исключением случаев задержания по поручению следователя, дознавателя. Необходимо оговориться, что такой взгляд мы признаем объективным и считаем соответствующим букве закона, однако в рамках данной работы хотелось бы посмотреть на фактическое задержание через призму закладываемого в него изначально смысла.

В ходе проведения Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству круглого стола на тему «Уголовно-процессуальный кодекс РФ: 20 лет со дня введения в действие», сенатор Совета Федерации Е.Б. Мизулина, которая являлась главой рабочей группы по подготовке УПК РФ, отметила, что в фактическое задержание изначально закладывался смысл именно физического ограничения свободы, включающего захват и доставление. Намерения законодателя понятны, и дискурс о различных интерпретациях фактического задержания хоть и интересен, но не плодотворен.

Кроме того, Генеральной прокуратурой РФ установлена необходимость: в целях выявления и пресечения нарушений прав граждан устанавливать соответствие указанного в протоколе времени задержания с фактическим, изучая необходимые материалы, в том числе рапорты сотрудников правоохранительных органов, производших задержание; сопоставлять сведения о составлении протоколов задержания подозреваемых непосредственно после истечения срока их ареста за административные правонарушения². Данные указания также подтверждают заявленный тезис.

¹ Григорьев В.Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 4. С. 52.

² Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока

Фактическое задержание содержательно относится ко второму подходу. Его сущность выражается в действиях, направленных на физический захват и препровождение лица в правоохранительный орган. Причем не обязательно фактическое задержание перерастает в уголовно-процессуальное. В силу различных обстоятельств, фактических и юридических ошибок сотрудников уголовно-процессуальные отношения могут вовсе не возникнуть, хотя фактическое ограничение свободы имело место. Кроме того, обязательным условием задержания является совершение лицом преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Не всегда очевидно, что совершаемое/совершенное на глазах сотрудника правоохранительного органа деяние является преступлением. Уголовно-процессуальная деятельность данных сотрудников, как правило, не является основной. К тому же нельзя недооценивать факторы внезапности и стресса, которые могут сказаться на квалификации деяния. Эти обстоятельства не позволяют признать данные отношения уголовно-процессуальным задержанием.

В п. 1 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») указано, что полиция вправе задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. В то же время п. 9 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» вменяет в обязанность полиции исполнение поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания о задержании лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Нет предпосылок к тому, чтобы считать это задержание самостоятельным и отождествлять его с фактическим задержанием из УПК РФ. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, в том виде, в каком оно изложено в ФЗ «О полиции», в отрыве от УПК РФ применяться не может.

Думается, что данное задержание сконструировано по советской, более удачной модели фактического задержания, которое являлось исполнительным, «силовым» этапом уголовно-процессуального задержания и предполагало захват и доставление: следователь принял решение о задержании, милиция произвела захват лица и доставила к следователю. Впрочем, описанная ситуация возможна и сейчас, учитывая полномочие следователя давать органу дознания поручение о задержании (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Как ни странно, нынешнее фактическое задержание, содержащееся в УПК РФ, не урегулировано и в ФЗ «О полиции». В то же время в действующей формулировке оно не способно полноценно войти в содержание уголовно-процессуального задержания, так как имеет другую сущность и неопределенную правовую природу.

В итоге мы имеем то, что задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения отягощена фактическим задержанием, введенным ради учета времени ограничения личной свободы. В конечном счете это создает путаницу и в теории, и на практике. Согласимся с профессорами Б.Б. Булатовым и В.В. Кальницким, что «задержание никогда не рассматривалось законодателем исключительно как уголовно-процессуальное решение, которым, по сути, является, а всегда находилось под “нагрузкой” других функций. В советское время это была функция доказывания, а сейчас – фиксации обстоятельств ограничения личной неприкосновенности»¹. Очевидно, что непроцессуальное ограничение свободы должно быть учтено и сведено к минимуму. Тем не менее фактический захват и доставление к сущности уголовно-процессуального задержания не относятся.

Как один из возможных вариантов решения данной проблемы заслуживает внимания предложение А.В. Куликова и Г.А. Чобанова о дополнении ст. 38 УК РФ примечанием в следующей редакции:

«Примечание 1. Под понятием задержания лица, совершившего преступление, следует понимать фактическое задержание лица, заподозренного в

¹ Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1. С. 8.

совершении общественно опасного деяния, запрещенного настоящим Кодексом под угрозой наказания, для доставления в правоохранительный орган и принятия решения об уголовно-процессуальном задержании либо об освобождении»¹. Вводя эти положения в качестве уголовно-правового понятия задержания, авторы выводят фактическое задержание за процессуальные рамки, что представляется разумным. Однако ст. 38 УК РФ распространяется и на обычных граждан, а в контексте учета времени ограничения физической свободы речь нужно вести о задержании как о мере принуждения, применяемой прежде всего государственными органами.

Также заслуживают внимания положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан² (далее – УПК РК), предусматривающие доставление. В соответствии с ч. 1 ст. 129 УПК РК доставление – мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более трех часов в целях выяснения причастности лица к уголовному правонарушению. Согласно ч. 2 при подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению орган уголовного преследования вправе осуществить задержание. Данная процедура представляется разумной и позволяет в рамках уголовно-процессуальных отношений обеспечить физическое присутствие лица, не ставя его при этом в статус подозреваемого. Кроме того, если лицо будет подвергнуто задержанию, в его срок будет включен срок доставления, что исключает бесконтрольное ограничение свободы. Законодатель разграничил действия по захвату и препровождению с кратковременным арестом, такой подход можно поддержать. Учитывая ч. 3 ст. 128 УПК РК, согласно которой задержание лиц по подозрению в совершении преступления производится после проведения необходимых неотложных следственных действий (за исключением случаев, когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его

¹ Куликов А.В., Чобанов Г.А. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 31.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.

совершения), такое доставление должно иметь место всегда (нет оснований полагать, что задержание начинается сразу, не месте). По большому счету, фактически в России ситуация схожая, только это самое «доставление» нигде не урегулировано.

Целесообразно обратиться к вопросу о задержании лиц, обладающих иммунитетами, на месте преступления (ст. 449 УПК РФ). Речь в данной норме идет, очевидно, о фактическом задержании, так как в этом случае принять решение о возбуждении уголовного дела и о кратковременном лишении свободы объективно невозможно.

Зарубежный законодатель тоже не смог уйти от логических и терминологических проблем. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК РБ) в ст. 107 «Понятие задержания» определяет, что задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом. Данная дефиниция ограничивается перечислением этапов задержания. Кроме того, присутствует тавтология, понятие определяется само через себя, в результате чего его содержание не раскрывается.

Данная проблема является общей для постсоветского пространства, задержание выступает как кратковременный арест, срок которого исчисляется с момента фактического задержания. Уйти от использования понятия «задержание» очень сложно, оно прочно закрепилось в общественном сознании и стало общеупотребительным, вошло в обиходную речь. Подкрепляется это наличием данной меры принуждения во многих других, не относящихся к уголовному процессу законах, где задержание понимается как захват и доставление.

Сущность уголовно-исполнительного задержания соответствует первому подходу. Это всё то же кратковременное лишение свободы лица до судебного заседания, но со своей спецификой. Исходя из анализа положений УИК РФ, можно сделать вывод, что субъект такого задержания – органы внутренних дел. Фактический захват и доставление не входят в сущность уголовно-исполнительного задержания. Что касается исчисления срока, оно должно

осуществляться с момента фактического ограничения свободы, так как задержание осужденного возможно только после объявления его в розыск уполномоченным органом уголовно-исполнительной системы, то есть в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Можно выделить следующие виды уголовно-исполнительного задержания:

1) задержание осужденного, уклоняющегося от наказания, не связанного с лишением свободы (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60¹⁷ УИК РФ);

2) задержание осужденного к лишению свободы, осуществившего выезд за пределы исправительного учреждения и уклоняющегося от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение (ч. 11 ст. 97 УИК РФ);

3) задержание осужденного, уклоняющегося от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания (принудительных работ и лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении) или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный срок (ч. 4 ст. 60², ч. 6 ст. 75¹ УИК РФ);

4) задержание осужденного, получившего отсрочку отбывания наказания в связи с прохождением курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации, не прибывшего в двухнедельный срок со дня освобождения из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию, а также скрывшегося от контроля после постановки на учет (ч. 9 ст. 178¹ УИК РФ).

Отдельно стоит выделить задержание осужденного к лишению свободы, уклоняющегося от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение (ч. 11 ст. 97 УИК РФ). Данное задержание осуществляется органами внутренних дел на срок до 30 суток с санкции прокурора, указание на необходимость объявления лица в розыск органом уголовно-исполнительной системы отсутствует. Данный вид уголовно-исполнительного задержания специфичен, срок остальных видов задержания осужденного составляет конституционные 48 часов с возможностью продления судом до 30 суток.

Хотелось бы обратить более пристальное внимание на уже упомянутое ранее задержание, предусмотренное ФЗ «О полиции». Оно неоднородно по своей

правовой природе. Например, при административном задержании (п. 5 ч. 2 ст. 14) и задержании лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты (п. 10 ч. 2 ст. 14), полиция сама уполномочена принимать решение о кратковременном лишении свободы. В других случаях данное задержание имеет утилитарный, сугубо исполнительный характер. Речь идет о фактическом захвате и доставлении лиц в компетентные органы, где в последующем будет осуществлено отраслевое кратковременное лишение свободы (уголовно-процессуальное, административное).

Полиция, согласно ст. 14 ФЗ «О полиции», задерживает лиц, в отношении которых ранее уже приняты решения об ограничении свободы их передвижения: лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок (п. 2 ч. 2 ст. 14); лиц, уклоняющихся от исполнения административного наказания в виде административного ареста (п. 3 ч. 2 ст. 14); лиц, находящихся в розыске (п. 4 ч. 2 ст. 14); лиц, уклоняющихся от исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера или принудительных мер воспитательного воздействия (п. 7 ч. 2 ст. 14); лиц, уклоняющихся от следования в специализированные лечебные учреждения для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера (п. 8 ч. 2 ст. 14); лиц, совершивших побег из психиатрического лечебного учреждения или скрывающихся от назначенной судом недобровольной госпитализации в такое учреждение (п. 12 ч. 2 ст. 14). Однако задержание военнослужащих и граждан Российской Федерации, призванных на военные сборы, подозреваемых в совершении преступления (п. 6 ч. 2 ст. 14); лиц, допустивших нарушение правил комендантского часа (п. 9 ч. 2 ст. 14); лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты (п. 10 ч. 2 ст. 14); лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и

окружающих (п. 11 ч. 2 ст. 14), не подразумевает наличия ранее возникших правоотношений по поводу ограничения свободы лица.

В п. 1, 5, 13 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции» идет речь об уголовно-процессуальном и административном задержании, то есть кратковременном аресте, на которое полиция также уполномочена.

Стоит упомянуть, что Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в ст. 10 предоставляет право сотрудниками данного органа задерживать лиц до передачи в полицию. При этом дублируются многие пункты из ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции».

Кроме того, в ч. 4 ст. 14 ФЗ «О полиции» сказано, что срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения за исключением административного задержания, которое исчисляется с момента доставления. Это корректно как в контексте исполнительного характера, когда задержание осуществляется по поручению или уже в рамках возникших отраслевых правоотношений, так и в самостоятельных видах задержания, представленных в ФЗ «О полиции».

Немаловажными являются положения п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», позволяющие доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение в служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте); установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда, либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания, либо как пропавший без вести. Критериями для разграничения доставления и задержания, по сути, выступает удостоверенность сотрудников полиции в личности гражданина и очевидность его противоправного поведения. В зависимости от этих обстоятельств одни и те же действия, направленные на захват и препровождение, в одном случае будут считаться задержанием, а в другом – доставлением. Исключение составляет административное задержание, которое в любом случае следует после доставления. Доставление в соответствии с п. 13 ч. 1

ст. 13 ФЗ «О полиции» является задержанием в конституционном смысле, так как имеет место досудебное ограничение свободы.

Помимо приведенных источников, все нормативные акты, дающие органам власти полномочия на применение силы, также предусматривают задержание. Так, ст. 13, 14, 14.1, 14.3–14.6 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (далее – ФЗ «О ФСБ»); ст. 259, 268–269, 271 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ст. 14, 26, 28, 29, 30, 31.2, 31.3, 36 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»; ст. 10, 18–23 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – ФЗ «О Росгвардии»); ст. 30 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»; ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» регламентируют полномочия соответствующих органов на задержание. Данные акты предусматривают действия, направленные на фактическое ограничение физической свободы передвижения лица при обстоятельствах и условиях, присущих специфике деятельности конкретного органа.

Надлежит рассмотреть соотношение терминов «задержание» и «доставление», которые часто упоминаются вместе. В российском законодательстве можно выделить следующие подходы:

1) задержание с целью доставления. Так, согласно ст. 38 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений. Согласно ч. 2 ст. 10 ФЗ «О Росгвардии» лицо, подвергнутое задержанию, подлежит доставлению в ближайший орган внутренних дел в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания. В соответствии со ст. 14.6 ФЗ «О ФСБ» данный орган вправе применять физическую силу для задержания и доставления в служебные

помещения органов федеральной службы безопасности, других государственных органов лиц, совершивших преступления или административные правонарушения. Это подход присущ всем видам пресекательного задержания, то есть фактического захвата (поимки). После доставления происходит первоначальное разбирательство, по результатам которого лицо может быть освобождено либо задержано уже в процессуальном порядке;

2) доставление с целью задержания. Здесь можно привести ранее упомянутый п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», согласно которому полиция вправе доставлять граждан с целью решения вопроса о задержании. Такой подход применим и к административному задержанию как обеспечительной мере, которая применяется после доставления;

3) задержание включает и фактический захват, и доставление. Так может быть интерпретировано фактическое задержание, которое содержится в УПК РФ.

Несмотря на разные формулировки, доставление в любом случае подразумевает акт фактического ограничения свободы (захват или устное требование следовать за сотрудником), поэтому оно, как уже отмечалось ранее, может быть отнесено ко второму, пресекательному подходу к пониманию задержания.

В уголовном законе есть состав преступления, предусмотренный ст. 301 УК РФ: незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 под заведомо незаконным задержанием, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 301 УК РФ, следует понимать совершение дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа или по их поручению иным должностным лицом умышленных действий, направленных на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого при отсутствии предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований и обязательных условий, либо бездействие, выражающееся в умышленном непринятии уполномоченным должностным лицом установленных законом мер к

освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления¹. Данное разъяснение выступает дополнительным аргументом в пользу понимания сущности задержания подозреваемого как внесудебного кратковременного ареста (первый подход). К тому же в п. 3 данного постановления в качестве незаконного задержания названы действия, совершаемые при отсутствии вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела. Это дополнительно лишает нас возможности считать фактическое задержание (в том виде, в каком оно задумывалось) уголовно-процессуальным.

Исходя из позиции Верховного Суда РФ, не охраняются данной статьей отношения, порождаемые непроцессуальным, фактическим задержанием, что логично, так как речь идет о мере процессуального принуждения. Интерес вызывает предложение Ю.П. Поповой о том, что «лицо, осуществившее “фактическое” задержание, может быть пособником лица, применившего “юридическое” задержание, при умышленном совместном совершении преступления»². Спорным является вопрос о причинении вреда свободе личности путем продления задержания, а также применением уголовно-исполнительного задержания. Согласимся, что эти случаи необходимо урегулировать в ст. 301 УК РФ, учитывая, что гл. 31 УК РФ касается в том числе стадии исполнения приговора³.

Неурегулированным остается вопрос о задержании должностными лицами оперативных подразделений. Ни в одном законе нет упоминания о возможности задержания лиц указанными субъектами, в частности, в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. В целом ситуация такая же, как и при непосредственном обнаружении преступления, когда сотрудники полиции (например, патрульно-постовой службы (далее – ППС)) проводят задержание в

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Попова Ю.П. Уголовно-правовая характеристика заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 7.

³ Борков В.Н., Булатов Б.Б. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 198.

рамках весьма неконкретных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. В связи с этим В.А. Гусев считает, что «в ст. 15 ФЗ об ОРД необходимо предусмотреть право органов, осуществляющих ОРД, производить захват, доставление и досмотр лиц, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений... В то же время необходимо согласовать оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательства путем разграничения понятий “задержание подозреваемого” (уголовно-процессуальное решение) и “фактическое задержание”, определив сущность последнего административными и оперативно-розыскными действиями по захвату и доставлению лица, заподозренного в совершении преступления»¹. В настоящее время сотрудники оперативных подразделений вынуждены добиваться «перемещения» заподозренного лица в отдел полиции, например, путем административного доставления за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ) с последующим административным задержанием. Поэтому предложения о внесении изменений в закон «Об ОРД» в этой части представляются разумными. Кроме того, в авторском проекте оперативно-розыскного кодекса РФ, подготовленном В.Ф. Луговиком, доставлению и задержанию отдельно посвящены ст. 35 и 36 соответственно², что демонстрирует внимание к данной проблеме в науке ОРД.

Нельзя не упомянуть о так называемом «гражданском задержании», не имеющем самостоятельного регулирования, но упомянутом в уголовном законе. Право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении. Положения статьи 38 УК РФ могут быть применены в отношении указанных лиц в случае

¹ Гусев В.А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика. М., 2014. С. 97.

² Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-razysknoy-kodeks-rossiyskoy-federatsii-avtorskiy-proekt-federalnogo-zakona> (дата обращения: 01.12.2022).

причинения ими вреда при задержании лица, совершившего преступление¹. Назвав данные действия граждан задержанием, законодатель в очередной раз подтвердил противоречивое содержание данного термина. Действия граждан по захвату и доставлению имеют такое же наименование, как урегулированная законом правовая мера, осуществляемая государством. Такое положение вещей нельзя назвать обоснованным, вновь преобладает «фактическая» природа задержания, связанная с физическим ограничением свободы, которое в рассматриваемой ситуации, безусловно, имеется.

Законодатель Республики Беларусь, например, использует другой подход. Гражданское задержание регламентировано УПК РБ в ст. 109 «Право граждан на захват лица, совершившего преступления». В ч. 2 данной статьи указано, что каждый гражданин имеет право захватить и принудительно доставить в орган власти лицо, застигнутое им при совершении преступления или попытке скрыться непосредственно после его совершения. Это демонстрирует попытку отграничения данных действий от задержания на основе правовой природы. По содержанию захват и фактическое задержание идентичны, но в правовом поле необходимо показать разницу, внести ясность, что вопросы соблюдения процедуры и исчисления срока к простому гражданину не относятся. Однако в ч. 1 той же статьи определено, что захват лица – действия граждан по задержанию лица, совершившего преступление, либо для пресечения преступления и для передачи его органу власти. Действия, отграниченные от задержания, определяются через него же, что делает этот подход несогласованным.

В УПК РК данный институт регламентирован в ст. 130 и назван «правом граждан на непроцессуальное задержание лиц, совершивших уголовное правонарушение». Разделение задержания на процессуальное и непроцессуальное представляется обоснованным и демонстрирующим существенные различия данных институтов.

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Самым теоретически проработанным видится гражданское задержание, содержащееся в модельном уголовно-процессуальном кодексе стран – участников Содружества Независимых Государств (далее – Модельный УПК стран СНГ)¹. Так, ст. 161 названа «Право граждан на захват лиц, предположительно совершивших запрещенное уголовным законом деяние». Согласно ч. 1 этой статьи каждый имеет право захватить и принудительно доставить в полицию или иной орган государственной власти лицо, застигнутое им при совершении запрещенного уголовным законом деяния или попытке скрыться непосредственно после его совершения. Во-первых, положительно можно оценить формулировку «предположительно запрещенное уголовным законом деяние», так как преступление – правовая категория, признаки которой должен устанавливать квалифицированный юрист, а не любой гражданин. Во-вторых, не называя в данном случае захват и доставление задержанием, авторы различают правовой институт и фактические действия, связанные с выполнением общественного долга. Можно заметить влияние данного кодекса на положения УПК РБ, представленные выше.

Гражданское задержание относится ко второму подходу к сущности задержания и подразумевает фактическое ограничение свободы и доставление. В одних государствах применительно к этим отношениям используется категория «задержание», в других – нет. Содержание этого явления тем не менее не меняется. Другой вопрос, стоит ли упоминать в УПК непроцессуальные отношения? Представляется, что нет. В уголовно-процессуальном законе эти положения выглядят чуждо, отстраненно. Разумным можно назвать решение российского законодателя не реализовывать эти положения Модельного УПК стран СНГ в отечественном УПК. Думается, что применен такой прием юридической техники, как квалифицированное молчание законодателя. Отношения, связанные с выполнением общественного долга, трудно поддаются правовой регламентации, они не являются юридической обязанностью и в целом

¹ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

исходят из правосознания. Поэтому упоминание гражданского задержания в УПК является нецелесообразным, оно является юридическим фактом только при причинении вреда задержанному, о чем говорит ст. 38 УК РФ. В других случаях такое задержание не порождает, не изменяет и не прекращает правоотношений, поскольку право на захват и доставление не порождает корреспондирующих с ним юридических обязанностей у задерживаемого лица. Профессор С.Б. Россинский, указывая на невозможность включения в предмет уголовно-процессуального регулирования фактического задержания, осуществляемого правоохранительными органами, верно отмечает: «Так чего уж говорить про “гражданское” задержание, осуществляемое даже не в публично-правовом режиме, не специально уполномоченными государством субъектами, а всего лишь частными лицами. Представляется, что ни о каком уголовно-процессуальном характере этого действия не может идти и речи»¹.

Термин «задержание» в российском законодательстве неоднозначен, и далеко не всегда его содержание очевидно. Мы придерживаемся позиции, что сущность ключевых видов задержания соответствует первому предложенному подходу и выражается в принятии решения о кратковременном лишении свободы. Считаем принципиальной необходимость отказа от обременения уголовно-процессуального задержания захватом и препровождением. Тем не менее для гражданина, чья свобода ограничивается, не имеет значения, в каком порядке, в рамках какого законодательства он задерживается. Поэтому фактический захват и доставление требуют самостоятельного регулирования.

Частое и бессистемное употребление в законодательстве термина «задержание» порождает проблемы в восприятии правового регулирования в этой части. Несмотря на то, что сущность задержания так или иначе заключается в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, единством содержания данный термин не характеризуется. Поэтому можно выделить

¹ Россинский С.Б. «Гражданское» задержание: включать или не включать в сферу уголовно-процессуального регулирования? // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 49-50.

подходы, согласно которым задержание понимается как кратковременный арест и как фактическое ограничение свободы (захват, доставление).

Кратковременным арестом можно назвать задержание, которое заключается в принятии решения о водворении и содержании в специализированном помещении лица в целях обеспечения производства по делу (судебной процедуры). Задержание как арест по отраслевой принадлежности делится на: 1) уголовно-процессуальное; 2) уголовно-исполнительное; 3) административное. Среди этих мер могут быть выделены их разновидности.

Задержание во втором подходе, которое мы называем пресекательным, – фактический захват, поимка лица, также в определенных случаях целесообразно включать сюда доставление. Данное задержание представлено целым рядом законов, регулирующих деятельность правоохранительных органов. Для силовых ведомств задержание является, пожалуй, самой востребованной мерой принуждения, поэтому представляется необходимой систематизация разрозненных полномочий различных органов на захват и доставление лиц, совершивших преступления или административные правонарушения. Пресекательное задержание применяется, как правило, внезапно, имеет оперативный и неотложный характер в отличие от обеспечительного задержания. Даже тогда, когда поимка и препровождение осуществляются в рамках отраслевых правоотношений (уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных), они не являются составной частью кратковременного ареста, а служат лишь средством его реализации.

§ 2. Правовая основа задержания как фактического ограничения свободы передвижения

Неоднозначность задержания, помимо прочего, касается его места в системе права. Не оспаривается, что задержание является правовым институтом¹, то есть

¹ Под институтом права в современной российской правовой теории следует понимать внутренне и внешне обособленную часть отрасли права, представляющую логически заверченный и единый компактный комплекс нормативно-правовых предписаний (их подсистему), который обеспечивает относительно самостоятельное и цельное

первичной общностью норм, регулирующих определенный вид отношений. В юридической литературе задержание часто (если не всегда) называют правовым институтом. Однако содержание этого института зависит от понимания данной меры принуждения.

И.А. Веретенников считает, что задержание является комплексным правовым институтом, деятельность по задержанию подозреваемого определяет «как систему действий, включающую в себя: доставление лица в служебное помещение; разбирательство с доставленным...»¹. Эта позиция (нами критикуемая) вынуждает автора к следующим рассуждениям: «Обоснование в системе задержания подозреваемого различных действий предопределяет неоднородность его правовой природы, в соответствии с которой одни элементы задержания чаще всего являются уголовно-процессуальными, другие носят административный характер. Следует учитывать также неоднозначность правовой природы отдельных элементов задержания в различных ситуациях»². Закономерен вопрос: зачем включать в содержание меры уголовно-процессуального принуждения действия, имеющие иную правовую природу?

Вопрос о комплексных институтах является дискуссионным. По этому поводу Е.А. Киримова отмечает следующее: «Институты, являющиеся отраслевыми, но содержащие в себе элементы, свойственные другой отрасли права, получили название смешанных, пограничных, многоотраслевых, смыкающихся, комплексных и т.п.»³. Также ученые считают комплексными институты, «состоящие из норм различных отраслей права, но регулирующие взаимосвязанные родственные отношения. Так, институт права собственности

регулирование определенного вида (подвида) соответствующего типа родственных общественных отношений. См. : Лантух Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов. СПб., 2015. С. 9.

¹ Веретенников И.А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 56-57.

² Там же. С. 61.

³ Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды : учебное пособие. Саратов, 2000. С. 27.

складывается из норм конституционного, гражданского, семейного, административного и некоторых других отраслей права»¹.

На роль комплексного правового института задержание может претендовать в его конституционно-правовом понимании, при котором общее правило содержится в основном законе, а детализация – в отраслевых нормативных правовых актах. Вместе с тем конституционное регулирование задержания, как представляется, является недостаточным для признания его самостоятельным правовым институтом, речь идет лишь о недопустимости внесудебного лишения свободы на срок свыше 48 часов². Нормы ст. 22 Конституции РФ являются частью другой правовой общности. В конституционном праве традиционно выделяется институт основ правового статуса человека и гражданина (в него входят права, свободы, обязанности). А.А. Подмарев говорит о существовании в Конституции РФ института ограничения прав личности. По сути, данный институт входит в состав института основ правового статуса. Автор включает в него следующие положения Конституции РФ: «1) принципы ограничений всех прав и свобод (ч. 3 ст. 55, ч. 1 и ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 19, ч. 4 ст. 15); 2) нормы, закрепляющие случаи, способы, условия, процедуры, порядок санкционирования ограничения отдельных прав и свобод (ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32, ч. 2 ст. 34, ч. 3 ст. 35, ч. 2 ст. 36, ч. 2 ст. 74 и др.); 3) нормы, устанавливающие возможность ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (ч. 1 ч. 3 ст. 56)»³. Этот институт реализуется не посредством норм из разных отраслей права, а целыми отраслями права (уголовного, административного, уголовно-процессуального и др.), которые, в свою очередь, также подразделяются на множество институтов. Можно возразить,

¹ Пиголкин А.С. Теория государства и права : учебник для вузов / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев ; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2025. 516 с.

² Шайденко Д.А. Сущность, выражаемая категорией «задержание», в законодательстве уголовно-правового комплекса // Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2023. С. 137-139.

³ Подмарев А.А. Институт ограничения прав личности в Конституции РФ 1993 года // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 589.

сказав, что приведенные отрасли регулируют не только вопросы ограничения прав. Это замечание будет справедливым. Тогда нужно говорить о том, что воздействие на правовой статус личности осуществляется посредством отраслевых институтов (задержания, мер пресечения, наказания и др.). Между конституционным регулированием и конкретными отраслевыми мерами могут быть поставлены и другие правовые институты (например, мер государственного принуждения). Из этого следует, что правовые институты не равны между собой. Положения, являющиеся подчиненными по отношению к определенному институту, не обязательно являются отдельными нормами (шаг на ступень ниже в системе права), они сами могут являться институтами, но с меньшей степенью общности. Н.В. Витрук, исследуя вопросы юридической ответственности, указал, что конституционные установления, регулирующие юридическую ответственность, по правовому характеру и юридической силе являются одновременно отраслевыми, поскольку составляют содержание конституционного права как отрасли права, и надотраслевыми, так как являются всеобщими, определяющими по отношению ко всем другим отраслям права¹. Это касается всех институтов конституционного права.

Нормы Конституции РФ, связанные с задержанием, являются составной частью института ограничения конституционных прав, если шире – института основ правового статуса человека и гражданина. Более корректным считаем классический подход, согласно которому правовые институты являются прежде всего отраслевыми. Нам импонирует точка зрения Е.А. Киримовой, которая считает, что «одни и те же отношения могут регулироваться нормами разных отраслей. Эти отношения разграничиваются по дополнительному критерию – методу правового регулирования. Имущественные отношения, к примеру, опосредуются нормами правовых институтов всех отраслей права. Нормы, регулирующие их, составляют не единый правовой институт, а отдельные правовые институты соответствующих отраслей права: конституционного,

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009.

гражданского, уголовного, административного, трудового и т. д.»¹. Также и отношения, связанные с досудебным лишением свободы, регулируются в соответствии со спецификой разных отраслей права и не являются единым правовым институтом.

Как указывает Н.В. Лантух, «институты уголовно-процессуального права – это структурные подразделения именно этой отрасли права. Они отличаются отраслевой обособленностью и должны включать только нормы, которые регулируют общественные отношения, связанные с осуществлением правосудия по уголовным делам»². Именно в таком контексте должен восприниматься институт уголовно-процессуального задержания, то есть в узкопроцессуальном смысле. Кроме того, институт задержания подозреваемого уникален: другие институты, например, следственных действий, мер пресечения и т. д. – регулируют целый ряд самостоятельных действий и решений. Задержание, в свою очередь, являясь одной мерой процессуального принуждения, составляет отдельный правовой институт. Уголовно-процессуальное задержание можно рассматривать как комплексный институт разве что в его связи с положениями Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Как уже было сказано, правовые институты являются составной частью других, более общих правовых институтов, что с точки зрения системы права не совсем последовательно. В этой части перспективным представляется поставленный В.В. Николюком вопрос о восприятии совокупности норм УПК РФ, регулирующих все меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, в качестве автономной подотрасли уголовно-процессуального права³, то есть как правовой общности, следующей после правового института.

¹ Киримова Е.А. Указ. соч. С. 26.

² Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов. СПб., 2015. С. 14.

³ Николюк В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. Омск, 2024. С. 74-75.

В соответствии с предлагаемым в данной работе разграничением уголовно-процессуальное, административное и уголовно-исполнительное задержания адекватно «входят» в систему права и являются отраслевыми правовыми институтами. Они воспринимаются нами как кратковременные аресты, которые действуют в рамках предмета и метода «материнских» отраслей. Тем не менее согласимся с О.А. Мядзелец, что «недооценка специфики смешанных правовых институтов – одна из основных причин безосновательных споров по вопросу о юридической природе...»¹ того или иного института и что «смешанные институты теоретически и практически могут принадлежать нескольким соответствующим отраслям права»². Однако, как представляется, задержание – не тот случай.

Намного сложнее дело обстоит с регулированием действий по фактическому захвату и доставлению лиц, совершивших преступление или административное правонарушение. Еще в советских работах можно было встретить рассуждения о том, что поимка и препровождение не входят в процессуальное задержание, потому что имеют административно-правовой характер³. Этот тезис может быть подтвержден гипотетически возможной проблемной ситуацией, когда предполагалось совершение лицом административного правонарушения, а деяние оказалось преступлением с административной преюдицией. Например, за побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) предусмотрено административное наказание в виде административного ареста, следовательно, к лицу, совершившему данное правонарушение, может быть

¹ Мядзелец О.А. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2025. С. 17.

² Там же. Также автор в качестве направления развития доктрины видит выделение уголовно-процессуальной составляющей в межотраслевых правовых институтах с последующей ее оптимизацией. См.: Мядзелец О.А. Институты уголовно-процессуального права: понятие, признаки, методология исследования // Российская юстиция. 2023. № 4. С. 36.

³ Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилев А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975. 93 с.; Мирский Д.Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. Т. 45. Серия юридическая. Вып. 8. Ч. 4 (Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству). Иркутск, 1969. С. 294-301.

применено административное задержание не на общий 3-часовой срок, а до 48 часов (ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ). Однако за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ), не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, что исключает возможность применения уголовно-процессуального задержания¹. К тому же это преступление относится к делам частного обвинения. Обстоятельства эти можно выяснить, как правило, только после доставления лица в подразделение. Это в очередной раз доказывает некорректность определения правовой природы захвата и доставления как уголовно-процессуальной.

Поддержим позицию Ю.П. Соловья, который считает, что задержание заподозренного лица до возбуждения уголовного дела является административно-правовым: «Иначе и быть не может, ибо подобное задержание осуществляется вне судебно-следственной процедуры, без предварительного вынесения письменного процессуального решения об этом, по инициативе любого сотрудника милиции, действующего в порядке административной, а не уголовно-процессуальной деятельности»². Согласимся и с А.А. Лукьяновой, что «порядок ограничения свободы и личной неприкосновенности лица, совершившего преступление, невозможно урегулировать только нормами уголовно-процессуального права»³.

Сложно спорить, что «фактическое» задержание – не отраслевой кратковременный арест (уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный, административный). Однако попытки обнаружить действительное правовое регулирование захвата и доставления часто заводят в тупик. Ученые по этой причине вынуждены обосновывать «силовые» действия правоохранительных органов функциями по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и т.д. Такое расширительное толкование может

¹ Шайденко Д.А. Задержание лица по подозрению в совершении преступления с административной преюдицией // Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2024. С. 147.

² Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 216.

³ Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2024. С. 195.

объяснить полномочия на захват и доставку, однако это не соответствует правилу о том, что меры, направленные на ограничение конституционных прав, могут применяться только по прямому разрешению законодателя (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Как указывает С.И. Вершинина, «налицо парадокс: возлагая на полицию задачи правоохраны и наделяя в связи с этим полномочиями по противодействию преступности, предупреждению и пресечению противоправных деяний, в том числе посредством применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, законодатель не предоставляет сотрудникам полиции “собственных” полномочий на кратковременное задержание правонарушителей вне связи с наличием возбужденного уголовного или административного дела»¹. Анализ законов о правоохранительных органах (так называемых «статусных»² законов) не позволяет безоговорочно согласиться с этим тезисом.

Перед началом анализа данных нормативных правовых актов сделаем оговорку. Статусные законы не относятся к классическим актам уголовно-правового цикла (УК, УПК, УИК), тем не менее на «силовые» ведомства возложены обязанности по борьбе с правонарушениями, в частности, с преступлениями. Исследование задержания не может быть полноценным, если оно ограничено «узкокриминальными» отраслями права. Поэтому считаем, что рассмотрение статусных законов о правоохранительных органах не противоречит объединенной научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки, напротив, игнорирование большого массива нормативного регулирования задержания не позволит провести исследование с достаточной полнотой и объективностью.

Нормы, предоставляющие тому или иному органу полномочия на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия,

¹ Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования. С. 262-263.

² «В системе законодательства о полицейской деятельности важное место принадлежит статусным законам – нормативным актам высшей юридической силы, определяющим организационно-правовое положение полицейских органов, порядок их организации и деятельности» (Черников В.В. Полицейское законодательство России: состояние и направления развития // Полицейское право. 2005. № 1. С. 36).

всегда так или иначе касаются задержания. Предлагаем рассмотреть полномочия на применение физической силы, так как они наиболее универсальны и имеют место всегда, в том числе когда возникают случаи применения специальных средств и огнестрельного оружия.

Так, правоохранительные органы вправе применять физическую силу:

1) полиция – «для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц» (п. 2 ч. 1 ст. 20 ФЗ «О полиции»);

2) ФСБ – «для задержания и доставления в служебные помещения органов федеральной службы безопасности, других государственных органов лиц, совершивших преступления или административные правонарушения» (п. «б» ст. 14⁶ФЗ «О ФСБ»);

3) таможенные органы – «для задержания правонарушителей» (п. 2 ч. 2 ст. 268 ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

4) органы УИС – «для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу» (п. 2 ст. 29 ФЗ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»);

5) Росгвардия – «для задержания и доставления в полицию лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении» (п. 2 ч. 1 ст. 19 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»);

6) «сотрудники органов государственной охраны имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы рукопашного боя, для пресечения преступлений и иных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям сотрудников, если ненасильственные способы не обеспечивают исполнение возложенных на них служебных обязанностей» (ст. 25 ФЗ «О государственной охране»);

7) абсолютно в такой же формулировке (как у сотрудников государственной охраны) аналогичные полномочия предоставлены работникам ведомственной охраны (ст. 14 ФЗ «О ведомственной охране»).

8) «сотрудники органов принудительного исполнения могут применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания лиц, их совершивших, либо задержания лиц в соответствии с судебным актом или преодоления противодействия законным требованиям сотрудника органов принудительного исполнения, если не силовые способы не обеспечивают исполнения возложенных на органы принудительного исполнения обязанностей» (ст. 16 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»).

В приведенных положениях законов речь явно идет о пресечении противоправных деяний, захвате и доставлении лиц. Ни о каком ранее начатом производстве по уголовному делу или по делу об административном правонарушении данные нормы не свидетельствуют. Кроме того, эти положения ставят под сомнение позиции авторов, которые считают, что поимка и препровождение охватываются понятием «доставление». Термин «задержание» здесь используется как обозначение фактического захвата, в пресекательном смысле. Иной подход в этой части наблюдается лишь в ФЗ «О полиции», там доставление указано перед задержанием. Однако уже в п. 2 ст. 21 данного акта говорится о применении специальных средств «для задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться». В целом в приведенных законах, когда речь идет о применении специальных средств и огнестрельного оружия, используются формулировки «для пресечения преступления», «для задержания лица» в той или иной конфигурации.

Также в вышеприведенных нормах используется не вполне последовательная формулировка «лиц, совершивших преступление или административное правонарушение» (на данном этапе сотрудники не могут это утверждать в силу презумпции невиновности). Данная фраза используется в

сугубо фактическом смысле, как в ст. 38 УК РФ «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление». Имеется в виду, по сути, явное подозрение в совершении преступления или административного правонарушения, которое имеет место в условиях внезапности и очевидной противоправности деяния, в том числе когда лицо застигнуто при совершении правонарушения или непосредственно после его совершения. Никакого ранее начатого производства и решения об ограничении свободы в этой ситуации нет. Поэтому нормы о возможности фактического захвата и доставления вне уголовно-процессуального или административного производства (до их начала) все-таки есть.

Задержание в законодательных актах о полномочиях «силовых» органов не всегда регулируется только в пресекательном смысле (как фактический захват). Так, согласно ст. 35 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» оружие и боевая техника могут применяться против лиц, воздушных, морских и речных судов и других транспортных средств, пересекших (пересекающих) Государственную границу в нарушение установленных правил, в ответ на применение ими силы или в случаях, когда прекращение нарушения или задержание нарушителей не может быть осуществлено другими средствами. Здесь речь идет как раз о пресекательном задержании. Положения же п. 4 ст. 30 данного Закона позволяют пограничным органам осуществлять задержание лиц, совершивших административные правонарушения или преступления в области защиты Государственной границы, в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях или уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. То есть согласно данной бланкетной норме пограничные органы имеют право применять отраслевой кратковременный арест в установленном законом порядке. Исходя из этого, статусные законы могут как предоставлять самостоятельные полномочия на захват и доставление, так и наделять правом на применение «процессуального» задержания (административного или уголовно-процессуального).

В целом правовое регулирование задержания в России выстроено так, что лиц можно ограничивать в свободе только в связи с преступлением или административным правонарушением (уголовно-процессуальное и административное задержания) либо в связи с уклонением от исполнения приговора (уголовно-исполнительное задержание). Иные случаи задержания, не связанные с вышеуказанными, перечислены в ст. 14 ФЗ «О полиции», и этот перечень не подлежит расширительному толкованию.

Ю.П. Соловей еще в 1993 году предлагал ввести в Закон «О милиции» конкретное, но при этом унифицированное полномочие милиции «задерживать, то есть ограничивать личную свободу на месте, при доставлении в милицию или иное служебное помещение и нахождении там, при необходимости с водворением в места содержания задержанных, лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они совершили преступление или административное правонарушение, для установления их личности, составления протокола или рассмотрения дела об административном правонарушении, решения вопроса о задержании по подозрению в совершении преступления в соответствии с законом, но не более трех часов (в органах транспортной милиции – шести часов) или иного срока, предусмотренного законом...»¹. При этом автор отмечает, что «желательно было бы увязать реализацию данного предложения с переименованием “задержания подозреваемого в совершении преступления” (ст. 122 УПК РСФСР) в “арест”, попутно устранив тем самым неоправданную синонимию в законодательном определении соответствующей меры пресечения. В результате выстроился бы стройный логический ряд – задержание (мера административного принуждения) – арест (одна из мер уголовно-процессуального принуждения) – заключение под стражу (наиболее жесткая в уголовном процессе мера пресечения)»². Именно этот терминологический ряд, как представляется, должен быть взят за основу правового регулирования досудебного и судебного лишения свободы в России.

¹ Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации С. 217.

² Там же.

С.И. Вершинина, по сути, делает то же самое, что Ю.П. Соловей, но путем введения нового вида правового задержания (наряду с уголовно-процессуальным и административным) – «полицейского» задержания, регламентировать которое предлагается в ФЗ «О полиции». Однако С.И. Вершинина предлагает более детально урегулированный вариант с перечислением оснований:

«Статья 14.1. Полицейское задержание

1. В случаях, установленных настоящей статьей, лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 8 часов. Срок полицейского задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы лица.

2. Сотрудник полиции при исполнении возложенных на него полномочий по охране правопорядка и обеспечению безопасности вправе задержать лицо при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении противоправного деяния, запрещенного уголовным либо административным законодательством, – до решения вопроса о возбуждении соответствующего производства, но на срок не более 8 часов; 2) когда очевидцы или пострадавшие укажут на гражданина как на лицо, совершившее противоправное деяние, – до выяснения обстоятельств, но на срок не более 8 часов; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы противоправной деятельности – до решения о возбуждении соответствующего производства, но на срок не более 8 часов; 4) когда требуется установление личности гражданина – до установления личности, но на срок не более 3 часов; 5) при попытке лица, причастного к противоправному деянию, скрыться – до установления обстоятельств произошедшего и личности лица, но на срок не более 8 часов; 6) при неподчинении лица законным требованиям сотрудника полиции – до выяснения обстоятельств, но на срок не более 5 часов»¹.

Данные меры в рамках концепций указанных авторов решают вопрос неурегулированности фактического захвата и доставления, проблему правового

¹ Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования. С. 276.

«вакуума» между фактическим и процессуальным задержанием. Однако при этом «за бортом» остаются все остальные органы, уполномоченные на применение силы и в чьи обязанности также входит борьба с преступностью. Надо отдать должное, предложенные Ю.П. Соловьев и С.И. Вершининой нормы универсальны и при желании могут быть распространены не только на полицию. Тем не менее как должны регулироваться полномочия других органов на «фактическое» задержание? В каждом статусном законе необходимо предусмотреть аналогичные положения или в каждый закон следует ввести ссылку на ФЗ «О полиции»? Как представляется, схожие полномочия правоохранительных органов (в ряде случаев даже идентичные) подлежат унификации.

Неоднозначным является вопрос об отраслевой принадлежности норм о задержании (в пресекательном смысле), которые содержатся в статусных законах. По мнению Ю.П. Соловья, подотраслью административного права является полицейское право, в свою очередь «субъектами полицейского права выступают преимущественно органы исполнительной власти, осуществляющие полицейскую деятельность: милиция, органы Федеральной службы безопасности, таможенные и пограничные органы и т.д.»¹. Некоторые ученые-административисты также не возражают против того, чтобы считать полицейское право подотраслью административного права².

Поддерживают эту позицию О.И. Бекетов и В.И. Сургутсков: «Современная система российского полицейского законодательства сложна и масштабна. Даже упрощенный ее анализ позволяет прежде всего выделить целый ряд статусных законов: это законы о полиции, о Федеральной службе безопасности, о

¹ Соловей Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. 2005. № 1. С. 9.

² Бекетов О.И., Жданов Н.М. О полицейском праве // Проблемы организации и совершенствования образовательного процесса в вузе: материалы межвузовских учебно-методических конференций. Омск, 2010. С. 144-146.

государственной охране, о судебных приставах, об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и другие»¹.

В.А. Юсупов выделяет две подотрасли материального административного права – «организационное административное право и полицейское (правозащитное) административное право. Правозащитный характер полицейского административного права вряд ли целесообразно связывать с деятельностью только милиции. Все субъекты административно-правовых отношений в рамках своей компетенции обязаны осуществлять правозащитную деятельность»².

Ю.Н. Старилов не отрицает существования полицейского права, однако связывает его исключительно с регулированием деятельности полиции (милиции): «Все остальные органы публичной власти, обеспечивающие общественную безопасность и борьбу с правонарушениями, относятся к другим частям административного права, в систему полицейского (милицейского) права не входят»³.

В.В. Черников отмечает, что «в своей правоприменительной деятельности полицейские органы в равной мере руководствуются нормами уголовно-процессуального законодательства, оперативно-розыскного права, законодательства о судостроительстве, налогового, финансового и иного законодательства...». На его взгляд, «полицейское право представляет собой сложный межотраслевой охранительный институт. Он вбирает в себя взаимосвязанную совокупность объективно обособившихся внутри нескольких отраслей права юридических норм, регулирующих полицейскую деятельность»⁴.

Теоретические основания считать пресекательное задержание институтом полицейского права есть. Вместе с тем приведенные позиции свидетельствуют об

¹ Бекетов О.И., Сургутсков В.И. Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 62.

² Юсупов В.А. Административное право и права человека (к вопросу о предмете полицейского права) // Полицейское право. 2005. № 2. С. 6-7.

³ Старилов Ю.Н. О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. 2005. № 1. С. 13.

⁴ Черников В.В. Указ. соч. С. 36.

отсутствии единства в понимании полицейского права среди административистов. К тому же сам вопрос о существовании этой правовой общности является дискуссионным. Как отмечает Ю.Н. Овсянников, «несмотря на приводимые учеными доводы об объективном существовании полицейско-правовых норм, полицейских правоотношений и субъектов правоохранительной (полицейской) деятельности, концепция выделения полицейского права в качестве подотрасли административного права имеет большое количество противников и пока не нашла серьезной поддержки среди представителей юридической науки»¹. Категоричен в этом вопросе И.Ш. Килясханов: «Дискуссия о так называемом полицейском праве – это дискуссия о производной конструкции, к тому же не имеющей ни правовых, ни теоретических, ни логических, ни каких бы то ни было других предпосылок»².

Рассуждения о полицейском праве, как представляется, должны проводиться в контексте развития законодательства о государственной службе в Российской Федерации. В первоначальной редакции Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон «О системе государственной службы») в ч. 1 ст. 2 было предусмотрено, что «система государственной службы включает в себя следующие виды государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; правоохранительная служба». Соответственно, был принят Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», также на этот момент действовали федеральные законы от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». Согласно с И.Н. Иваненко, Р.Р. Чермитом и А.Ю. Ачмиз, что «достаточно логичным шагом, исходя из смысла Федерального закона “О системе государственной службы Российской Федерации”, стало бы принятие закона о правоохранительной

¹ Овсянников Ю.Н. К вопросу о возможности и необходимости возрождения полицейского права // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 59-5. С. 29.

² Килясханов И.Ш. «Полицейское право» и административно-правовые реалии // Полицейское право. 2005. № 3. С. 17.

службе»¹. Проект такого закона активно обсуждался, однако он так и не был принят.

Также в первоначальной редакции Закона «О системе государственной службы» в ст. 7 содержалось следующее определение: «Правоохранительная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина». Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ² в данный закон были внесены изменения, в связи с которыми эта статья утратила силу. Этим же законом была изменена ч. 1 ст. 2, которая с того момента и по настоящее время стала выглядеть так: «Система государственной службы включает в себя: государственную гражданскую службу; военную службу; государственную службу иных видов». Законодательство утратило термин «правоохранительная служба».

Закон о правоохранительной службе был принят в Республике Казахстан³. В п. 7 ст. 1 приводится определение правоохранительного органа – это «государственный орган, обеспечивающий соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, законных интересов физических и юридических лиц, государства, реализующий политику государства по противодействию преступности и иным правонарушениям в соответствии со своей компетенцией, наделенный специальными полномочиями по обеспечению законности и поддержанию общественного порядка, выявлению, предупреждению,

¹ Иваненко И.Н., Чермит Р.Р., Ачмиз А.Ю. О системе государственной службы Российской Федерации // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 128. С. 6.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30916594&pos=3;-108#pos=3;-108.

пресечению, расследованию правонарушений, исполнению судебных решений по уголовным делам». Согласно ст. 3 «к правоохранительным органам относятся органы прокуратуры, внутренних дел, государственной противопожарной службы, антикоррупционная служба и служба экономических расследований, осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан». В ст. 59 обозначена цель применения огнестрельного и иного оружия, специальных средств и физической силы для правоохранительных органов: «Огнестрельное и иное оружие, специальные средства и физическая сила применяются в целях прекращения общественно опасных деяний, задержания и доставления в правоохранительные органы лиц, их совершивших, с учетом характера правонарушений и конкретных ситуаций».

Представляется, что такое комплексное регулирование деятельности правоохранительных органов и их полномочий на применение принуждения более предпочтительно, чем, например, предлагаемый С.Б. Россинским федеральный закон «О задержании»¹.

Согласимся с Ю.Б. Чупилкиным, который считает, что «вопросы фактического задержания должны осуществляться через призму правоохранительной деятельности, что позволит сформировать единообразную процедуру, обеспечивающую выполнение целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами, и интересов личности, подвергаемой фактическому задержанию»². Полномочия на применение правоохранительными органами пресекательного задержания должны быть унифицированы и систематизированы. Возникает вопрос о детализации этих полномочий, так как ранее проанализированные положения статусных законов являются в первую очередь основаниями применения физической силы (ситуация со специальными

¹ Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. 192 с.

² Чупилкин Ю.Б. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Краснодар, 2021. С. 183-184.

средствами и огнестрельным оружием аналогична). Иными словами, применение силы обосновывается необходимостью задержания, то есть ограничения свободы правонарушителя с целью пресечения противоправного деяния. Законодатель детально не выписывает основания фактического ограничения свободы (как это делает, например, С.И. Вершинина), и в этом, как представляется, можно найти свои плюсы. В нормативных правовых актах сложно предусмотреть универсальные основания фактических силовых действий, часто осуществляемых в условиях внезапности и стресса. При детальной регламентации каких-либо принудительных мер сотрудникам «силовых» ведомств в любом случае придется сначала решительно действовать, а уже потом смотреть, какое именно основание имело место в той или иной ситуации. Поэтому сам факт совершения противоправного деяния является достаточным основанием для пресекательного задержания, то есть первоначального, по возможности максимально краткого по времени ограничения свободы до выяснения обстоятельств произошедшего¹. В дальнейшем, если есть основания для более длительного лишения свободы, к правонарушителю будет применен детально урегулированный отраслевой кратковременный арест (уголовно-процессуальный или административный).

Еще в 2005 году В.В. Черников отмечал, что «сейчас имеются достаточные теоретические наработки и правовой материал к изданию федерального закона, регламентирующего “полицейское принуждение”. Он мог бы урегулировать единые основания, условия и порядок реализации полицейскими органами принудительных мер административного предупреждения и административного пресечения»². Как показывают проведенные в данном параграфе рассуждения, актуальность этот вопрос сегодня не утратил.

Надлежит обратить внимание на терминологию. Предлагаемое в данной работе сущностное разграничение досудебного лишения свободы обуславливает и терминологическое разграничение. Задержание, применяемое для пресечения преступления или административного правонарушения и доставления лица

¹ Шайденко Д.А. Отраслевая принадлежность задержания как фактического захвата и доставления // Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 295.

² Черников В.В. Указ. соч. С. 39-40.

(фактический захват, поимка), следует именовать собственно «задержанием». Не «фактическим», не «полицейским», не «административным», а просто «задержанием». Для отраслевых мер принуждения данный термин предлагается не использовать, называть их следует предварительным арестом (уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, административным).

С.Б. Россинский предлагает очень широкое понимание административного права, в соответствии с которым «любые уголовно-юрисдикционные механизмы, в частности, применяемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, также в определенной степени приобретают исполнительно-распорядительный (управленческий) характер, и, следовательно, дифференциация процедуры задержания подозреваемого на процессуальные и административные элементы теряет всякий смысл»¹. Чтобы избежать последнего, нами как раз и предлагается разделить поимку и арест, признать их разными мерами, а не выявлять в «едином» задержании некие процессуальные или административные элементы. Также не совсем ясно, что автор подразумевает под «широким» подходом к пониманию административного права. Противопоставляя его «узкому» подходу, С.Б. Россинский указывает, что «если все-таки отталкиваться от узкого (отраслевого) понимания административного права, имеющего свой строго определенный предмет и свои строго определенные нормативные источники, то многие активно применяемые правоохранительными органами приемы фактического задержания и доставления лица просто лишаются своей правовой основы»². Во-первых, если у отрасли права нет строго определенного предмета, то, собственно, она отраслью и не является. Во-вторых, такое размывание административного права не предлагает какой-либо новой правовой основы для фактического захвата и доставления. Как показывает проведенный анализ, эти действия регулируются в рамках статусных законов, которые относятся к «стандартному» административному праву. Помимо этого, С.Б. Россинский отметил, что «выдвигаемый некоторыми авторами тезис об административном

¹ Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex russica. 2018. № 8. С. 75.

² Там же. С. 76.

характере фактического захвата и доставления потенциального подозреваемого в орган дознания или к следователю как бы исключает иные существующие в правоприменительной практике приемы технического обеспечения участия данного лица в уголовном судопроизводстве»¹. Речь идет о задержании сотрудниками оперативных подразделений при проведении ОРМ, а также о задержании сотрудниками ФСИН. Последнее в соответствии с ФЗ «Об органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы» является административно-правовым. «Задержание», предусмотренное УИК РФ, – отраслевой кратковременный уголовно-исполнительный арест. В ФЗ «Об ОРД» действительно ничего не сказано о задержании, в связи с чем ученые предлагают устранить этот пробел (подробнее в параграфе § 1.). Однако это не мешает оперативным сотрудникам применять задержание в соответствии с их статусным законом («О полиции», «О ФСБ» и т. д.). Хотя и не возражаем, что специфика заранее спланированного задержания в ходе или по результатам проведения ОРМ ни в каком законе не отражена (речь в них идет о «более внезапных» ситуациях).

Если воспринимать полицейское право как подотрасль административного права, то, безусловно, задержание является институтом полицейского права. Однако само наличие данной подотрасли является дискуссионным вопросом, поэтому не берем на себя право решительно отвечать на него. В любом случае, независимо от существования полицейского права, не будет ошибкой утверждать, что задержание является институтом административного права. Для разграничения уместно сказать, что обеспечительное административное задержание (кратковременный арест) – институт административно-деликтного права².

Таким образом, фактический захват и доставление всегда являются административно-правовыми. Это закономерно, ведь в предмет административного права входят «отношения, возникающие в ходе обеспечения уполномоченными субъектами публичной власти государственной и

¹ Там же.

² То есть подотрасли административного права, регулирующие отношения по поводу административных правонарушений.

общественной безопасности, охраны общественного порядка, выявления и пресечения преступлений и административных правонарушений»¹.

Таким образом, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное задержания, являющиеся кратковременными арестами – отраслевые правовые институты. Также и задержание как фактический захват и доставление – институт административного права, содержащийся в законах о правоохранительных органах. В межотраслевом смысле задержание может пониматься лишь в конституционно-правовом аспекте, как составляющая института ограничения конституционных прав и свобод граждан.

¹ Кононов П.И. Административное право России : научно-практический курс. М., 2017. С. 7.

ГЛАВА 2. ЗАДЕРЖАНИЕ КАК ДОСУДЕБНЫЙ КРАТКОВРЕМЕННЫЙ АРЕСТ

§ 1. Сущность, цель и наименование уголовно-процессуального задержания

Многие противоречия, связанные с уголовно-процессуальным задержанием, сводятся к проблеме правовой природы фактического захвата и доставления лица, совершившего преступление. Вопрос о том, входят ли эти действия в содержание рассматриваемой меры процессуального принуждения, требует решительного ответа, который законодательство и практика не дают. В науке консенсус по данной проблеме также не достигнут. Многие авторы убеждены, что задержание представляет собой комплекс действий, начинающихся с момента фактического ограничения свободы, или иным образом включает захват и доставление в сферу уголовно-процессуального регулирования¹. Надо сказать, что в криминалистике задержание понимается, как правило, именно в этом смысле. Такая позиция существовала и в советское время, но получила значительное развитие с принятием УПК РФ и встречается практически во всех современных диссертациях, посвященных задержанию подозреваемого.

¹ Томин В.Т. Избранные труды. СПб., 2004. С. 239; Химичева О.В., Шаров Д.В., Терехов А.Ю. К юбилею выдающегося ученого. Профессор В.Н. Григорьев: концепция задержания подозреваемого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4. С. 116-122; Пидусов Е.А. Задержание подозреваемого по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (процессуальные и криминалистические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 181 с.; Резников А.Н. Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 24 с.; Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 31 с.; Ксендзов Ю.Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. 26 с.; Широка Э.Х., Лукьянова А.А., Ким Д.В. Задержание лица, совершившего преступление: ситуационный подход. Барнаул, 2021. 67 с.; Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования / О.В. Логунов, А.В. Травников, Э.К. Кутуев, В.С. Латыпов. М., 2019. 296 с.; Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 19; Тешебаев Э.З. Задержание подозреваемого по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.; Одинаев И.А. Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб., 2020. 20 с.

Конструкция, в которой так называемое фактическое задержание является составным элементом уголовно-процессуального задержания, достаточно распространена. Так, согласно ч. 1 ст. 159 Модельного УПК стран СНГ «задержание состоит во взятии лица под стражу, доставлении его в орган дознания или к органу, ведущему уголовный процесс, и кратковременном содержании под стражей в местах и в условиях, определенных законом». При этом согласно п. 41 ст. 10 «взятие под стражу» – акт, которым начинается фактическое принудительное лишение свободы при задержании, применении меры пресечения в виде заключения под стражу, исполнении приговора в виде лишения свободы. В УПК РФ своеобразным аналогом данного термина, очевидно, является «фактическое задержание». Такой подход, вероятно, основан на международном регулировании и является адаптацией термина «арест (arrest)», который означает акт взятия под стражу¹. Примеру Модельного УПК стран СНГ последовал законодатель Республики Беларусь. В соответствии с ч. 1 ст. 109 УПК РБ «задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом»². Согласно ст. 91 УПК Республики Таджикистан³ «задержание лица состоит в доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в специальных местах, определенных законом и настоящим Кодексом». В ст. 128 УПК Республики Армения 1998 года⁴ «задержанием является взятие лица под стражу с целью предотвращения совершения им преступления или его побега после

¹ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой-бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1988 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 июля 1998 г. № ЗР-248 (утратил силу). URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/82645>. Действующий УПК Республики Армения не содержит аналогичных положений. См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306 URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf.

совершения преступления, доставление его в орган дознания или орган, осуществляющий производство, составление соответствующего протокола и объявление ему об этом для кратковременного содержания под стражей в местах и в условиях, определенных законом». В УПК республик Кыргызстан¹ (ст. 96) и Казахстан (ст. 128) целью задержания, помимо прочего, является пресечение преступления, что свидетельствует о достаточно широком подходе к регулированию задержания. Пресечение преступления – цель, которую преследуют фактический захват и доставление. Когда следователем принимается решение о содержании под стражей, деяние уже пресечено, лицо находится в ведении органа расследования.

В одном из своих решений Конституционный Суд РФ истолковал задержание подозреваемого в духе Модельного УПК стран СНГ и вышеприведенных зарубежных законов: «Задержание представляет собой комплекс процессуальных действий и решений, включающих факт задержания подозреваемого в совершении преступления, доставление его в место нахождения следственного органа (органа дознания), составление протокола задержания, в котором указываются дата и время его составления, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания, а также делается отметка о разъяснении ему прав согласно статье 46 УПК Российской Федерации; исполнение данной меры процессуального принуждения – содержание под стражей, т.е. последовательное совершение действий, на которые распространяется установленный законом срок задержания (пункты 11 и 15 статьи 5; статьи 91, 92, 94 и 95)»².

Схожее понимание задержания демонстрируется в литературе: «Сама идея пресечения преступления *inflagranti* (когда лицо застигнуто с поличным), лежащая в основе института задержания, предполагает, что по общему правилу

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарубина Александра Игоревича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2023 г. № 753-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

задержание применяется, как уже отмечалось, до возбуждения уголовного дела, в силу чего его иногда неправильно называют “фактическим задержанием”, противопоставляя некоему “юридическому” задержанию. На самом деле задержание почти всегда является фактическим, что вытекает из природы его оснований, поэтому противопоставлять надо не “фактическое” и “юридическое” задержание, а само задержание и его процессуальное оформление, происходящее *postfactum*»¹.

Включению захвата и доставления в меру процессуального принуждения способствует наименование документа, которым оформляется задержание. Сам по себе протокол подразумевает фиксацию хода и результата того, что было уже произведено. По нашему мнению, поддержки заслуживает неоднократно высказанное разными авторами мнение о том, что более корректным документом является постановление, которое представляет собой решение о задержании, а не его констатацию.

Можно убедиться, что закон допускает рассмотренное толкование, хотя прямо из положений УПК РФ оно не следует, как, например, в приведенных зарубежных источниках. Вместе с тем позиция, согласно которой задержание подозреваемого включает в себя момент поимки (начинается с момента захвата), подлежит критике по ряду принципиальных моментов. Во-первых, задержание подозреваемого, как любая другая мера уголовно-процессуального принуждения, применяется на основании специального решения субъекта уголовной юрисдикции². Не секрет, что сотрудники полиции, чаще всего сталкивающиеся с задержанием «на улице» (участковые уполномоченные, оперуполномоченные, сотрудники ППС), субъектами уголовной юрисдикции по общему правилу не являются.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М., 2025. С. 530-531.

² Россинский С.Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 150-163.

Во-вторых, задержание входит в число решений, в связи с которыми лицо приобретает статус подозреваемого (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Непосредственно находиться под стражей и испытывать на себе все связанные с этим негативные последствия может лишь лицо, в отношении которого ведется официальное уголовное преследование. Соответственно, задержание подозреваемого невозможно при отсутствии возбужденного уголовного дела¹ (на что также указывает п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2022 г. № 20²).

В-третьих, «в момент захвата не может быть четкого представления о характере правонарушения: является ли оно уголовно или административно наказуемым, весьма неопределенной является квалификация деяния»³. Это имеет ключевое значение, так как уголовно-процессуальное задержание может быть применено только по подозрению в совершении преступления, предусматривающего в качестве наказания лишение свободы.

В-четвертых, наконец, закон не регулирует деятельность по захвату и препровождению лица, совершившего преступление, эти действия осуществляются за рамками уголовного процесса, вне проверки сообщения о преступлении и производства по уголовному делу. Согласимся с Б.Б. Булатовым, что «действия должностных лиц различных правоохранительных органов, потерпевших, граждан, оказавшихся очевидцами преступления, по пресечению преступления, захвату и доставлению лица предшествуют возбуждению уголовного дела и задержанию, не являются его началом»⁴. Считаем важным отметить, что указание на исчисление срока задержания с момента фактического

¹ Профессор М.С. Строгович в период действия УПК РСФСР 1923 г., рассматривая задержание, по сути, как фактический захват, писал, что оно и есть начало производства по делу, «... акт задержания, процессуально оформленный в виде протокола, в котором указываются основания и обстоятельства задержания, является актом возбуждения уголовного дела и заменяет постановление об этом». См.: Строгович М.С. Курс уголовного процесса. М., 1958. С. 272.

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Гриценко Т.В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 38.

⁴ Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 56.

задержания означает не начало применения данной меры принуждения, а именно начало исчисления срока. По нашему мнению, эти моменты не тождественны. В данном случае «имеет место “льготное” исчисление срока, примерно так, как это происходит с исчислением срока наказания...»¹.

Очень ценные аргументы в этой части приводит С.И. Вершинина: «Реализация предложений о регламентации фактического задержания в рамках уголовно-процессуальной деятельности сделает нормы узконаправленными и не позволит применять их для задержания нарушителей по другим основаниям, в том числе при совершении лицом противоправного деяния, правовая природа которого не очевидна; а также для пресечения противоправной деятельности лиц, не являющихся субъектами ответственности»².

Существуют лишь две объективные причины, из-за которых может быть поставлен вопрос о включении поимки в процессуальное задержание: первая – срок, вторая – право задерживаемого лица на защиту (согласно ст. 48 Конституции РФ каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения). Однако, чтобы учесть эти два момента, вовсе не обязательно считать, что мера процессуального принуждения начинается с момента захвата. Нет проблемы в том, чтобы сотрудники, осуществившие задержание, разъясняли лицу право воспользоваться услугами адвоката и не чинили этому препятствий. По поводу срока задержания более подробно сказано в § 3 второй главы.

Широкое понимание задержания вносит путаницу и приводит к противоречивым выводам. Так, Н.В. Луговец указал, что «задержание необходимо отграничивать от смежных правовых институтов. Так, доставление правонарушителя в орган дознания, к следователю или прокурору носит

¹ Кальницкий В.В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : Избранные труды. Омск, 2016. С. 181.

² Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования. С. 270.

административно-правовой характер независимо от того, что совершил доставленный: административное правонарушение или преступление. Доставка приобретает уголовно-процессуальный характер и является составной частью процессуального задержания тогда, когда оно осуществляется дознавателем, следователем или прокурором в связи с находящимся в их производстве уголовным делом. В данном случае доставка служит проявлением их процессуальных полномочий»¹. Однако ранее автор отметил, что «процесс задержания можно условно разделить на несколько этапов: 1) установление лица, совершившего преступление, и доставка его в орган дознания, к следователю или прокурору; 2) проверка, уточнение оснований задержания...; 3) принятие решения о возбуждении уголовного дела и задержании...»². Остается непонятным, входит все-таки доставка в задержание или нет.

Сложно поспорить с авторами курса уголовного процесса под редакцией Л.В. Головки, что «во всех правопорядках без исключения существуют две формы ограничения физической свободы лица в качестве двух автономных мер процессуального принуждения: 1) кратковременное задержание; 2) длительное (в той или иной степени) заключение под стражу. ... Между ними есть принципиальная разница: задержание является по своей природе полицейской мерой, т. е. реализацией полицейских функций; заключение под стражу является по своей природе судебной мерой, т. е. реализацией судебных функций»³. Вместе с тем в наших реалиях задержание подозреваемого, предусмотренное ст. 91 УПК РФ, сложно назвать полицейской мерой.

Реализацией полицейских функций являются действия по фактическому захвату и доставлению, называемые в литературе «фактическим задержанием», «полицейским задержанием». Кроме того, деятельность полиции как органа охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности

¹ Луговец Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 18.

² Там же. С. 16.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. С. 525.

характеризуется многообразием ситуаций, в которых лицо может быть ограничено в свободе передвижения. И не всегда это связано с совершением лицом преступления или административного правонарушения. Как отмечает С.И. Вершинина, «деятельность полиции по охране правопорядка значительно шире ее борьбы с преступностью... Не оспаривается и то, что у полиции, обеспечивающей правопорядок и безопасность в обществе, имеется право на фактическое задержание (захват) правонарушителей и их доставление в правоохранительный орган независимо от наличия либо отсутствия уголовного или административного производства»¹. Захват и доставление лица в содержание уголовно-процессуального задержания не включаются. И.М. Гуткин писал: «Несмотря на то, что в милицию доставляются лица, подозреваемые в преступлении, задержание носит административно-правовой характер. Это объясняется тем, что доставление в этих случаях вытекает из функции охраны общественного порядка, возложенной на милицию, связано с обязанностью работников милиции пресечь в процессе несения ими службы по охране общественного порядка любое посягательство на общественный порядок, независимо от того, имело ли место административное или уголовное правонарушение»².

Если принять, что задержание подозреваемого считается начатым с момента фактического ограничения свободы лица, то придется прийти к выводу, что деятельность следователя, дознавателя и органа дознания по применению данной меры процессуального принуждения заключается в констатации ранее совершенных сотрудниками правоохранительных органов или гражданами «силовых» действий. Решение о применении задержания в таком случае будет ограничиваться составлением протокола, позволяющего продолжить лишение лица свободы, но уже в ИВС. Нужно сказать, что объяснение этой ситуации

¹ Вершинина С.И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 760.

² Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилев А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. С. 24.

ученые находили. В определенный период профессор А.П. Гуляев высказывал мнение, что принятым решением о задержании захват и доставление «...как бы в порядке обратной силы...» приобретают уголовно-процессуальный характер (то есть постфактум)¹. При таком понимании задержания его применение будет выглядеть так: если захваченное и доставленное лицо будет помещено в ИВС на основании протокола, составленного следователем, дознавателем, органом дознания, то задержание подозреваемого будет считаться состоявшимся. Однако после доставления и разбирательства может выясниться, что, например, преступление не предусматривает лишения свободы в качестве наказания, или имело место не преступление, а административное правонарушение, либо лицо не будет помещено в ИВС по иным причинам. Какова тогда в этом случае правовая природа фактического захвата и доставления, повлекших ограничение свободы лица? Эти действия имеют не уголовно-процессуальный, административно-правовой характер, как было указано в § 2 первой главы. Поэтому задержание подозреваемого следует рассматривать сугубо с узкопроцессуальной точки зрения.

Среди правоприменителей единого мнения нет. По результатам проведенного анкетирования 224 сотрудников органов внутренних дел 54,5% респондентов указали, что задержание подозреваемого включает только действия следователя (дознавателя), состоящие в принятии решения о водворении лица в ИВС. 40,6% сотрудников посчитали, что задержание включает в себя захват, доставление и помещение в ИВС (приложение А)². Кроме того, 59,4% сотрудников посчитали, что задержание подозреваемого не имеет места, когда лицо хоть и было доставлено в отдел, но следователь не принял решение о водворении его в ИВС (избрал подписку о невыезде). При этом 26,8% респондентов отмечают, что произведенные полицией действия по доставлению

¹ Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976. С. 80.

² Остальные респонденты указали иные варианты.

лица являются задержанием (приложение А)¹. Этими данными подтверждается предположение о неоднозначном понимании задержания на практике.

Подтверждается это и толкованием процедуры задержания правоприменителями. Нередки случаи, когда лицо, совершившее преступление, захвачено и доставлено сотрудниками полиции в отдел, однако следователь не принимает решение о задержании лица, а избирает, к примеру, меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. На вопрос, кем в таком случае должен быть составлен протокол задержания в срок не более 3-х часов после доставления, лишь 57,6% опрошенных верно отметили, что протокол задержания в порядке ст. 92 УПК РФ не составляется. 24,1% респондентов посчитали, что протокол должен быть составлен сотрудниками полиции, а 17,4% – следователем (приложение А). Отметим, что как в первых двух вопросах, так и в этом результаты коррелируют с видом деятельности, осуществляемым сотрудником. Так, большинство респондентов (58%) указали уголовно-процессуальную деятельность как основную. Этим объясняется «процессуальный» характер большинства ответов. Остальные варианты выбирают, как правило, сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную и административную деятельность. По данным Х.М. Дадаева, 31% опрошенных следователей и сотрудников органа дознания указали, что задержанием является любое ограничение свободы сотрудниками правоохранительных органов².

Многие авторы советского периода определяли задержание подозреваемого как кратковременный/краткосрочный арест³. В такой терминологии есть логика, учитывая, что арестом тогда называли меру пресечения в виде заключения под стражу. То есть задержание – кратковременный арест, а заключение под стражу –

¹ Остальные респонденты указали иные варианты.

² Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 15.

³ Давыдов П.М., Якимов П.П. Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союз ССР и союзных республик. Свердловск, 1961. 117 с. ; Копейко П., Иванов Л. Строго соблюдать закон при задержании подозреваемых в совершении преступлений // Социалистическая законность. 1964. № 3. С. 19-20 ; Похмелкин В.А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 102-107 ; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. 703 с.

«стандартный» арест. У такой точки зрения были противники. Так, Е.М. Клюков указал, что согласно ст. 127 Конституции СССР всякий арест лица возможен только с санкции прокурора или по постановлению суда, и в связи с этим определял задержание как «взятие лица под стражу»¹. На что И.М. Гуткин справедливо ответил: «Такая трактовка задержания не вносит ничего нового в понимание сущности рассматриваемого института, ибо взятие под стражу – это не что иное, как арест»². В научной литературе задержание подозреваемого воспринимается как кратковременный арест и в настоящее время³. Такие позиции демонстрируют единую сущность задержания (в процессуальном смысле) и заключения под стражу (ареста).

Исследователи предлагают варианты по разграничения действий, охватываемых понятием «задержание». Так, А.Б. Смушкин предлагает: «Во избежание возникновения проблем с производством задержания при непосредственном обнаружении события преступления, а также для оптимизации процесса получения доказательств предлагается разделить “активную” (наблюдение, захват, личный обыск и др.) и изоляционную (помещение лица в ИВС) составляющие задержания. Активную составляющую следует регламентировать в законе в качестве следственного действия, предусмотрев возможность его производства до возбуждения уголовного дела. Изоляционную составляющую необходимо отнести к мерам процессуального принуждения»⁴. При этом первое автор предлагает регламентировать в качестве следственного действия «захват подозреваемого», допустив аналогично осмотру места происшествия производство его до возбуждения уголовного дела, а второе (помещение лица в ИВС) предлагает предусмотреть в УПК в качестве меры

¹ Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974. 110 с.

² Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. С. 6.

³ Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие. С. 5-11.

⁴ Смушкин А.Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 8.

процессуального принуждения – «принудительная изоляция»¹. Однако А.Б. Смушкин все равно считает эти действия составляющими задержания и поимку относит к уголовно-процессуальному предмету регулирования.

И.А. Ретюнских выделяет два этапа задержания: непроцессуальный и процессуальный. Первое (захват и доставление) автор называет милицейским задержанием. Второе, в зависимости от стадии (возбуждения уголовного дела или предварительного расследования), предлагает именовать соответственно «доследственным» и «следственным» задержанием². Однако все это понимается опять же в качестве элементов структуры единого задержания, поэтому предлагаемое разграничение выглядит достаточно условным.

Высказывались и другие предложения по терминологическому разграничению фактического и юридического задержания. Так, Д.Я. Мирский еще в 1969 году говорил: «Для того, чтобы избежать одинакового наименования двух разных по своей природе институтов, представляется целесообразным исключить из процессуальной терминологии слово “задержание”, а заключение под стражу лица, подозреваемого в совершении преступления, называть “предварительным арестом”»³. Не оставил данную проблему без внимания и П.А. Смирнов: «Учитывая силовой, “задерживающий” характер физического задержания, его и называть следует собственно “задержанием”. Процессуальное же задержание, исходя из истинного его предназначения, должно именоваться “кратковременным арестом”»⁴. Однако автор, проведя такое разграничение, все равно предлагает регулировать задержание (физическое) в УПК, с чем мы согласиться не можем.

Данные предложения вполне обоснованы, заслуживают поддержки и могли бы найти свое место в законе. Однако контраргументом выступает ч. 2 ст. 22

¹ Там же. С. 14-15.

² Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 109-110.

³ Мирский Д.Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. С. 298.

⁴ Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 21.

Конституции РФ, где сказано, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Формально арест до судебного решения по-прежнему недопустим, как и по Конституции СССР, вопрос лишь в том, о каком аресте основной закон ведет речь. Авторы одного из комментариев к Конституции РФ считают, что под арестом с учетом принятого в действующем законодательстве словоупотребления могут пониматься: 1) мера пресечения, применяемая в ходе уголовного судопроизводства к обвиняемому или подозреваемому и именуемая «домашний арест» (ст. 107 УПК); 2) административный арест, применяемый в качестве меры административного взыскания (ст. 3.9 КоАП); 3) в УК РФ термином «арест» обозначается вид наказания¹. Сложно назвать правильным такое буквальное толкование конституционных положений. Разумеется, вышеуказанные меры принуждения подпадают под регулирование ст. 22 Конституции РФ, однако понятие «арест» в ней гораздо шире. Основной закон универсален и не привязан к конкретным мерам принуждения.

В ст. 22 Конституции РФ, на наш взгляд, арест понимается не в формальном, а в сущностном смысле. Имеются в виду меры, влекущие лишение свободы и применяемые уполномоченными властями. В таком же аспекте термин «арест» был использован Президентом РФ в одном из посланий Федеральному Собранию: «судам следует более взвешенно относиться к избранию мер пресечения в виде ареста и к назначению наказаний, связанных с изоляцией от общества»².

В конституционно-правовом смысле арест и задержание являются синонимами, означающими ограничение права на свободу и личную неприкосновенность. В этой части согласимся с комментарием к Конституции РФ Е.Ю. Бархатовой: «Часть 2 статьи 22 позволяет рассматривать любой не

¹ Лазарев Л.В. Комментарий к Конституции Российской Федерации // ООО «Новая правовая культура», 2009 г. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/chapter/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/> (дата обращения: 01.04.2024).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

санкционированный судьей арест в течение 48 часов как задержание, т.е. такое ограничение свободы, которое не требует судебного решения»¹. В сущности, любой акт ограничения свободы, применяемый уполномоченным органом власти, может быть назван арестом. То обстоятельство, что ст. 22 Конституции РФ содержит слово «арест», не является препятствием к обозначению данным термином задержания подозреваемого по ст. 91 УПК РФ, иначе, как абсолютно точно отметил Д.Я. Мирский, «нужно будет прийти к выводу, что вообще институт задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, противоречит Конституции, так как для гражданина, взятого под стражу без санкции прокурора, безразлично, называется это действие задержанием или арестом»².

Очень точно содержание данного термина отразил В.Н. Григорьев: «"Арест" – этот термин употребляется в различном смысле, в частности, как самостоятельная правовая мера, например, арест как мера уголовного, административного или дисциплинарного наказания, и как собирательное понятие, включающее в свое содержание и заключение под стражу, и уголовно-процессуальное задержание. По отношению к последним арест выступает как родовое понятие»³.

Нужно понимать, что исторически правовое регулирование задержания выстраивалось на основе заимствования положений зарубежных источников. Исходным здесь можно считать Habeas Corpus Act⁴, принятый в Англии в 1679 году. Анализируя данный акт в качестве гарантии защиты от произвольного ареста, Б.Н. Чичерин писал, что «в Англии, как и везде, полиция не может быть лишена права арестовать людей по подозрению, иначе она не могла бы исполнять

¹ Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция с поправками. 3-е изд. М., 2021. С. 22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Мирский Д.Я. Указ. соч. С. 299.

³ Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 49; А.Н. Ахпанов также считает арест родовым понятием для задержания и заключения под стражу. См.: Ахпанов А.Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения. Караганда, 1989. 92 с.

⁴ Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями.

своих обязанностей. Но арестованный имеет право обратиться к судье, который посредством предписания *habeas corpus* требует, чтобы заключенный был ему предъявлен для рассмотрения причин ареста¹. Данное правило было воспринято многими правопорядками, в том числе и нашим. Примечательно высказывание А.Ф. Кистяковского, возмущившегося тем, «в каком несоответствии состоял занесенный из-чужа закон с общим строем нашей общественной жизни»².

Тенденция заимствования достижений зарубежной юриспруденции сохранилась и, к тому же, дополнилась необходимостью соответствия отечественного законодательства многочисленным международным документам. Так, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, определяет: «Арест – акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа»³. В то же время в принципе 2 сказано, что «арест, задержание или заключение осуществляются только в строгом соответствии с положениями закона и компетентными должностными лицами или лицами, уполномоченными законом для этой цели»⁴. Налицо логическое противоречие: сначала арест раскрывается через задержание, а затем они перечисляются как разные меры. Однако если рассматривать англоязычную версию данного документа, то в первом случае используется слово «*apprehending*», а во втором «*detention*». Оба этих слова переводятся на русский язык как «задержание». Также два разных термина используются в испанской («*aprehender*» и «*detención*») и французской («*àappréhender*» и «*détention*») версиях.

Проведя семантический анализ, В.Н. Шашкова пришла к следующим выводам: «Для лексемы “*apprehension*” в ассертивной части семантики содержится факт задержания, в то время как ассертивная часть семантики

¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Часть 2. Книга 3 / [соч.] Б. Чичерина. М., 1883. 457 с.

² Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. С. 74-75.

³ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утвержден Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

лексемы “detention” включает акт содержания подозреваемого лица под стражей, а не процесс его поимки и заключения под стражу»¹. В качестве второго отличительного признака выделяется указание причин: «...лексема “apprehension” в вербальном окружении типично не имеет причин задержания... Лексема “detention” допускает актуализацию причин...»². В первом случае речь идет о поимке, «фактическом задержании», во втором имеется в виду содержание лица под стражей, нахождение его в состоянии лишения свободы без судебного решения. На этом примере отчетливо прослеживается разница в отечественной и зарубежной терминологии.

Кроме того, в данном документе слово «задержанное (detained) лицо» означает любое лицо, лишенное личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения; слово «задержание» (detention) означает состояние задержанного лица, определение которого приводится выше³. Анализируя следствие и дознание во Франции, Л.В. Головкич отмечает: «Задержание – это именно “оставление под стражей” (статический признак), но не доставление туда или оттуда (динамический признак). Последнее как раз арест...»⁴. Можно заметить, что понимание задержания в Своде принципов практически аналогично соответствующему правовому регулированию во Франции. Задержание – это состояние лишения свободы, процесс удержания, оставления под стражей, а не захват, поимка. Надо сказать, что в отечественном праве «задержание» тоже использовалось в схожем значении. Так, в Уставе благочиния 1782 г.⁵ и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) повсеместно используется фраза «задержан под стражей», то есть удержан, остановлен, не может покинуть определенное место по своей воле. В УУС «задержание» также использовалось

¹ Шашкова В.Н. Идеографические синонимы сквозь призму денотативной матрицы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 154.

² Там же.

³ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме...

⁴ Головкич Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 49.

⁵ Устав благочиния или полицейский // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1984. С. 321–418.

для обозначения состояния лишения свободы. Так, согласно ст. 430 УУС постановление о взятии под стражу должно содержать точное означение: 1) кем именно и когда сделано постановление; 2) звания, имени, отчества и фамилии или прозвища задержанного лица; 3) преступление, в котором задержанный обвиняется или подозревается, и 4) основания задержания. Однако уже в ст. 432 УУС сказано, что «в местах заключения ведутся реестры, в которых при самой сдаче арестанта означается постановление о его задержании». Может показаться, что УУС не характеризовался терминологической системностью. В данном акте используются термины «задержание» (ст. 400), «взятие под стражу» (ст. 416), «содержание под стражей» (ст. 419). УУС мог себе позволить такое словоупотребление, так как данные термины использовались для обозначения одного и того же. Взятие под стражу по УУС – мера пресечения обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда, никакой иной меры, влекущей лишение свободы, данный акт не предусматривал. Никакого отдельного «полицейского задержания (ареста)» УУС в части исследуемого института не знал. Применительно к домашнему аресту термины «задержание», «взятие под стражу» и т. п. не употреблялись. Использование синонимов при регулировании взятия под стражу вполне обосновано. Анализ норм УУС позволяет прийти к выводу, что «задержание» среди всех слов, обозначающих лишение свободы, имеет наиболее общий характер, означает как акт взятия под стражу, так и процесс содержания в неволе.

Представитель дореволюционной юридической науки И.Т. Тарасов указывает на «существование у всех образованных народов особой терминологии для определения всех этих видов (арестов), и везде мы находим особые слова или выражения для определения понятия о полицейском аресте; у англичан *arrest* означает полицейский арест, *takeintocustody* предупредительный арест, *commitmentoftrial* – предварительный, т.е. судебный арест, *detention* – как общее понятие; в немецком языке сделано различие между *Verwahrung* и *Wegführung* – полицейский арест, *vorläufige Verwahrung* – предупредительный арест, *gefängliche Einziehung* или *Untersuchungshaft* – предварительный арест, общее понятие

выражается в слове *Verhaftung*; во французском языке *arrestation* – полицейский арест, *arrestationpréventive* – предупредительный арест, *détentionpréventive* – предварительный арест, *détention* – общее понятие»¹. Если попытаться провести аналогию данного терминологического ряда с современным российским правовым регулированием, то полицейский арест – захват, доставление и удержание в административно-правовом порядке в рамках реализации полномочий по охране общественной безопасности; предупредительный арест – задержание подозреваемого по УПК РФ, предварительный арест – мера пресечения в виде заключения под стражу. Также стоит отметить, что во всех приведенных правопорядках есть общее понятие для обозначения форм лишения свободы. В России таким термином, вероятно, является «содержание под стражей», однако на эту роль также может претендовать термин «задержание». Действительно, если еще не осужденное лицо помещено в ИВС в связи с подозрением в совершении преступления, заключено под стражу либо лишено свободы в иной форме, корректно будет сказать, что лицо подвергнуто задержанию.

Не утверждаем, что все проблемы, связанные с задержанием, сводятся к терминологии. Тем не менее стоит признать, что наше «задержание» не отражает всех тонкостей, обозначающихся в зарубежных источниках разными терминами. Кроме того, сформировавшаяся в советские годы стадия возбуждения уголовного дела ставит под сомнение тезис о двух формах лишения свободы (полицейской и судебной). То обстоятельство, что «в России сформировалась особая, самобытная национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию “классических” следственных полномочий с “полицейскими”, относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции “силовых” министерств и ведомств»², позволяет прийти к выводу, что между

¹ Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Киев, 1875. С. 154-155.

² Россинский С.Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления. С. 153.

полицейским и судебным лишением свободы есть промежуточное «следственное» звено.

Между тем само слово «задержание» со временем потеряло свою сугубо процессуальную сущность и стало использоваться для обозначения фактического захвата (поимки). Разросшаяся в течение XX столетия административно-правовая сфера «перетянула на себя» основную роль в использовании данного понятия. В настоящее время, как представляется, задержание воспринимается как акт фактического ограничения свободы. Коль скоро термин «задержание» стал претендовать на обозначение столь широкого круга общественных отношений, более продуктивным было бы не «бороться» за него, а напротив, «отдать».

Согласимся с В.В. Кальницким, что «термин “задержание” в силу универсальности используется в других отраслях права, где среди прочих смыслов означает пресечение преступной деятельности, силовой захват правонарушителя»¹. Задерживать и доставлять граждан в правоохранительный орган имеет право целый ряд ведомств, уполномоченных на применение мер государственного принуждения, а также любой гражданин. Речь идет как раз о фактическом ограничении свободы (поимке), а не о мере процессуального принуждения. К тому же при задержании лица в условиях пресечения противоправного деяния нет возбужденного уголовного дела и не всегда ясно, имеет место преступление или административное правонарушение. В связи с этим нет оснований не согласиться с мнением, что «термин “задержание” можно уступить тем отраслям права, где оно более уместно (где регламентируемые действия в большей степени соответствуют этимологии слова “задержание”), оставив в уголовно-процессуальной сфере выражение “краткосрочный арест” или иное подобное»².

¹ Кальницкий В.В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. Омск, 2024. С. 155.

² Там же. С. 157.

В таком случае «задержание» будет означать захват (поимку) и доставление, а также может использоваться как термин, обозначающий состояние лишения свободы (неосужденного лица). Для предварительного заключения под стражу представляется необходимым использовать другое наименование.

Концептуально наша позиция близка к подходу, предложенному Е.Б. Доготом. Автор выступает против излишне широкого понимания задержания, считает, что оно «должно получить соответствующее ограничение и включать в себя только физическое задержание и доставление в орган дознания, к следователю»¹. Также Е.Б. Догот отмечает, что «задержание по возбужденному уголовному делу выполняет функцию мер принуждения, осуществляемых органом дознания, следователем или прокурором. В этой связи видится нецелесообразным дублирующее (по отношению к институту ареста) существование института задержания в рамках возбужденного уголовного дела»². Согласно подходу автора после возбуждения уголовного дела права лица могут быть ограничены только путем применения мер пресечения. Если после возбуждения дела возникает необходимость незамедлительного заключения под стражу, то, по мнению Е.Б. Догота, меру пресечения (арест) вправе применить следователь без решения суда с последующим незамедлительным его получением.

То есть автор выделяет два звена в цепи лишения свободы: задержание (захват и доставление до возбуждения уголовного дела) и заключение под стражу (применяемое после возбуждения уголовного дела, в том числе следователем без судебного решения в исключительных случаях). Нами же, несмотря на единство сущности заключения под стражу и процессуального задержания, признается исторически сформировавшаяся относительная правовая автономность последнего. Наш подход в сравнении с вышеприведенным можно выразить так: следователь, дознаватель, орган дознания всегда могут применять заключение под стражу без судебного решения до 48 часов, а не только в исключительных

¹ Догот Е.Б. Права, свободы и неприкосновенность при задержании лица по подозрению в совершении преступления : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 49.

² Там же. С. 9.

случаях; с учетом того, что данная мера имеет характер заключения под стражу, эти действия нами названы «предварительным арестом», так как применение «основного» ареста хоть и обязательно предполагается, но этот вопрос не является предрешенным. Помимо этих отличий, Е.Б. Догот, как и многие исследователи, предлагает включать задержание (в смысле фактического ограничения свободы) в предмет уголовно-процессуального регулирования, что для нас неприемлемо. Однако со следующим выводом автора не можем не согласиться: «Задержание подозреваемого следует рассматривать как получение необходимого времени для последующего обоснования содержания под стражей перед судом и получения процессуального согласия (решения)»¹.

С учетом изложенного в данном параграфе необходимо разграничить задержание – фактический захват и задержание подозреваемого в соответствии со ст. 91 УПК РФ, называемое нами «предварительным арестом».

1. Задержание имеет пресекательный характер, предполагает неотложность, оперативность, имеет административно-правовую природу, применяется при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Предварительный арест, являясь мерой процессуального принуждения, применяется в рамках официального уголовного преследования надлежащим субъектом (следователем, дознавателем, органом дознания). Лицо должно быть арестовано при необходимости заключения его под стражу, что требует наличия полученной процессуальными средствами совокупности доказательств. Следовательно, предварительный арест имеет обязательный и обеспечительный характер по отношению к судебной процедуре избрания меры пресечения².

2. Несмотря на то, что исторически «задержание» имело процессуальный смысл, со временем, преимущественно в советские годы, данный термин стал иметь более «фактический» оттенок. Теперь термин «арест» стал использоваться для обозначения меры пресечения в виде заключения под стражу, с которой исследуемая мера принуждения находится в тесной связи. В нашей правовой

¹ Там же. С. 55.

² Шайденко Д.А. Задержание подозреваемого: сущность и наименование // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 205.

системе сложилось так, что арест в первую очередь ассоциируется с заключением под стражу. Тогда возникает вопрос: почему такой же арест, только досудебный, назван задержанием? Последнее сейчас ассоциируется с полицейской деятельностью, силовым воздействием, физическим захватом и препровождением.

3. Термин «арест» как в УПК РФ, так и в другом законодательстве является «свободным» и не задействованным в интересующем нас контексте, в отличие от задержания. Последнее содержится во всех законах о «силовых» ведомствах, так как без возможности задержания нет смысла в полномочиях на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

В качестве дополнительного наблюдения можно привести содержащееся в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ полномочие следователя давать поручение органу дознания об аресте. Проводя аналогию с полномочиями начальника органа дознания и дознавателя (п. 6 ч. 1 ст. 40², п. 1¹ ч. 3 ст. 41 УПК РФ), можно прийти к выводу, что речь идет о заключении под стражу. С учетом того, что в данный момент в законе термин «арест» в таком контексте не употребляется, эти положения можно считать зачатком нормативной базы для высказанных предложений.

Обобщая вышесказанное, необходимо сказать, что в настоящее время нет объективных препятствий к тому, чтобы называть задержание подозреваемого, предусмотренное ст. 91 УПК РФ, более подходящим к его сущности термином. Таким термином может быть «предварительный арест». Тогда глава 12 УПК РФ будет иметь название «Предварительный арест подозреваемого». В свою очередь задержание как деятельность по фактическому ограничению свободы передвижения (фактический захват и доставление) имеет административно-правовой характер.

§ 2. Основания уголовно-процессуального задержания

Рассмотрение задержания подозреваемого в качестве предварительного ареста не может быть полноценным без исследования оснований применения данной меры процессуального принуждения. Указанный вопрос является не менее проблемным, чем сущность и наименование задержания. В литературе, посвященной данной тематике, исследователи в основном «работают с тем, что есть», раскрывая суть каждого из оснований задержания¹. В других работах обращается внимание на «полицейский» характер данных положений и их непригодность по отношению к мере процессуального принуждения². В связи с этим представляется необходимым исследовать факторы, обусловившие существование оснований задержания в том виде, в каком они содержатся в законе в настоящее время.

Основания задержания подозреваемого предусмотрены ст. 91 УПК РФ: орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

¹ Гирько С.И., Березина Е.С. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития : монография. М., 2010. 210 с.

² Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 175-181.

Представляется правильным рассмотреть сначала первые три основания. Рассматриваемые формулировки возникли в отечественном законодательстве в результате заимствования из зарубежных правовых источников. По этому поводу в курсе уголовного процесса под редакцией профессора Л.В. Головки сказано следующее: «На российское право большое влияние оказали положения наполеоновского Кодекса уголовного следствия 1808 г., в свою очередь воспринявшего классический средневековый институт *inflagranti* (действия полиции при обнаружении преступления с поличным). Поэтому нет ничего удивительного, что формулировки ст. 91 УПК РФ почти дословно воспроизводят соответствующие положения действующего УПК Франции 1958 г. о так называемом «дознании очевидных преступлений». Другое дело, что если французская традиция всегда развивала средневековый институт *inflagranti* в качестве особой формы дознания, которая проводится в тех случаях, когда «лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после», когда «укажут потерпевшие или очевидцы», когда «на лице, его одежде и т.п. обнаружены следы преступления», то российская доктрина со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. преобразовала его в институт оснований задержания, сохранившийся в советских УПК и фактически без серьезных изменений воспринятый действующим УПК РФ»¹. Как можно заметить, отечественное регулирование оснований задержания лишь отчасти соответствует заложенной в первоисточнике идее. Перечисленные случаи (п.п. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ) указывают не столько на возможность и необходимость лишения лица свободы, сколько на очевидность совершенного деяния.

Схожие формулировки были описаны в работе Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 года. Автор указал, что закон должен предусматривать доказательства, при наличии которых возможно заключить человека в темницу: «Глас народа, побег, признание, вне суда учиненное свидетельство одного соучастника, непримиримая ненависть против

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М., 2025. С. 530.

оскорбленного, учиненные ему угрозы; все эти признаки достаточны для задержания гражданина»¹. Практически дословно данные «улики» вошли в Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г.: «Глас народа, который его винит, побег его, признание, учиненное им вне суда; свидетельство сообщника, бывшего с ним в том преступлении, угрозы и известная вражда между обвиняемым и обиженным, самое действие преступления и другие подобные знаки довольную могут подать причину, чтобы взять гражданина под стражу»².

По мнению Л.В. Головки, «не совсем точно утверждение, что истоки указанной европейской нормы восходят к разработанному Ч. Беккариа перечню улик... Генезис формулировки нашей статьи 122 УПК следует искать не в трактате Ч. Беккариа, а в старофранцузском институте дознания очевидных преступлений (*flagrantdelit*), условия производства которого были окончательно закреплены в ордонансе 1670 года, перенесены в Кодекс уголовного расследования 1808 года, а затем в УПК 1958 года. Французские условия очевидности преступления превратились у нас в основания задержания»³. Нет причин отрицать, что происхождением данные основания обязаны французскому институту дознания очевидных преступлений. Однако именно в России, надо полагать, впервые они появились благодаря работе Ч. Беккариа (на это указывает их почти дословный перенос в Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г.).

Считаем важным отметить, что рассматривать памятники права через призму современного разделения лишения свободы в досудебном производстве на задержание и заключение под стражу нельзя. Никакого подобного разделения в ранее действовавших актах не было, существовала единая форма лишения свободы, которая могла называться «взятием под стражу», «задержанием» и т.п.

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущова. СПб., 1806. С. 136.

² Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767–1768 гг. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13646> (дата обращения: 11.04.2024).

³ Головка Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 31.

Большим достижением с точки зрения защиты прав лиц, подвергающихся уголовному преследованию, было отграничение лишения свободы во время расследования и после признания лица виновным. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения определяет: «167. Есть различие между содержанием под стражею и заключением в тюрьму. 168. Взять человека под стражу – не что иное есть, как хранить опасно особу гражданина обвиняемого, доколе учинится известно, виноват ли он или невиновен. И так содержание под стражею должно длиться сколь возможно меньше, и быть столь снисходительно, сколь можно. Время оному надлежит определить по времени, которое требуется к приготовлению дела к слушанию судьями. Строгость содержания под стражею не может быть иная никакая, как та, которая нужна для пресечения обвиняемому побега или для открытия доказательств во преступлении. Решить дело надлежит так скоро, как возможно. 170. Тюремное заключение есть следствием решительного судей определения и служит вместо наказания. 171. Не должно сажать в одно место: 1) вероятно обвиняемого в преступлении; 2) обвиненного во оном и 3) осужденного. Обвиняемый держится только под стражею, а другие два – в тюрьме; но тюрьма сия одному из них будет только часть наказания, а другому самое наказание»¹. Несмотря на то, что новое Уложение так и не было принято, позднее эти идеи были реализованы. В современном УПК РФ, очевидно, в этом ряду существует еще одна форма лишения свободы – предварительный арест (задержание).

Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок, устанавливал: «Полиция при производстве дознания имеет право подвергать аресту или личному задержанию только оподозренных в преступлениях, за которые в законе полагается лишение всех прав состояния или потеря всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, когда обвиняемые находятся в подведомственной полиции местности и при том в таких только случаях, когда: 1) преступник захвачен на месте и во время совершения

¹ Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения...

преступления; 2) когда преступление учинено явно и гласно; 3) когда очевидцы преступления укажут прямо на лицо преступника; 4) когда на подозреваемом или в его жилище, найдены будут очевидные онаго доказательства и 5) когда оподозренный сделал покушение на побег или был пойман после побега»¹.

В немного измененном и, как нам кажется, усовершенствованном виде данные обстоятельства вошли в УУС. Согласно ст. 257 УУС «полиция принимает меры к пресечению подозреваемому способов уклоняться от следствия в следующих случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега и 6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости». В УУС данные основания приобрели более привычный вид.

Как можно заметить, упоминания о задержании в ст. 257 УУС нет. А.Ф. Кистяковский трактовал эти положения так: «"Полиция принимает меры к пресечению" следует считать правилом, что полиция уполномочена принимать все без исключения меры пресечения, установленные УУС. Это также подтверждается ст. 259 того же Устава, по силе которой полиция обязана непременно руководиться, при принятии мер, правилами, постановленными для производства предварительным следствий, значит и общими правилами о мерах пресечения»². Речь идет обо всех мерах пресечения, что подтверждают многие

¹ Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). Т. 35. Ч. 1: Законы. № 35892. С. 725-727.

² Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. С. 141.

ученые дореволюционного периода¹. В этой связи ошибочным представляется вывод И.А. Ретюнских о том, что в ст. 257 «указанные жизненные ситуации Устав уголовного судопроизводства рассматривал лишь в качестве оснований для доставления в полицию»².

В объяснительной записке к проекту УУС в части этих оснований речь велась только о «личном задержании»³. Тогда этот термин имел другое значение. И. Тарасов, перечислив все меры пресечения обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда, указал: «Эти меры, имея, в сущности, значение форм личного задержания, так как ими в большей или меньшей мере ограничивается личная свобода, полиция принимает до прибытия судебного следователя в следующих случаях...» (далее перечисляются исследуемые формулировки)⁴. То есть меры пресечения – формы личного задержания, которое представляет собой принуждение, ограничение личной свободы.

Так или иначе УУС не выделял судебное заключение под стражу и «полицейское» задержание. Упоминаемые в УУС «взятие под стражу», «содержание под стражей», «задержание под стражей», как уже говорилось в данной работе, означали одно и то же – меру пресечения обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. Фактически полный аналог в современном законодательстве – мера пресечения в виде заключения под стражу. По общему правилу взятие под стражу применялось судебными следователями и мировыми судьями, но УУС предусматривал исключительные случаи, когда данную меру пресечения была вправе применить полиция. Эти случаи как раз и являются рассматриваемыми основаниями. А.Ф. Кистяковский писал, что «закон, в видах ограждения личной свободы граждан, и в видах прекращения старых злоупотреблений полиции в деле пресечения обвиняемым способов уклоняться от

¹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 329 с.; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 438 с.; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство и судопроизводство. СПб., 1910. 664 с.

² Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 68.

³ Объяснительная записка к проекту Устава Уголовного Судопроизводства. 1864 г. URL: <http://jurytrial.ru/library/item/640>.

⁴ Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Часть II. Полицейский арест в России. Отдел второй. Ярославль, 1886. С. 255.

следствия и суда, не признал возможным предоставлять полиции права руководствоваться вообще соображениями о силе улик, подобно тому, как он предоставил это право судебным следователя и мировым судьям, а взял на себя труд, так сказать, поименно исчислить те улики, существование которых только дает право полиции на принятие мер»¹.

Однако в ст. 51 УУС было указано следующее: при сообщении мировому судье о преступном действии обвиняемый может быть приводим в следующих случаях: 1) когда застигнутый при совершении проступка неизвестен полиции и не представит удостоверения о своем имени, фамилии и месте жительства и 2) когда по делам о преступных действиях, за которые в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, есть повод опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступного действия. Н.Н. Розин по поводу этих положений отмечал следующее: «Термин “привод”, который употреблен в этой статье, не должен вводить в заблуждение, так как для осуществления права полиции, установленного ст. 51, не требуется тех условий, которые требуются законом для привода по предложению судебного органа (ст. 62 уст. уг. суд.). Юридически здесь речь идет не о приводе, а именно о полицейском аресте»². Изначально эти нормы никакими сроками не сопровождались. «Лишь в ст. 51¹ и 51² по закону от 15 июня 1912 г. лица, задержанные на основании ст. 51 уст. уг. суд., должны быть в течение 24 часов или освобождены, или приведены к мировому судье. Удлинение этого срока допускается только по особым пространственным местным условиям. Равным образом судья обязан не позже 24 часов по доставлении к нему задержанного опросить последнего и постановить определение или об освобождении его, или о дальнейшем задержании»³. Также Н.Н. Розин выделял две группы мер процессуального принуждения: 1) обеспечивающие представление органам судебной власти подозреваемого или привлекаемого к суду (явка к суду); 2) меры,

¹ Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. С. 142.

² Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Томск, 1913. С. 317.

³ Там же.

гарантирующие его неуклонение от суда, если привлечение к суду уже состоялось»¹. Взятие под стражу полицией в соответствии со ст. 257 УУС относится ко второй группе, так как является мерой пресечения, применяемой полицией только при наличии поименно перечисленных источников улик. Положения же о «приводе» к мировому судье (ст. 51 УУС) относятся к первой группе и подразумевают доставление лица к компетентному органу. Эти действия действительно могут быть названы полицейским арестом, однако его природа иная, нынешнее задержание подозреваемого не является его правопреемником.

Третьей сессией ВЦИК 25 мая 1922 г. принят УПК РСФСР. Согласно ст. 105 УПК РСФСР 1922 г. «задержание органами дознания лица, подозреваемого в совершении преступления, допускается лишь как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда, и притом лишь в следующих случаях: ...» (далее перечисляются исследуемые нами основания). Как считает Н.В. Ткачёва, данный акт отделил от мер пресечения задержание и вынес его в главу, посвященную дознанию, подчеркнув тем самым, что обязанность задержания возложена на органы дознания². Не совсем точным видится утверждение о том, что «задержание» было отделено от мер пресечения. Несмотря на употребление разных терминов (мера пресечения уже стала называться «заключение под стражу»), регулирование предварительного лишения свободы фактически было аналогичным УУС. В УПК РСФСР как 1922 г., так и 1923 гг. названные основания сохранились почти без изменений и рассматривались как исключительные случаи, в которых орган дознания (милиция) имеет право задерживать лицо по подозрению в совершении преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно (ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.), либо когда наказание за преступление не превышает одного года лишения свободы (ст. 103 УПК РСФСР 1923 г.). Если наказание за преступление превышало один год лишения свободы, а производство предварительного следствия по нему не обязательно, орган дознания был вправе

¹ Там же. С. 311.

² Ткачёва Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. 192 с.

избрать любую меру пресечения, в том числе заключение под стражу. Несмотря на то, что предварительное лишение свободы терминологически разделено на задержание и заключение под стражу, суть этих мер сводилась к одному и тому же. Идею можно сформулировать так: орган дознания мог применять предварительный арест тогда, когда он по общему правилу на это не уполномочен, но только в прямо перечисленных в законе случаях, на непродолжительный срок и только для недопущения уклонения подозреваемого от следствия и суда.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. следователь лишился возможности самостоятельно применять меру пресечения в виде заключения под стражу, теперь для этого необходимо решение суда либо санкция прокурора. Соответственно, арест по исключительным основаниям распространился и на следователя. Такое регулирование сохранилось и в УПК РФ 2001 года. Действующее правило можно сформулировать так: лишить человека свободы может только суд, но в исключительных случаях, перечисленных в ст. 91 УПК РФ, лишить свободы может следователь, дознаватель, орган дознания на срок до 48 часов.

Неспроста эти основания изначально предназначались полиции. Они просты в понимании и предполагают либо непосредственное наблюдение полицейскими преступного события, либо принятие оперативных мер к установлению данных обстоятельств (оснований). Не требуется формализованных юридических процедур и значительного вмешательства в интересы личности, чтобы установить, что очевидцы указали на лицо как на совершившее преступление или что на его лице, одежде находятся явные следы преступления и так далее¹. В своих работах С.Б. Россинский говорит о возникновении в России в XX веке «самобытной модели досудебного производства, которая выражается в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие

¹ Шайденко Д.А. Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе // Законодательство и практика. 2024. № 1. С. 50.

юридические последствия правоприменительные акты»¹. Однако такое положение, когда административные органы (полиция) не имели юрисдикционных полномочий, по историческим меркам длилось недолго: с судебной реформы 1860-х годов до примерно первой четверти XX века. В ходе судебной реформы законодатель ясно дал понять, что полиция теперь не имеет отношения к расследованию преступлений и не может по своему усмотрению задерживать граждан. Но, поскольку полиция работает непосредственно «на земле», чаще взаимодействует с гражданами, ей даны полномочия на производство первоначальных действий, направленных на фиксацию следов преступления и пресечение попыток подозреваемого скрыться. Задерживать граждан (в то время то же самое, что и заключать под стражу) полиция имела право только в прямо перечисленных случаях, которые с очевидностью свидетельствуют о причастности лица к совершению преступления.

Хоть следствие теперь не судебное, а относится скорее к органам исполнительной власти, фактически следователи «ближе к народу» не стали. Но при этом они лишились права самостоятельно оценивать фактические обстоятельства при принятии решения о предварительном заключении. Распространение классических «полицейских» ситуаций (оснований) на следователей хоть и логично ввиду того, что лишать свободы уполномочен только суд, но вместе с тем не соответствует природе и специфике следственной работы. К современным дознавателям это тоже относится в полной мере.

Противоречивость оснований задержания, перечисленных в п. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, выражается в том, что они не познаются непосредственно следователем (дознавателем). В советской литературе указывали, что «задержание лица в момент совершения преступных действий или непосредственно после их окончания осуществляется большей частью работниками милиции, охраняющими общественный порядок, или дружинниками, доставляющими затем лицо в милицию. Этот факт устанавливается их сообщениями, оформленными

¹ Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 10.

рапортами, донесениями или показаниями, зафиксированными в протоколах допросов»¹.

В настоящее время, в сравнении с советским законодательством, в этой части ситуация принципиально не изменилась. Следователь не наблюдает данные основания, а лишь облекает в процессуальную форму фактические обстоятельства, воспринятые ранее сотрудниками полиции (или гражданами). Согласимся с В.В. Кальницким, что «описанные в законе ситуации происходят на улице, а следователь работает в кабинете, для него событие преступления – всегда событие прошлого, которое он не мог наблюдать лично или участвовать в нем непосредственно (в этом случае он не смог бы расследовать дело, так как подлежит отводу)»². Рассматриваемые основания (п. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ) по своей природе «полицейские» (какими они, собственно, и задумывались), а распространение их на меру процессуального принуждения, применяемую субъектами уголовной юстиции по возбужденному уголовному делу, представляется формальным.

В приложении № 4 к Наставлению об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России³ приведена тематика проведения инструктажей с сотрудниками ППС. Среди предложенных тем присутствует ст. 91 УПК РФ – основания задержания подозреваемого. В качестве сотрудника, проводящего инструктаж, предполагается начальник следственного отдела (отдела дознания). Данными положениями, по сути, поддерживается критикуемый нами подход, согласно которому задержание подозреваемого начинается «на улице». В любом случае сотрудники ППС не уполномочены применять уголовно-процессуальное задержание, поэтому возникает вопрос о целесообразности разъяснения им

¹ Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилев А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. С. 42.

² Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем). С. 170.

³ Об утверждении наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указанных оснований. Несмотря на это, не будем спорить, что перечисленные в ст. 91 УПК РФ ситуации как нельзя лучше подходят для наружных служб.

Устав патрульно-постовой службы милиции 1993 года¹ (утратил силу) предоставлял сотрудникам право доставлять в милицию лиц, подозреваемых в совершении преступлений, при наличии одного из следующих оснований: а) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; б) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; в) когда на подозреваемом или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; г) при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть доставлено в милицию лишь в том случае, если это лицо покушалось на побег или когда не установлена его личность. Здесь можно заметить практически дословный перенос оснований процессуального задержания в ведомственный нормативный акт. Несмотря на то, что в данном документе повсеместно встречаются фразы «задержание преступника», «задержание лица, подозреваемого в совершении преступления» и т.п., в вышеприведенных положениях речь идет о доставлении. Как представляется, это может быть объяснено необходимостью разграничения с уголовно-процессуальным законом, где с этими основаниями связано задержание. Иными словами, поскольку сотрудники ППС, исходя из норм УПК РФ, не вправе применять задержание, их действия были названы доставлением.

Современное ведомственное нормативное регулирование позволяет должностным лицам, уполномоченным осуществлять надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, производить проверку документов, удостоверяющих личность участников дорожного движения, в

¹ О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации»): приказ МВД России от 18 января 1993 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

случае, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом, или принимаются меры по идентификации указанных лиц¹. Эти положения можно трактовать так, что данные сотрудники имеют право на задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, хотя, как уже было неоднократно сказано, это недопустимо.

С одной стороны, следователь устанавливает и формирует основания задержания процессуальными средствами, отражая соответствующие сведения в материалах дела, что не в полной мере соответствует сути самих оснований. С другой стороны, исторически сложилось так, что если определенный субъект по общему правилу не может лишать лицо свободы на время расследования, то в исключительных случаях (те самые основания) он такие полномочия получает. Вводя такие конкретные ситуации в качестве оснований задержания, законодатель подчеркивает, что лишение свободы – это прерогатива судебной власти, однако совсем отнимать такую возможность у органов расследования было бы абсурдом.

Введенная УУС система применения мер принуждения работала при условии размежевания судебных органов и полиции. Последняя могла производить следственные действия и применять меры пресечения только в исключительных случаях. Судебные следователи и суд были полноценными органами уголовной юстиции, им противопоставлялась полиция как орган, по общему правилу не имеющий отношения к расследованию преступлений. Отголоски этой идеи просматриваются даже в УПК РСФСР 1960 г. Так, положения ст. 122, регулирующие задержание, находились в главе девятой «Дознание» и адресованы были, соответственно, органу дознания (милиции).

¹ Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ст. 127 «Полномочия следователя» указывается лишь на возможность задержания в порядке ст. 122. Законодатель сам завел себя в тупик. С одной стороны, была сохранена модель ареста по исключительным основаниям на короткий срок неуполномоченным на это по общему правилу субъектом. С другой стороны, этим самым неуполномоченным субъектом стал теперь и следователь, поэтому правила полицейского/милицейского ареста пришлось распространить и на него. Однако последовательными оставались положения ст. 122 УПК РСФСР, согласно которым орган дознания (а значит, и следователь) должен был в течение 24 часов сообщить прокурору о всяком случае задержания лица по подозрению в совершении преступления. Прокурор в свою очередь должен был в течение 48 часов дать санкцию на заключение под стражу либо освободить лицо. То есть УПК РСФСР 1960 г. сохранял идею единого ареста: органы, не имеющие полномочий лишить человека свободы, делают это, воспользовавшись исключением из общего правила, однако в достаточно короткий срок этот вопрос должен рассмотреть субъект, уполномоченный на применение длительного ареста.

Предусмотренное ч. 3 ст. 92 УПК РФ требование о сообщении прокурору о задержании в данном контексте потеряло смысл. К тому же действующий закон не предусматривает обязанности направить в суд ходатайство о заключении под стражу после задержания. В ст. 94 установлено, что задержанный подозреваемый подлежит освобождению, если: 1) не подтвердилось подозрение в совершении преступления; 2) отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу; 3) задержание было произведено с нарушениями требований ст. 91 УПК РФ. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 94, если в отношении подозреваемого не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания, подозреваемый подлежит освобождению по истечении 48 часов с момента задержания, а в условиях военного положения подозреваемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления подлежит освобождению по истечении 30 суток с момента задержания. Складывается мнение, что лишение свободы в соответствии с УПК РФ представляет собой

некую «игру», в которой органы расследования за 48 часов должны успеть выполнить все действия для представления в суд ходатайства о заключении под стражу. В противном случае лицо немедленно освобождается. Советский порядок, в котором в максимально короткий срок (24 часа) вопрос о лишении свободы попадает в ведение уполномоченного субъекта (прокурора), представляется более корректным.

Как отмечал Е.М. Клюков, «задержание является не частью и не разновидностью ареста, а принудительной мерой ограничения личной свободы человека, предпринимаемой в ряде случаев теми органами, которые сами арестовать граждан не могут, но по роду своей деятельности сталкиваются с необходимостью применения такого ареста и в связи с этим обращаются к прокурору за соответствующей санкцией»¹. Ученый провел верные рассуждения, но пришел к не совсем верному, по нашему мнению, выводу, что подтверждается отслеженным нами историческим развитием мер, направленных на лишение лиц свободы, в уголовном судопроизводстве. Задержание – не часть и не разновидность ареста, это и есть арест, применяемый краткосрочно в прямо обозначенных случаях неуполномоченными на это по общему правилу субъектами.

Усложненная в УПК РФ процедура избрания ареста способствует сущностному отдалению данной меры пресечения от задержания подозреваемого. Последнее стало более автономным в сравнении с советским регулированием ввиду того, что необязательно рассматривается компетентным субъектом (судом). Регламентация задержания в УПК РФ позволяет лишить гражданина свободы и освободить его без участия суда. Кроме того, относительная самостоятельность задержания подтверждается тем, что оно допустимо только по подозрению в преступлении, предусматривающем наказание в виде лишения свободы, а до недавнего времени заключение под стражу по общему правилу применялось, если наказание составляло свыше трех лет лишения свободы. УПК РСФСР 1960 г. в

¹ Клюков Е.М. Указ. соч. С. 16 ; З.Д. Еникеев также писал том, что задержание не является частью и разновидностью ареста. См.: Еникеев З.Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты. Уфа, 1978. 72 с.

этом плане сохранял преемственность данных мер: и задержание, и заключение под стражу применялись, если за преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ¹, еще больше отдалили задержание от заключения под стражу. Теперь данная мера пресечения применяется, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления средней тяжести с применением насилия или угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления. На задержание эти правила формально не распространяются. Вместе с тем на практике следователи всегда при задержании оценивают перспективу дальнейшего заключения лица под стражу. Несмотря на отсутствие формального запрета в законе, нельзя задержать лицо, если у следователя заведомо нет намерения его арестовать.

Подтверждается это материалами, представленными территориальными органами МВД России для формирования аналитического обзора о состоянии работы органов предварительного следствия в системе МВД России по профилактике преступлений. Так, в ГУ МВД России по Свердловской области, УМВД России по Белгородской области принимаются меры к исключению фактов задержания в порядке ст. 91–92 УПК РФ при отсутствии оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и ЛО, УМВД России по Орловской области следователи ориентированы на необходимость задержания в порядке ст. 91–92 УПК РФ лиц, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также лиц, ранее судимых, совершавших преступления, не имеющих регистрации на территории региона, и применение к ним меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий.

Судебный контроль заключения под стражу изменил вектор понимания задержания, точнее говоря, вернул его к истокам. За советский период сформировалось восприятие задержания (не только уголовно-процессуального,

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но и в целом этого понятия) в большей степени с позиции фактических действий по захвату и доставлению, в то время как в УУС данный институт исходил от основного процессуального ареста. Современное же регулирование возродило встречное движение со стороны судебной процедуры, правовой, а не фактической сущности. Недаром Л.И. Лавдаренко и Л.П. Плеснева считают, что с принятием УПК РФ задержание вновь стало рассматриваться лишь в качестве первоначального этапа заключения под стражу¹ (как в УУС), противопоставляя новое регулирование советскому. Соглашаясь с данным тезисом, тем не менее отметим, что задержание по УПК РСФСР 1960 г. тоже, хоть и в меньшей степени, соответствует званию первоначального этапа заключения под стражу.

Историческое единство задержания и заключения под стражу должно предопределять общие основания применения данных мер. Не стоит забывать, что исследуемые основания изначально являлись уликами, позволяющими полиции лишить лицо свободы с целью пресечения способов уклонения от следствия и суда. Сами по себе они не подразумевают необходимости содержания под стражей. Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, «ни у дознавателя, ни у следователя, ни у кого другого не может быть никакой уверенности, что если человек, например, будет застигнут при совершении преступления, то он обязательно захочет скрываться или уклоняться от явки в органы предварительного расследования, если потерпевшие либо очевидцы укажут на него как на совершившего преступление, то он непременно станет продолжать преступную деятельность, если при нем обнаружатся явные следы преступления, то он безусловно вознамерится препятствовать дальнейшему производству по уголовному делу и т. д.»². Верховный Суд РФ перечисляет ситуации, являющиеся основаниями задержания, в качестве примеров обстоятельств, обосновывающих подозрение: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу

¹ Лавдаренко Л.И., Плеснева Л.П. Правовая природа уголовно-процессуального задержания и его соотношение с фактическим задержанием // Пролог: журнал о праве. 2023. № 4. С. 88-99.

² Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? С. 12.

допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)»¹. Использование в таком контексте классических ситуаций, с очевидностью указывающих на причастность лица к совершению преступления, представляется корректным. Согласимся с С.Б. Россинским, что «эти положения содержат не столько основания для задержания, сколько основания для подозрения данного лица в подготовке преступления, покушении на преступление либо совершении оконченного преступления и таким образом определяют потребность в осуществлении в отношении него персонифицированного уголовного преследования»².

Более подходящее основание для задержания как предварительного ареста содержится в ч. 2 ст. 91 УПК РФ: при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания либо не установлена его личность либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Это основание само по себе подразумевает большую свободу усмотрения субъекта применения задержания. Сама формулировка «иные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» указывает на то, что в ч. 1 ст. 91 УПК РФ содержатся, собственно, данные, дающие основание подозревать лицо в совершении

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого. С. 178.

преступления, то есть основания подозрения. Иначе говоря, в ч. 1 ст. 91 находятся «основные» данные, а в ч. 2 ст. 91 – иные данные, кроме основных.

По мнению И.Д. Гайнова, «закон не считает “иные данные” в достаточной степени убедительными и поэтому устанавливает дополнительные условия для применения задержания по этому основанию»¹. Анализ пути развития оснований задержания дал понять, что эти «дополнительные условия» ранее были самостоятельными основаниями. Поэтому можно говорить и об обратном: обстоятельства, когда лицо пыталось скрыться, не имеет места жительства или места пребывания, не установлена его личность, утратили прежнее значение и отдельно без «иных данных» не могут учитываться при решении вопроса о лишении лица свободы.

Особняком стоит возникшее с принятием УПК РФ новое «дополнительное условие»: когда следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Оно, по сравнению с другими условиями, никогда не было самостоятельным основанием задержания, хотя, как представляется, вполне может претендовать на такое положение. Ходатайство о заключении под стражу требует настолько скрупулезной обоснованности необходимости лишения лица свободы, что не только «иные данные», но и основания из ч. 1 ст. 91 не могут сравниться с ним в этой части. Согласимся с В.В. Кальницким, что «если следователем собрана совокупность доказательств, достоверно указывающая на причастность лица к совершению преступления и дающая право обратиться в суд за выдачей разрешения на заключение под стражу в качестве меры пресечения (первоначальный срок – до 2 месяцев), то он вправе, полагаем, принять самостоятельное решение о задержании лица на 48 часов, исходя из самого факта возбуждения ходатайства о заключении под стражу. “Иные данные” к этому времени стали частью той совокупности доказательств, которая легла в основу

¹ Гайнов И.Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 85.

ходатайства»¹. Кроме того, это «дополнительное условие» вступает в противоречие с основаниями задержания, предусмотренными ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Последние были созданы специально для субъектов, не имеющих право на самостоятельную оценку доказательств при обосновании решения об аресте (сначала ими пользовалась полиция, а теперь все органы расследования). Однако направленное в суд следователем или дознавателем ходатайство о заключении под стражу как раз таки подразумевает полноценную оценку доказательств.

На самом деле в четвертом «дополнительном условии» проявляется переход к новому, более корректному пониманию оснований предварительного ареста. Речь о том, что руководствоваться необходимо прежде всего основаниями применения меры пресечения. Этап, когда ходатайство уже направлено в суд, можно откатить назад, тогда это основание станет более универсальным. При этом ценность имеет не само ходатайство как документ, а то, какие сведения кладутся в его основу.

Задержание подозреваемого должно применяться по тем же основаниям, что и заключение под стражу. Иначе оно воспринимается как самостоятельная форма лишения свободы, которая применяется с некой самостоятельной целью, что недопустимо. Если нет намерения заключить лицо под стражу – нет необходимости в задержании (предварительном аресте). Задержание – арест, применяемый неуполномоченным на это по общему правилу субъектом на короткий срок до подтверждения дальнейшего лишения свободы судом. В.В. Бабурин и П.Л. Сурихин также верно понимают историческую суть уголовно-процессуального задержания: «Первоначальная идея законодателя: задержание – это предварительный полицейский арест; мера пресечения, применяемая в экстренных случаях, арест (заключение под стражу) с альтернативной процедурой принятия решения»².

Закрепление 48-часового срока задержания в Конституции РФ в качестве исключения из общего правила имеет и обратную сторону. Объясним почему:

¹ Кальницкий В.В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем). С. 173.

² Бабурин В.В., Сурихин П.Л. Незаконное задержание: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Красноярск, 2004. 191 с.

если Конституция предусматривает только общее правило о недопустимости ареста без решения суда или санкции прокурора (как это было в Конституциях СССР 1936 и 1977 гг. и как это есть во многих Конституциях постсоветских и европейских государств), то законодатель обязан досконально перечислить и урегулировать случаи, при которых из этого правила может быть сделано исключение. Собственно, эти случаи были закреплены в законе в качестве оснований задержания. Но если Конституция заранее оговаривает возможность досудебного лишения свободы, то почему задержание должно применяться по каким-то иным, отдельным основаниям? Основной закон прямо предусматривает как судебный, так и досудебный арест, поэтому, как представляется, основания их применения должны быть едиными. По поводу данной нормы Конституции РФ Е.Б. Догот высказал следующее: «Правовая идея этого положения априорно допускает возможность ограничения свободы и неприкосновенности личности без расшифровки ее условий»¹. И с этим можно согласиться. Акцент на этом положении (хоть и в другом ключе) делает А.А. Лукьянова: «Конституция РФ допускает (именно допускает!) досудебное ограничение свободы и личной неприкосновенности посредством задержания сроком до 48 часов»².

В ходе исторического развития мер, направленных на лишение лица свободы в досудебном производстве, произошло наложение юридических конструкций, предназначенных по большей части для наружных служб полиции, на органы предварительного расследования. Исследуемые основания никогда не образовывали какой-либо самостоятельной меры принуждения и не определяли задержание как полицейскую меру. Напротив, эти положения, дававшие право полиции на взятие под стражу только в прямо перечисленных случаях, подчеркивали процессуальный характер данной меры.

С одной стороны, действующее правовое регулирование оснований задержания сохраняет изначально заложенную идею применения ареста

¹ Догот Е.Б. Указ. соч. С. 15.

² Лукьянова А.А. К вопросу о злоупотреблении правом на задержание // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2022. С. 98.

некомпетентными субъектами только в прямо перечисленных законом случаях. С другой стороны, основания из ч. 1 и ч. 2 ст. 91 не согласуются между собой в части оценки доказательств, обосновывающих решение о задержании. Изменение структуры и полномочий правоохранительных органов оказалось несовместимым с сохранением старой регламентации предварительного ареста. Законодатель, поняв, что нельзя отнять у следователя возможность оценки доказательств при применении меры процессуального принуждения, ввел «иные данные» в качестве основания задержания. Однако старые конструкции при этом тоже сохранились.

Некорректным будет утверждение, что задержание никак не связано с основаниями применения меры пресечения. В ч. 2 ст. 92 УПК РФ сказано, что в протоколе задержания, помимо прочего, должны быть указаны мотивы задержания. По мнению И.М. Гуткина, мотивами задержания следует признать стремление не допустить, чтобы лицо, подозреваемое в преступлении: а) уклонились от дознания или следствия; б) помешало установлению истины по уголовному делу; в) продолжало преступную деятельность¹. Такая позиция является актуальной и по сей день, мотивами задержания принято называть основания применения мер пресечения.

Как рассуждал И.М. Гуткин, «задержание осуществляется для решения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу, и, следовательно, его применение не должно выходить за рамки ограничений, установленных для применения мер пресечения. Между тем основание задержания, связывая краткосрочное лишение свободы лица с наличием указанных в законе данных подозревать лицо в преступлении, подобных ограничений не содержит. Поэтому и появилось в законе такое понятие, как мотив задержания. Оно призвано ввести для задержания те ограничения, которые в отношении предварительного заключения под стражу содержатся в основаниях его применения»². Действительно, основания задержания, как было сказано ранее, слишком широки (потому что это основания

¹ Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие. М., 1980. С. 37.

² Там же. С. 39.

для подозрения) и не определяют необходимости лишения лица свободы. Поэтому непреодолимо тесная связь¹ между задержанием и заключением под стражу заставляет использовать искаженные основания применения меры пресечения в качестве мотивов задержания.

В.М. Корнуков указывал на не отражающие действительность показатели числа задержанных, вызванные «распространенным на практике неправильным представлением о том, что для помещения лица в КПЗ во всех случаях обязательно должен составляться протокол задержания...»². Ученый правильно отметил, что «постановление следователя о применении меры пресечения, санкционированное прокурором, является достаточным юридическим основанием для помещения арестованных лиц как в следственные изоляторы, так и в места содержания задержанных»³. Однако сейчас такая ситуация, по общему правилу, невозможна, и раскритикованная В.М. Корнуковым практика стала основой, протокол задержания составляется всегда при необходимости поместить лицо в ИВС. Советское задержание имело неотложный характер⁴ (из-за возможности предварительного получения санкции на арест), современное – нет, теперь нельзя заключить лицо под стражу, предварительно не задержав его. Теоретически такое возможно, если просто «пригласить» лицо в суд для рассмотрения вопроса об избрании в отношении него меры пресечения. Однако если лицо добровольно явится на такое заседание, возникает вопрос о целесообразности заключения его под стражу. Невозможность получения предварительного судебного решения об аресте делает процедуру задержания (предварительного ареста) обязательной. Четвертое «дополнительное условие» из ч. 2 ст. 91 УПК РФ является очень

¹ Эта связь в целом подтверждается статистикой. За 2022-2024 годы более 70% от числа лиц, задержанных следователями и дознавателями органов внутренних дел, было заключено под стражу.

² Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 87.

³ Там же.

⁴ 3.3. Зинатуллин определял задержание как сугубо уголовно-процессуальную меру, которая состоит в немедленном (безотлагательном) взятии такого лица под стражу для решения в установленном законом порядке вопроса о возможности его ареста. См.: Зинатуллин 3.3. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 86.

условным аналогом предварительного получения санкции на заключение под стражу. Даже когда следователем (дознавателем) собрана достаточная совокупность доказательств, позволившая направить в суд утвержденное руководителем следственного органа (прокурором) ходатайство, все равно лицо необходимо сначала задержать. Хотя в этой ситуации, по большому счету, предварительный арест нужен лишь для доставления лица в суд.

Несмотря на очевидную тесную связь и взаимозависимость современных задержания (предварительного ареста) и заключения под стражу, отношение законодателя к ним в этом плане неоднозначно. Введя запрет на применение мер пресечения в случае продолжения производства по уголовному делу, по которому истекли сроки давности уголовного преследования (за исключением случаев, если лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы), законодатель зачем-то ввёл такой же запрет и на задержание¹ (за таким же исключением), хотя, казалось бы, он и так очевиден. Такие изменения негативно сказываются на восприятии задержания, придавая ему излишнюю автономность.

Заслуживает поддержки позиция профессора В.В. Кальницкого, который указывает на «непригодность задержания подозреваемого (в силу несоразмерности реализуемого ограничения) для обеспечения судебного порядка избрания иных, помимо заключения под стражу, мер пресечения»² и ставит вопрос о перспективе создания кратковременного внесудебного домашнего ареста – обеспечительной меры принуждения, предшествующей применению домашнего ареста и запрета определенных действий как менее жесткого аналога задержания подозреваемого³.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кальницкий В.В. Кратковременный внесудебный домашний арест – юридическая бессмыслица или возможная реальность? // Законодательство и практика. 2024. № 1. С. 11.

³ Там же.

Не совсем корректно проводить такую аналогию, но тем не менее стоит упомянуть введенную Федеральным законом от 31 июля 2025 № 278-ФЗ¹ ст. 115² УПК РФ, предусматривающую, по сути, досудебный арест на имущество (только в части денежных средств), хоть дальнейшее применение последнего и необязательно. При всех отличиях в самом общем виде идея схожая: мера принуждения применяется лишь на определенный срок (в данном случае 10 суток) для последующего судебного контроля. Современная преступность и громоздкая судебная процедура наложения ареста на имущество оказались несовместимыми. С определенной долей условности можно данные теоретические и законодательные положения назвать тенденцией (применение мер, требующих судебного санкционирования, без такового, но с последующим судебным контролем, причем при первоначальном применении нет указания на неотложность и безотлагательность).

Задержание утратило неотложный характер, а значит, регулирование оснований его применения не должно иметь значительных отличий от заключения под стражу. В связи с этим представляется необходимым отказаться от использования классических признаков причастности лица к совершению преступления в качестве оснований предварительного ареста. В таком случае нормы об основаниях задержания будут выглядеть так:

«Статья 91. Предварительный арест

1. Предварительный арест применяется с целью решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

2. Следовательно, дознаватель, орган дознания вправе подвергнуть лицо предварительному аресту при наличии достаточных данных, указывающих на его причастность к совершению преступления, если есть основания полагать, что

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данное лицо совершит действия, указанные в части первой статьи 97 настоящего Кодекса.

3. Предварительный арест также может быть применен в отношении обвиняемого, объявленного в розыск».

Хоть данные основания и тождественны заключению под стражу, пределы их доказывания, разумеется, отличаются. В связи с этим из фразы «достаточных оснований полагать» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) намеренно исключено слово «достаточных», чтобы показать эту разницу. Однако это слово использовано применительно к данным, указывающим на причастность. По большому счету «жизненные ситуации» из действующей ч. 1 ст. 91 и есть достаточные данные, указывающие на причастность. Но это не означает, что для предварительного ареста оснований должно быть недостаточно, на этом этапе их достаточно по внутреннему убеждению следователя, а за 48 часов они должны стать достаточными для суда.

Запрос на подобное изменение закона можно найти на практике. Так, в протоколе задержания, составленном в апреле 2024 года в г. Омске, основания задержания описаны следующим образом: «ФИО подозревается в совершении особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком до двадцати лет; ранее судим за особо тяжкое преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств, в связи с чем у органов предварительного следствия имеются основания полагать, что ФИО, находясь на свободе, может продолжать заниматься преступной деятельностью, а также скрыться от органов предварительного следствия и суда, опасаясь неотвратимости наказания, кроме того, при ФИО обнаружены явные следы преступления, так как в ходе личного досмотра изъято наркотическое средство». В первую очередь следователь описывает именно основания меры пресечения. Основание же задержания указано в самом конце, и сделано это, надо сказать, достаточно формально. Можно возразить, сказав, что сначала описывались мотивы задержания, а затем основания. Такое мнение будет иметь логику с учетом современного правового

регулирования задержания, однако возникает вопрос: что важнее и приоритетнее – основания или мотивы задержания? Как можно заметить, куда большее внимание было уделено формулировкам, являющимся основаниями применения меры пресечения, а основание задержания, такое впечатление, было дописано только потому, что этого требует закон. Поэтому обстоятельства, которыми в данном случае была обоснована необходимость предварительного ареста, следует считать основаниями, а не мотивами.

Остается только согласиться с Ф.М. Кудиным, который писал, что «в этом сложном фактическом составе действительное значение оснований задержания как меры принуждения имеют обстоятельства, которые действующий закон называет мотивами задержания... Именно наличие этих мотивов, выражающихся в конкретных обстоятельствах ненадлежащего поведения, и служит первопричиной процессуального принудительного воздействия в отношении заподозренного лица»¹.

Также отметим, что в данном протоколе были подробно описаны фактические обстоятельства преступления («фабула»), а не просто указана статья УК РФ, что позволяет лицу вникнуть в суть подозрения. Вместе с тем процитированный протокол задержания и ему подобные имеют почти единичный характер. Среди 218 изученных протоколов в большинстве случаев следователи либо просто указывают пункт ч. 1 ст. 91 УПК РФ, либо ограничиваются фразой «на него указали очевидцы» (или иной в зависимости от основания). Хотелось бы указать на то, что правоприменители в основном не описывают обстоятельства совершенного деяния. Однако в почти половине случаев не указана даже статья Особенной части УК РФ. При этом в каждом без исключения протоколе есть блок с разъяснением прав подозреваемого, где первое из них – «знать, в чем я подозреваюсь». Понятно, что суть подозрения может быть донесена до лица и другими способами и документами, тем не менее в протоколе задержания обязательно должно быть хотя бы указание на преступление, в котором лицо

¹ Кудин Ф.М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987. С. 299.

подозревается (независимо от того, посредством задержания лицо приобретает статус или нет).

Общепринято, что обоснованное подозрение должно выступать в единстве с основаниями избрания меры пресечения. Вместе с тем даже в ст. 5 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод между данными категориями стоит союз «или»: никто не может быть лишен свободы не иначе как в случаях и порядке, установленных законом, среди которых выделяется «законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения *или* в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения»¹. Можно сказать, что российская доктрина и законодательство в этой части предоставляют преследуемым лицам несколько большие гарантии в сравнении с международным документом.

Необходимо коснуться вопроса о статусе подозреваемого. Изменений ст. 46 УПК РФ в связи с высказанными предложениями не предполагается. Очевидно, что «достаточные данные, указывающие на причастность лица к совершению преступления», являются более оценочными, чем конкретные фактические ситуации из ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Тем самым несколько расширяется усмотрение органа расследования при постановке в статус подозреваемого. Однако это решение будет ограничено основаниями из ст. 97 УПК РФ (именно в качестве оснований, а не мотивов). К тому же решение о предварительном аресте по-прежнему будет весомее других решений, ставящих лицо в статус подозреваемого (возбуждение дела в отношении лица и избрание меры пресечения, например, в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении).

Важным является вопрос о характере сведений, составляющих основания задержания. Согласимся с В.Г. Степановой, А.А. Кругловой, Н.И. Труфановым, которые считают, что «обстоятельства, составляющие основания задержания,

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должны быть документально закреплены в материалах уголовного дела, причем посредством производства следственных действий. Время, отведенное законом для составления протокола, как раз и должно быть использовано для проведения хотя бы одного следственного действия, результаты которого создали бы предусмотренное УПК РФ основание задержания. В самом деле, фактически незаконно лишать лицо личной свободы, не имея ни одного уголовно-процессуального доказательства его вероятной причастности к преступлению, а ориентируясь лишь на рапорты, объяснения и т. п., за правдивость содержания которых никто юридической ответственности не несет»¹. По их мнению, «только доказательственно закреплённое основание может быть применено для задержания подозреваемого»². А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский также считают, что «фактические основания для задержания должны быть установлены с помощью уголовно-процессуальных доказательств»³.

Однако существуют и другие мнения. Так, А.В. Ольшевский считает, что в качестве оснований задержания могут выступать «фактические данные, как полученные из источников, перечисленных в УПК РФ, так и из иных источников, включая сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, свидетельствующие о причастности подозреваемого или заподозренного лица к совершению конкретного преступления»⁴. Кроме того, по его мнению, «закон и не запрещает отражать фактические данные в таких документах, как объяснение, рапорт, схема и т.д. В ходе дальнейшего расследования, когда указанные данные будут процессуально проверены, они могут стать доказательствами, подтверждающими как обоснованность задержания, так и виновность задержанного»⁵.

¹ Процессуальный порядок задержания лиц по подозрению в совершении преступления: методические рекомендации / сост. В. Г. Степанова, А.А. Круглова, Н.И. Труфанов. Иркутск, 2016. С. 24.

² Там же.

³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2007. С. 285.

⁴ Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 81.

⁵ Там же.

В качестве аргумента приведены положения ст. 91 УПК РФ: «В указанной статье говорится о показаниях очевидцев и потерпевших, а не свидетелей и потерпевших. Следовательно, в ней идет речь не только о лицах, которые уже были вызваны для дачи показаний и были допрошены в качестве свидетелей или потерпевших, но и о лицах, которые сообщили об известных им сведениях не в ходе допроса, и чьи показания были зафиксированы в других документах (рапорт, объяснение, и т.д.), чем протокол»¹. Очевидцы и потерпевшие указаны в этой статье, чтобы подчеркнуть очевидность причастности лица к совершению преступления, показать, что речь идет о лицах, непосредственно наблюдавших событие. Процессуальный статус данных лиц и характер сведений, получаемых от них, не имеют отношения к данной норме.

Другим аргументом А.В. Ольшевского является то, что у следователя «есть всего 3 часа с момента доставления лица на возбуждение уголовного дела и составление протокола задержания. Поэтому следователь (дознатель, прокурор) не всегда может успеть допросить потерпевшего, очевидцев, а также провести иные следственные действия»². «Непроцессуальные» рапорты, протоколы, объяснения подлежат приобщению к возбужденному уголовному делу и будут являться доказательствами в виде иных документов. К тому же здесь вполне работает правило о том, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса (ч. 1² ст. 144 УПК РФ). Деятельность следователя на протяжении этих 3 часов можно, по сути, назвать своего рода проверкой сообщения о преступлении. Поэтому для принятия решения о задержании требуется хотя бы допросить лиц (очевидцев, сотрудников полиции или граждан, осуществивших захват) по обстоятельствам задержания, что не должно занимать много времени.

Интерес представляет аргументация В.Ю. Мельникова. Он считает, что решение о применении мер пресечения может быть обосновано только ссылками на

¹ Там же. С. 78-79.

² Там же. С. 79.

доказательства, а решение о задержании – как доказательствами, так и фактическими данными, еще не облеченными в форму процессуальных доказательств. «Именно поэтому законодатель не связывает применение меры пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, с установлением заранее определенных обстоятельств, как это сделано в ст. 91 УПК РФ»¹. То есть основания применения мер пресечения дают определенное направление для собирания сведений и предоставляют относительную свободу их оценки. Соответственно, основания эти должны содержаться исключительно в доказательствах. Основания же задержания – конкретные фактические ситуации, заранее определенные законом, соответственно, установить их можно сведениями не только доказательственного характера. Определенная логика здесь есть. Однако, как говорилось ранее, указание в законе конкретных фактических обстоятельств (оснований задержания) связано с ограничением свободы оценки оснований лишения свободы органами и лицами, не уполномоченными на это по общему правилу, и не касается характера сведений, которыми эти обстоятельства устанавливаются.

Таким образом, формулировки, являющиеся на данный момент основаниями задержания подозреваемого, в российском праве появились в качестве конкретных фактических обстоятельств, при которых орган, не уполномоченный по общему правилу на применение мер, влекущих лишение свободы (полиция), такие полномочия получал. В настоящее время в этой части положение сохранилось: следователь, дознаватель и орган дознания вправе применять предварительный арест не иначе как по данным основаниям. Вместе с тем сама «полицейская» суть оснований не соотносится со спецификой деятельности современных следователей и дознавателей. В связи с этим предложено исключить эти классические формулировки из оснований задержания подозреваемого и заменить их на совокупность сведений, содержащих обоснованное подозрение лица в совершении преступления, и основания

¹ Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации. М., 2014. С. 125.

применения мер пресечения. Решение о применении предварительного ареста должно основываться на доказательствах.

§ 3. Момент начала исчисления срока уголовно-процессуального задержания

В ст. 22 Конституции РФ срок досудебного лишения свободы ограничен 48 часами. Открытыми для дискуссий остаются вопросы о причинах установления именно такого срока и о необходимости его указания в Конституции. Сейчас это данность, с которой нужно считаться, тем более эта норма содержится в не подлежащей изменению второй главе. Между тем разработчикам Конституции этот шаг показался прогрессивным: срок задержания теперь указан в основном законе и составляет 48 часов (30 суток в условиях военного положения) по сравнению с 72-часовым сроком, который был допустим в УПК РСФСР. Сделано это, как представляется, с целью проявления большего внимания к обеспечению и защите прав граждан. Законодатель, развивая идею сокращения срока внесудебного лишения свободы, установил в УПК РФ правило, согласно которому срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения.

Реализуется ли эта идея на практике? Анализ 218 протоколов задержания, составленных следователями и дознавателями Республики Бурятия, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областей, показал, что в среднем разница между временем задержания и временем составления протокола составляет от 5 до 15 минут, в отдельных протоколах этой разницы вовсе нет, указано одно и то же время. Очевидно, что ни о каком учете времени с момента фактического ограничения свободы здесь речи не идет. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, а иногда даже с момента составления протокола.

Исследование, проведенное Г.Б. Петровой, показало, что в 95% изученных уголовных дел дата и время составления протокола совпадали с точностью до

минуты с датой и временем фактического задержания лица¹. Свою актуальность эти данные на сегодняшний день не утратили. Не секрет, что, если органы расследования поступают тем или иным образом, это означает, что данная практика поддерживается (во всяком случае не отрицается) прокуратурой и судом. Через анализ судебных решений предполагается выявить путь разрешения существующих противоречий между законом и правоприменительной практикой. Такому анализу способствует то обстоятельство, что жалобы стороны защиты по поводу задержания, как правило, связаны с несоответствием времени фактического задержания времени, указанному в протоколе.

В теории и на практике проявляются три подхода к исчислению срока задержания: с момента фактического задержания, с момента доставления, с момента составления протокола. Первая позиция, как отмечалось ранее, изначально закладывалась в закон, предполагалась необходимость учета времени именно с момента фактического ограничения свободы (фактического захвата). Об этом свидетельствуют позиции Конституционного Суда РФ², международные стандарты, на которых они основаны, а также иные правовые акты³. Многие

¹ Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Саратов, 2006. С. 140.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 1902-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ «В целях выявления и пресечения нарушений прав граждан устанавливать соответствие указанного в протоколе времени задержания с фактическим, изучая необходимые материалы, в том числе рапорты сотрудников правоохранительных органов, произведших задержание». См.: Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 ноября 2011 г. № 392/49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

авторы придерживаются аналогичной позиции¹. Советским ученым этот подход также не был чужд².

Распространена практика, когда суды при рассмотрении апелляционных жалоб учитывают лишение свободы с момента фактического задержания (момента ограничения свободы передвижения). Так, «согласно представленным материалам ФИО, как и указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, фактически был задержан 16 сентября 2019 г. около 15 часов 10 минут, после чего с 16 часов 30 минут до 17 часов был произведен его личный досмотр, а затем другие следственные действия с его участием, и только 17 сентября 2019 г., в 4 часа 15 минут был составлен протокол его задержания, согласно которому в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ в 3 часа 44 минуты ФИО был задержан. Никаких данных, свидетельствующих об освобождении ФИО после 23 часов 16 сентября 2019 г. до момента составления протокола задержания, когда он мог свободно передвигаться, не имеется... Согласно ст. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ задержание подозреваемого применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления и исчисляется срок с данного момента... При таких обстоятельствах срок содержания под стражей ФИО должен исчисляться с момента его фактического задержания, а не с момента составления протокола задержания...»³. Суды, как и в этом примере, изменяют срок содержания под стражей, если устанавливают, что

¹ Стародубова Г.В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 20-24 ; Овчинникова Н.О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5. С. 241-247 ; Десятова О.В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3. С. 73-80 ; Шадрин В.С. Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 151-160.

² Бородин С.В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970. С. 43-44.

³ Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 29 ноября 2019 г. № 22К-2071/2019 по делу № 3/2-189/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsygHH/](https://sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsygHH/) (дата обращения: 20.05.2024).

фактическое задержание имело место ранее составления протокола в порядке ст. 92 УПК РФ¹.

Следующий подход связан с исчислением срока задержания с момента доставления к следователю, в орган дознания. Можно согласиться с А.В. Победкиным и В.Н. Яшиным, что «буквальное толкование указанных норм УПК дает основание полагать, что моментом фактического задержания является момент доставления (первое упоминание в УПК о порядке действий с лицом, лишенным свободы передвижения). Именно так на практике длительное время и толковали момент фактического задержания, что явно не соответствовало действительному замыслу законодателя»². Однако, как будет видно из анализа судебной практики, толковать норму подобным образом не перестали. Вместе с тем позиция, согласно которой срок задержания исчисляется с момента доставления, является достаточно распространенной и убедительно аргументированной учеными³. Хотя этот вариант и не отражает заложенную законодателем идею учета времени фактического ограничения свободы передвижения, он теоретически обоснован и распространен на практике.

Суды при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу, в том числе при продлении срока задержания, часто ориентируются на время задержания, указанное в протоколе. Существуют решения, в которых начало исчисления срока задержания прямо связывается с доставлением к следователю⁴: «В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в срок не более

¹ Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651> (дата обращения: 07.06.2024).

² Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 19.

³ Барабаш А.С., Ретюнских И.А. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12. С. 404-406; Азарёнок Н.В., Давлетов А.А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8-11; Гапонова В.Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2. С. 132-141; Гриценко Т.В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 37-38.

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 26 октября 2023 г. № 22К-5932/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/> (дата обращения: 20.05.2024).

трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Оснований для исчисления указанного срока с момента фактического задержания ФИО ... не имеется, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом срок составления протокола задержания связан со сроком доставления подозреваемого к следователю»¹.

«Вопреки доводам стороны защиты, срок задержания подозреваемого в соответствии с положениями ст. 92 УПК РФ исчисляется с момента его доставления в орган дознания или к следователю, которыми составляется протокол о задержании... Доводы защиты о том, что ФИО фактически задержан ранее срока, указанного в протоколе его задержания, подлежат проверке и доказыванию в ходе рассмотрения уголовного дела по существу и могут быть учтены в случае их доказанности при принятии судом окончательного решения по делу»².

Последнее предложение принципиально важно для рассматриваемой проблемы. Такая формулировка является в какой-то степени типовой и часто используется судами³. Время фактического ограничения свободы, которое имело место до доставления к следователю, если оно будет установлено при рассмотрении дела по существу, включается в срок содержания под стражей и, соответственно, наказания.

Существует и третий подход к исчислению срока задержания: с момента составления протокола. В качестве одной из причин можно выделить саму

¹ Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 6 июля 2023 г. № 22К-949/2023 по делу № 3/1-17/2023. URL: [//sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/](https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/) (дата обращения: 20.05.2024).

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 июля 2019 г. № 22К-1655/2019 по делу № 22К-1655/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/](https://sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/) (дата обращения: 20.05.2024).

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2023 г. № 10-26446/2023. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 августа 2023 г. № 10-16154/2023. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1302663766> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 3 февраля 2021 г. № 22К-423/2021. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573644619> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Брянского областного суда от 20 ноября 2020 г. № 22К-1822/2020. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573430153> (дата обращения: 20.05.2024).

юридическую конструкцию задержания. Законодатель, формулируя понятие момента фактического задержания, допустил возможность неоднозначного толкования данной нормы. Фраза «момент производимого *в порядке, установленном настоящим Кодексом* (курсив наш – Д.Ш.), фактического лишения свободы передвижения» (п. 15 ст. 5 УПК РФ) позволила ряду ученых небезосновательно трактовать эти положения как момент составления протокола задержания¹. Однако и до появления этой нормы такая позиция существовала². Такой подход не чужд и правоприменителям: «Утверждения защитника о том, что ФИО фактически был задержан (дата удалена), и ему неправильно исчислен срок задержания, являются несостоятельными, поскольку в процессуальном смысле моментом фактического задержания считается момент составления протокола о задержании»³.

Следующие примеры напрямую не связаны с началом исчисления срока задержания, но тем не менее представляют интерес с точки зрения толкования правоприменителями отдельных норм о задержании. Рассмотрим вопрос, касающийся истечения срока задержания до начала или во время рассмотрения ходатайства о заключении под стражу. Так, «ФИО фактически был задержан в 11 часов 55 минут 22 мая 2023 г., протокол задержания составлен в 17 часов 55 минут 22 мая 2023 г. Указывает о том, что на момент рассмотрения ходатайства следователя ФИО не являлся задержанным, так как установленный законом срок задержания ФИО по подозрению в совершении преступления истек, после чего он должен был быть освобожден из-под стражи, а на момент оглашения постановления суда и срок, указанный в протоколе о задержании, также истек... Вопреки доводам жалобы, как видно из протокола судебного заседания, к началу судебного разбирательства по ходатайству следователя, а

¹ Григорьев В.Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 4. С. 50-57; Супрун С.В. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. № 1. С. 92-96.

² Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 144-145.

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-23100/2023. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304411690> (дата обращения: 04.11.2024).

именно в 16 часов 47 минут, срок задержания обвиняемого в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, не истек»¹. В данном случае срок задержания, указанный в протоколе, истек в ходе судебного заседания. Однако суд указывает, что значение имеет время начала судебного разбирательства, а не время оглашения постановления. Об этом свидетельствуют и другие решения: «Истечение срока задержания, предусмотренного ч. 2 ст. 94 УПК РФ, к моменту принятия судьей решения в порядке ст. 108 УПК РФ не является препятствием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу»². Кроме того, обстоятельство, когда лицо фактически задержано ранее срока, указанного в протоколе задержания, не влияет на законность и обоснованность принимаемого судом решения³. Не влечет безусловного освобождения обвиняемого (подозреваемого) и «запоздалое» обращение в суд: «Несвоевременное представление дознавателем в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемому не освобождало суд от обязанности рассмотреть данное ходатайство»⁴.

Необходимо помнить о положениях ч. 3 ст. 108 УПК РФ, согласно которым постановление о возбуждении ходатайства о заключении под стражу и материалы, его обосновывающие, должны быть представлены в суд за 8 часов до истечения срока задержания, что как бы подразумевает принятие решения об избрании меры пресечения в пределах срока задержания. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 94 УПК РФ, если постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока задержания не поступит в течение 48 часов с момента задержания, а в условиях

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июня 2023 г. по делу № 10-13149/2023. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301964301> (дата обращения: 07.06.2024).

² Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 9 декабря 2021 г. по делу № 22К-4397/2021. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727745582> (дата обращения: 07.06.2024).

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 ноября 2022 г. по делу № 10-24423/2022. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300328320> (дата обращения: 07.06.2024).

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2017 г. по делу № 10-9848/2017. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542068431> (дата обращения: 07.06.2024).

военного положения если такое постановление не поступит в течение 30 суток в отношении подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то подозреваемый немедленно освобождается. Эти положения подтверждают тезис о том, что вопрос о заключении под стражу должен быть разрешен в пределах срока задержания. Однако вышеприведенные решения демонстрируют, что такое происходит не всегда. Из примеров следует, что в некоторых случаях главное для судов – начать судебное заседание до истечения 48-часового срока задержания.

Интерес представляют решения, принимаемые судами по результатам рассмотрения исков о взыскании моральной компенсации в связи с задержанием. Так, решением Ленинского районного суда г. Орска были частично удовлетворены исковые требования истца и взыскана компенсация морального вреда в размере 5000 рублей. В данном случае также имело место несоответствие времени фактического задержания сведениям, указанным в протоколе задержания по ст. 92 УПК РФ. Кроме того, протокол был составлен по истечении 3 часов с момента доставления к следователю. Лицо было доставлено в отдел полиции в 18 часов, провело там фактически всю ночь и только в 5 часов 30 минут следующего дня было помещено в ИВС. Но причина удовлетворения исковых требований обосновывается не тем, что задержание было незаконным, а непредоставлением возможности в ночное время места для отдыха, непредоставлением места для сна и постельных принадлежностей, нарушением права истца на обращение, уважающее человеческое достоинство. Также необходимо обратить внимание, что как в этом, так и в подобных решениях, принимаемых в порядке гражданского судопроизводства, суды ссылаются на положения ФЗ «О полиции»: «Согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Исходя из материалов дела, истец ФИО ограничен в передвижении с момента его доставления в помещение ОП № 1 МУ МВД России «Орское» 23 февраля 2016 г. в 20 часов 10 минут, а согласно рапорту сотрудника

полиции – с 18 часов 23 февраля 2016 г.»¹. Для постановлений по результатам рассмотрения апелляционных жалоб это не свойственно, такие решения, как правило, ограничиваются ссылками на УПК РФ.

Требования о взыскании моральной компенсации удовлетворяются из-за неприемлемых условий содержания. Обращается внимание не на сам факт несвоевременного составления протокола задержания, а на нахождение лица в связи с подозрением в совершении преступления продолжительное время вне ИВС, то есть при отсутствии надлежащих условий содержания под стражей. Подобные исковые требования не удовлетворяются, когда судом установлено, что время фактического задержания засчитано в срок отбытия наказания². Так, «суд принимает во внимание, что виновность ФИО по подозрению в преступлении, по которому он был фактически задержан 7 апреля 2014 года, подтверждена вступившим в законную силу приговором Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 5 февраля 2016 г., срок фактического задержания с 7 апреля 2014 г. года засчитан в срок отбытия наказания»³.

Судебная практика неоднородна. В одних случаях суды считают, что срок задержания исчисляется с момента фактического задержания, в других – с момента доставления к следователю или момента составления протокола. Это свидетельствует о следующем: несмотря на то, что идея недопустимости досудебного ограничения свободы на срок свыше 48 часов понятна, новый срок задержания и момент начала его исчисления «не прижились» на практике. О причинах остается лишь предполагать. Во-первых, данный срок не имеет под собой исторического фундамента, возник в Конституции РФ без явных

¹ Решение Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I6sJVY9na15n/> (дата обращения: 08.06.2024).

² Решение Кировского районного суда г. Омска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-4929/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xuSwoZXtDeVn/> (дата обращения: 08.06.2024); Решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 6 августа 2019 г. по делу № 2-732/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/24Hi4hq6U16j/> (дата обращения: 08.06.2024).

³ Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 23 января 2020 г. по делу № 2-187/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SsdJfTQQq8Zd/> (дата обращения: 08.06.2024).

предпосылок¹. Соответственно, 48-часовой срок не воспринимается правосознанием большинства правоприменителей². Можно предположить, что некоторые правоприменители продолжили апробированную, доказавшую свою эффективность советскую традицию исчисления срока задержания с момента доставления³, тем более действующий закон формально не исключает подобной трактовки. Во-вторых, данный срок объективно не соответствует географическим условиям России, где на доставление может уйти значительная часть 48-часового срока с момента фактического ограничения свободы. Кроме того, даже не учитывая время доставления, за 48 часов следователю или дознавателю нужно произвести необходимые следственные и иные процессуальные действия в целях обоснования ходатайства о заключении под стражу. С учетом 8-часового временного запаса для суда в распоряжении следователя остается 40 часов, а если исчислять срок задержания согласно замыслу закона с момента фактического ограничения свободы, то и того меньше. А если подозреваемый не один, то вообще ставится под сомнение физическая возможность успеть произвести все необходимые действия. Собственно, эта норма и не реализуется в первоначальной задумке.

Разные мнения в этой части выявлены в результате анкетирования (приложение А). Респондентам была предложена ситуация, в которой граждане задержали лицо на месте совершения грабежа, после чего прибыли сотрудники полиции и доставили данное лицо в отдел. На вопрос, с какого момента в этом случае исчисляется срок задержания, 41,1% сотрудников ответили, что с момента составления протокола задержания следователем. При этом 19,6% респондентов посчитали, что срок исчисляется с момента ограничения свободы лица

¹ Вопрос о непригодности для практики 48-часового срока задержания и о причинах установления именно такого срока поднимает С.Б. Россинский. См.: Россинский С.Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 97-105.

² Кальницкий В.В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем). С. 180.

³ Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления : указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданами, 21% – с момента доставления в отдел полиции. Отдельные респонденты указали, что срок задержания здесь исчисляется с момента возбуждения уголовного дела, 15,6% сотрудников – с момента передачи полиции. Самый популярный ответ обусловлен тем, что большинство респондентов – следователи и дознаватели. Другие варианты указали сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную и административную деятельность.

Из-за неоднозначности положений п. 15 ст. 5 УПК РФ сторона защиты толкует эту норму в свою пользу, указывая на момент фактического ограничения свободы передвижения. Такая позиция, надо сказать, небезосновательна в контексте решений Конституционного Суда РФ. Органы расследования, напротив, с учетом непригодности 48-часового срока для потребностей практики связывают начало исчисления срока задержания с моментом доставления к следователю или составления протокола.

Такая ситуация кажется безвыходной, так как 48-часовой срок задержания установлен в главе 2 Конституции РФ. Очень важный вывод в этой части делает С.Б. Россинский, говоря, что «гораздо разумнее сосредоточиться на поисках более прагматичных путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения ряда коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство»¹. В подобном направлении мыслит и В.Н. Григорьев: «Выстраивая логику эволюции института задержания подозреваемого, можно предполагать, что дальнейшее его развитие пойдет по пути выработки нормативного механизма обхода конституционного ограничения срока содержания лица под стражей без судебного решения»².

Парадоксальна ситуация, когда в судебной практике одновременно существует несколько подходов к исчислению срока задержания. Как представляется, разночтения в понимании норм, связанных с ограничением

¹ Россинский С.Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда. С. 104.

² Григорьев В.Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1413.

конституционных прав, недопустимы. Трудно судить о подлинных причинах подобного отношения к исчислению срока задержания. Помимо объективных факторов, могут существовать и субъективные: непонимание, правовой нигилизм и намеренное толкование нормы стороной обвинения в свою пользу¹. Неоднозначность и запутанность заставляют некоторые органы расследования искать неординарные способы выхода из сложившейся ситуации. Как указывает Р.Р. Валюлин, «в СЧ ГСУГУ МВД России по Алтайскому краю появилась практика при задержании подозреваемого выяснять и указывать в протоколе задержания подозреваемого три разных времени. Так, указывается время, когда лицо фактически было задержано, т.е. лишено возможности передвигаться, время, когда лицо было доставлено к следователю, и, наконец, время, когда следователь задержал данное лицо»².

Заслуживает внимания еще один вариант начального момента исчисления срока задержания: Н.В. Азарёнок предлагает считать таковым (наряду с моментом доставления) «окончание производства следственного действия, непосредственно предшествовавшего задержанию лица, принимавшего в нем участие»³. Также интерес вызывает предложение учитывать в срок содержания под стражей время участия лица, задержанного в порядке ст. 91–92, в следственных действиях, предшествующих задержанию⁴. Однако Конституционный Суд РФ обозначил, что «применение предусмотренных статьей 182 УПК Российской Федерации к лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, запретов покидать его, общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска не охватывается понятием “лишение свободы” в конституционно-правовом смысле и не является непосредственным ограничением самого конституционного права на свободу и

¹ Шайденко Д.А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1. С. 200.

² Валюлин Р.Р. Исчисление срока задержания подозреваемого // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 140.

³ Азарёнок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 10.

⁴ Там же.

личную неприкосновенность. Следовательно, производство обыска в жилище само по себе не выступает частью задержания и время обыска не включается автоматически в срок этой меры процессуального принуждения...»¹. В приведенном решении речь идет об обыске, однако данная позиция вполне применима и к иным следственным действиям². Несмотря на это, не исключены ситуации, когда время производства следственного действия уместно включить в срок содержания под стражей (даже Конституционный Суд РФ использует слово «автоматически», что как бы подразумевает существование таких ситуаций). Поэтому предложение Н.В. Азарёнка заслуживает поддержки, но не в виде общего правила, а как учет обстоятельств конкретной ситуации.

Ряд проанализированных судебных решений позволяет сказать, что суды всегда исходят из конкретной ситуации, но выделяют главное – зачет времени фактического ограничения свободы в срок наказания. Думается, это наиболее оптимальный способ достижения баланса частного и публичного интересов в данных отношениях. Учет времени фактического задержания при заключении под стражу или назначении наказания – один из путей выхода из сложившейся ситуации, который предлагает практика. Как представляется, доктрина и правовое регулирование должны развиваться именно в данном направлении. В науке между тем подобные предложения уже прозвучали. Так, И.В. Соболев предлагает исчислять срок задержания с момента составления протокола, а «в последующем суд, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, должен включить в срок задержания и срок фактического лишения свободы передвижения (фактического задержания)»³. Вопрос о таком последующем учете времени

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № 3206-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Шайденко Д.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по задержанию подозреваемого // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 181-185.

³ Соболев И.В. Проблемы исчисления сроков задержания и содержания под стражей по уголовному делу // Закон и право. 2013. № 3. С. 81-82.

именно с позиции баланса частного и публичного интересов разрабатывается Н.В. Азарёнком¹.

Профессора Б.Б. Булатов и В.В. Кальницкий указывают на необходимость «включения обстоятельств фактического ограничения свободы лица (начало, окончание, продолжительность, возможность причинения вреда здоровью и др.) в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, что обеспечит полное их исследование средствами уголовно-процессуального доказывания и учет при назначении наказания или реабилитации»². Оба предложения вполне могут рассматриваться как варианты разрешения существующих противоречий. Также авторами делается фундаментальный вывод о том, что «в пересмотре нуждается отношение к 48-часовому сроку задержания: это не элемент репрессии, который следует минимизировать за счет вычета из него времени фактического ограничения свободы передвижения лица, а общественно полезный обеспечительный этап законного и обоснованного судебного разрешения ходатайства о заключении лица под стражу»³. Как показывает практика, когда срок задержания исчисляют с момента доставления (или составления протокола), тот факт, что до этого момента имело место неучтенное фактическое задержание, не является препятствием к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или продлению срока задержания. Поэтому целесообразно «оставить» органам расследования конституционные 48 часов, а время, затраченное сотрудниками полиции на захват и доставление (иные действия и мероприятия), подлежит зачету в срок отбытия наказания. Разумеется, данные размышления не касаются ситуации, когда задержание производится по поручению следователя, дознавателя: в таком случае срок задержания должен исчисляться с момента ограничения свободы передвижения.

¹ Азарёнок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов. С. 7-10.

² Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие. С. 10 ; Кальницкий В.В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого. С. 155.

³ Булатов Б.Б., Кальницкий В.В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие. С. 11.

Оговоримся, что все-таки формально данный подход не соответствует Конституции РФ, так как общее время досудебного лишения свободы может превысить 48 часов. Однако реальная жизнь показывает, что «сторяча» введенное в Основной закон правило не всегда выполнимо (если точнее, выполнить его можно всегда, просто «отпуская» лицо по истечении 48 часов, но в ущерб публичному интересу). Представляется, что критерий истины в данном случае – практика, которая предложила хоть и не безупречный с точки зрения закона, но справедливый с позиции баланса частного и публичного начал путь выхода из сложившейся ситуации.

Как указал И.Л. Петрухин, «если ”захват” и доставление станут составными частями, этапами уголовно-процессуального задержания, то срок его будет исчисляться с момента фактического лишения человека свободы. И это справедливо. Задержанный не должен расплачиваться за то, что его долго доставляли в органы милиции»¹. Думается, следователь тоже не должен за это расплачиваться, поэтому за основу необходимо взять путь «последующего зачета».

Стоит сказать, что это не единственный вариант, отстаивающий публичное значение 48-часового срока задержания. Как известно, при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу судья может принять решение о продлении срока задержания по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Существует практика, когда следователи формально направляют в суд ходатайство об избрании меры пресечения, однако их подлинное намерение заключается как раз в продлении срока задержания. С учетом недостаточности 48-часового срока органы расследования вынуждены представлять суду заведомо недостаточно обоснованное ходатайство, чтобы с помощью продления срока получить дополнительное время для установления тех или иных обстоятельств. В связи с этим в литературе предлагается предусмотреть право следователя

¹ Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 20.

(дознавателя) направлять в суд отдельное, самостоятельное ходатайство о продлении срока задержания, обосновывая его минимально необходимым для этого набором сведений¹. Такой подход выглядит заманчивым, однако вызывает ряд вопросов. Может возникнуть ситуация, когда один судья продлит срок задержания, а рассматривать ходатайство об избрании меры пресечения будет другой судья. У последнего может сложиться другое убеждение по поводу продления срока задержания и заключения под стражу, но в данном случае он будет связан решением прошлого судьи, что является проблемой с точки зрения свободы оценки доказательств и иных сведений, представляемых судье.

Кроме того, возможность возбуждения перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей должна предопределять другой подход к началу исчисления срока задержания. Думается, что, если следователь или дознаватель получают право представления минимально обоснованного ходатайства о продлении срока задержания, последнее должно исчисляться не иначе как с момента фактического ограничения свободы. Как представляется, здесь нужно сделать выбор из двух вариантов:

1) исчисление срока задержания с момента доставления или составления протокола, но в дальнейшем время «доследственного» ограничения свободы лица будет зачтено в общий срок содержания под стражей;

2) исчисление срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения, но при возможности органов расследования направлять в суд отдельное, упрощенное по сравнению с избранием меры пресечения ходатайство о продлении срока задержания.

Несмотря на то, что зачет времени фактического задержания и возможность продления срока задержания прямо не противоречат друг другу, считаем, что одновременная их реализация сильно сместит баланс интересов в «публичную» сторону. Поэтому предпочтение необходимо отдать первому варианту, который является наиболее сбалансированным: с одной стороны, органы расследования

¹ Азарёнок Н.В. Наделение следователя и дознавателя полномочиями по вынесению постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока задержания подозреваемого // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 37-41.

имеют полноценные 48 часов (с учетом запаса для суда), с другой стороны, лицо получает выгодный для себя зачет времени фактического ограничения свободы в срок содержания под стражей. Важно помнить, что последний исчисляется сутками, а срок задержания – часами, а это значит, что лицу независимо от того, во сколько именно часов оно задержано, засчитают целые сутки содержания под стражей.

Однако в связи с недавними изменениями законодательства вопрос о продлении срока задержания нельзя считать закрытым. Теперь существует дополнительное требование к основанию заключения под стражу: отсутствие заболевания, содержащегося в перечне и устанавливаемого в определенном порядке (перечень и порядок утверждены Постановлением Правительства¹). Законодатель не синхронизировал изменения с условиями и сроком задержания, в рамках которого необходимо собирать дополнительные сведения. В литературе на эти проблемы уже обращено внимание². Поэтому разумно ставить вопрос о введении возможности продления срока задержания для проведения медицинского освидетельствования.

Исчисление срока задержания с момента доставления к следователю или с момента составления протокола, как это сейчас принято на практике, а также позиции ученых, легитимизирующих такое правоприменение, указывая на буквальное толкование положений п. 15 ст. 5 и ст. 92 УПК РФ, – варианты действия «здесь и сейчас», окончательным решением проблемы их назвать трудно. Стоит уделить отдельное внимание неоднократно упомянутому моменту доставления к следователю, в орган дознания. Этот вариант исчисления срока, на первый взгляд, является наиболее корректным. Однако он подходит только для типичных ситуаций, когда лицо доставляется в городской отдел полиции (иное

¹ О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лукьянова А.А. Установление тяжелого заболевания, препятствующего заключению и содержанию под стражей по уголовному делу: постановка проблемы // Сибирский юридический форум : материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2025. С. 128-130.

подразделение). Специфика работы подразделений ОВД, например, на железнодорожном транспорте обуславливает неоднозначность момента доставления к следователю. Далее приведем пример, который стал известен автору в ходе личного общения со следователями одного из линейных подразделений МВД России. Представим ситуацию, когда от пассажиров поезда поступило сообщение о преступлении. Следователь с оперативниками вошли в состав для осуществления деятельности следственно-оперативной группы. Однако когда обнаружили лицо, заподозренное в совершении преступления, поезд, согласно расписанию, уже начал движение. Теперь до момента прибытия в необходимое подразделение может пройти определенное количество часов. Закономерен вопрос: считается ли лицо доставленным к следователю, если они вместе следуют на поезде в другой город? Думается, что нет, так как ставится под сомнение возможность полноценного осуществления процессуальной деятельности. Выходит так, что момент доставления не всегда возможно корректно отследить и установить. Поэтому в силу своей неуниверсальности он не может использоваться как общее правило для исчисления срока задержания. В связи с этим необходимо отдать предпочтение моменту составления протокола задержания, так как благодаря предлагаемому порядку все время ограничения свободы, в том числе доставления, будет зачтено в срок содержания лица под стражей.

Необходим радикальный шаг, влекущий изменение подхода к сроку досудебного лишения лица свободы. Чтобы не отнимать и без того малый 48-часовой срок у органов расследования, время так называемого фактического задержания нужно засчитывать в срок содержания под стражей при избрании меры пресечения либо учитывать при назначении наказания (причем данные варианты не являются взаимоисключающими). В связи с этим обоснованным представляется тезис А.А. Лукьяновой о том, что «сотрудники, обладающие полномочиями задерживать лиц, совершивших преступление, должны незамедлительно с момента начала осуществления любых действий, фактически

ограничивающих свободу и личную неприкосновенность лиц, фиксировать этот факт в документах»¹.

Между тем лица, привлекаемые к уголовной ответственности, вынуждены добиваться зачета вышеуказанного времени в срок наказания путем подачи апелляционных жалоб либо доказывать обстоятельства фактического «доследственного» ограничения свободы в судебном заседании при рассмотрении дела по существу. Поэтому необходимо закрепить в законе механизм учета времени фактического ограничения свободы передвижения, которое имело место до процессуального задержания. Как представляется, данные обстоятельства могут и должны быть установлены в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу либо при рассмотрении дела по существу и зачтены в общий срок содержания под стражей. Разумеется, время и обстоятельства фактического задержания должны быть учтены и при реабилитации. В то же время необходимо, чтобы в закон были внесены изменения, предусматривающие однозначную формулировку момента начала исчисления срока задержания. Наиболее предпочтительным в этой части можно считать момент составления протокола задержания. Такой подход соответствует восприятию задержания подозреваемого в качестве кратковременного ареста. Сложившаяся практика – реальность, с которой тоже нужно считаться и реализовать ее в законе. Таким путем можно обеспечить право граждан на свободу и личную неприкосновенность, не урезая публично важный для органов расследования временной промежуток, призванный обеспечить законное и обоснованное разрешение ходатайства о заключении под стражу.

¹ Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России. С. 195 ; Лукьянова А.А. Ограничение свободы и личной неприкосновенности в уголовном процессе: от сущности к проблеме неопределенности правового статуса (положения) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1. С. 102-111.

§ 4. Задержание осужденного: сущность и отраслевая принадлежность

Ранее в данной работе было отмечено, что задержание осужденного является кратковременным арестом, имеет обеспечительный характер и находится в одном ряду с административным и уголовно-процессуальным задержанием. Этот тезис нуждается в обосновании. Во-первых, правовое регулирование данной меры принуждения содержится в отдельной, самостоятельной отрасли права. Кроме того, присутствует системность в указании случаев, когда такое задержание может быть произведено (при уклонении осужденного от конкретных видов наказаний). Во-вторых, задержание осужденного преследует самостоятельную специфическую цель – обеспечение судебного рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (как правило, рассмотрение вопроса о замене наказания на более строгое).

Необходимо отличать кратковременный арест осужденного и его задержание в пресекательном смысле. Наиболее явное разграничение видится в субъектах применения данных мер. Начать следует с обеспечительного задержания осужденного (кратковременного ареста). Профессор В.В. Николюк, всесторонне исследовавший данный вопрос, считает, что субъектом задержания осужденного являются органы внутренних дел: «Данная позиция стабильно поддерживается судебной практикой, которая, за исключением разовых случаев, являющихся судебными ошибками, исходит из того, что задерживать указанных лиц в условиях действующего законодательства могут только сотрудники полиции как подразделения ОВД. На этом подходе базируется согласованный МВД России и ФСИН России порядок взаимодействия сотрудников полиции и уголовно-исполнительной системы, в рамках которого субъектами задержания определены сотрудники полиции, а помещения для задержанных осужденных отведены в дежурной части подразделения полиции»¹. Как бы противоречиво это

¹ Николюк В.В. Задержание осужденного, скрывшегося с целью уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 86-91.

ни звучало, но органы уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), в том числе их оперативные подразделения, не вправе задерживать осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания (в смысле кратковременного ареста). Стоит отметить, что военнослужащие (сотрудники) национальной гвардии в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 10 Закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» также вправе задерживать лиц, совершивших побег из-под стражи, а также лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, до передачи в полицию. Нужно отметить, что полиция формально вправе задерживать условно осужденных, объявленных в розыск (п. 4 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции»). Однако УИК РФ не предусматривает задержание и заключение под стражу в этой ситуации. В связи с этим Л.А. Пупышева справедливо ставит вопрос «о целесообразности задержания сотрудниками ОВД этой категории осужденных, поскольку цель применения данной меры принуждения – решение вопроса об их заключении под стражу до принятия решения судом о замене наказания более строгим»¹. Кроме этого, органы внутренних дел вправе самостоятельно вносить в суд представление о заключении под стражу осужденных, уклоняющихся от исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, или от получения предписания о следовании к месту отбывания принудительных работ либо в колонию-поселение, а также осужденных, не прибывших в данные учреждения в указанный в предписании срок (п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ).

Между тем органы УИС, как и полиция, являются «силовым» ведомством, и их сотрудники вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Эти полномочия не могут не предопределять возможность задержания. Регулирует эти отношения Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской

¹ Пупышева Л.А. Органы внутренних дел как субъекты отношений, возникающих при исполнении приговора // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2, № 1. С. 112.

Федерации». До недавнего времени закон предоставлял лишь следующие полномочия, связанные с задержанием: п. 2 ст. 29 – применение физической силы «для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу».

Специальные средства сотрудники УИС были вправе применять для задержания осужденных, лиц, заключенных под стражу, и иных лиц при наличии достаточных оснований полагать, что они могут оказать вооруженное сопротивление (п. 10 ст. 30); для задержания осужденных и лиц, заключенных под стражу, совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, а также для пресечения побега (п. 11 ст. 30).

Огнестрельное оружие могло быть применено для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу, застигнутых при совершении деяния, содержащего признаки преступления против жизни и здоровья, если иными средствами задержать осужденного или лицо, заключенное под стражу, не представляется возможным (п. 4 ст. 31²); для задержания осужденного или лица, заключенного под стражу, оказывающих вооруженное сопротивление, либо осужденного или лица, заключенного под стражу, отказывающихся выполнить законное требование о сдаче находящихся при них оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ (п. 5 ст. 31²).

Сотрудники органов УИС, разумеется, могут задерживать осужденных для поддержания порядка в исправительных учреждениях, пресечения побегов и т.д. Разница между «пресекательным» и «обеспечительным» задержанием осужденного была бы совсем очевидной, если бы не недавние изменения закона «Об учреждениях и органах УИС»¹. Закон дополнился нормами, расширяющими территориальные пределы и основания применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при розыске осужденных, совершивших побег и уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний. Так, ч. 2 ст. 28 дополнена предложением «Применение физической силы, специальных

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы допускается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Законом, при розыске осужденных к уголовным наказаниям, исполнение которых возложено на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а также лиц, совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, в месте обнаружения таких лиц». Применение специальных средств стало возможным «для задержания осужденных, уклоняющихся (злостно уклоняющихся) от отбывания уголовных наказаний, исполнение которых возложено на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, в случаях, если они оказывают физическое сопротивление сотруднику уголовно-исполнительной системы либо пытаются причинить вред окружающим или себе» (п. 14 ст. 30). Статья 31² (применение огнестрельного оружия) дополнилась ч. 9: «Сотрудник уголовно-исполнительной системы при розыске осужденных к уголовным наказаниям, исполнение которых возложено на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, а также лиц, совершивших побег из-под стражи или из учреждения, исполняющего наказания, имеет право применять огнестрельное оружие только в случаях, предусмотренных настоящей статьей».

«Процессуальное» задержание осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания, сотрудники данного ведомства по-прежнему применять не вправе. Данные нововведения предлагают регулирование, по сути, такое же, как у Росгвардии. Появилась лишь правовая основа доставления осужденных органами УИС в полицию. До указанных изменений на практике, по большому счету, все так и происходило: осужденных доставляли в отдел полиции по месту обнаружения либо дожидались приезда полиции и просто не давали лицу уйти, хотя формально, по крайней мере на уровне федерального закона, таких полномочий органы УИС не имели. Безусловно положительной оценки заслуживает внимание законодателя к данной проблеме. Тем не менее принять самостоятельное решение о содержании под стражей до 48 часов данный орган

все еще не может¹. Вместе с тем 73,6% опрошенных сотрудников органов УИС отмечают необходимость наделения их такими полномочиями.

На практике распространены случаи, когда осужденный не задерживается на срок до 48 часов (с помещением в место содержания под стражей) и представление о заключении под стражу рассматривается в день обнаружения лица и доставления его в суд². Суды разделяют задержание с водворением лица в специальное помещение на 48 часов (кратковременный арест) и доставление в суд непосредственно после обнаружения. Однако второе, исходя из конституционного понимания, тоже является задержанием (в пресекательном смысле). Закон «Об учреждениях и органах УИС» также называет данные действия задержанием (захват на месте обнаружения). Обстоятельство, когда осужденный доставляется в суд непосредственно после обнаружения, не означает, что данное лицо не задержано. Неслучайно в проекте постановления Пленума ВС РФ «О практике применения судами законодательства о заключении под стражу (продлении срока задержания) осужденного при исполнении приговора», подготовленном В.В. Николюком и Л.А. Пупышевой, указано, что местом задержания осужденного (ч. 4¹ ст. 396, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ) является «место фактического обнаружения осужденного и лишения его свободы передвижения без помещения в места содержания под стражей, а также место задержания осужденного с помещением его на срок до 48 часов в изолятор временного содержания или следственный изолятор на основании протокола задержания или рапорта о задержании»³.

Согласимся и с тем, что принятие решения о заключении под стражу предполагается «в пределах 48 часов, отведенных положениями статьи 22 Конституции РФ для содержания под стражей лица, задержанного без судебного

¹ Шайденко Д.А. Задержание осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания: сущность и отраслевая принадлежность // Международный научный вестник. 2025. № 9. С. 66.

² Николюк В.В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 61-81.

³ Пупышева Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 438.

решения». Однако спорным видится положение проекта о том, что принимать такое решение необходимо «с соблюдением разумного срока либо в течение иного разумного срока после того, как скрывшийся осужденный, местонахождение которого установлено, доставлен в судебное заседание»¹. Представляется, что общим правилом должно быть принятие решения о заключении под стражу, во всяком случае до истечения 48 часов с момента фактического лишения свободы после обнаружения осужденного. Вместе с тем для судов является проблемной ситуация, когда лицо не помещают в места содержания под стражей. На практике часто сотрудники уголовно-исполнительной инспекции сами доставляют осужденных в суд, они же обеспечивают нахождение осужденных в помещении суда, они же поддерживают в судебном заседании представление о заключении данных лиц под стражу и они же доставляют осужденных после судебного заседания в следственный изолятор в случаях заключения данных лиц под стражу. Суды рассматривают данные представления уголовно-исполнительной инспекции незамедлительно после их поступления в суд, фактически без необходимой подготовки к судебному заседанию. Кроме того, законодательством заблаговременность сроков представления данных материалов в суд, а также сроки их рассмотрения судом, порядок доставления задержанных лиц в суд, порядок их сопровождения в следственные изоляторы не установлены², в отличие от производства по уголовным делам. Здесь искажается сама обеспечительная суть задержания (подготовка к судебному заседанию). В свою очередь в числе причин, по которым лиц не помещают в места содержания под стражей, можно выделить собственно отсутствие таких мест в органах УИС (вряд ли в каждом случае уместно доставлять лицо в СИЗО), а также организационные проблемы с водворением осужденных в помещения полиции.

Снова возникает необходимость обратиться к вопросам терминологии. Вышеприведенные положения закона не позволяют утверждению «задержание

¹ Там же. С. 439.

² Там же.

осужденного не может применяться сотрудниками УИС» быть истинным. Заметна явная неустойчивость формулировок: в одном смысле сотрудники УИС могут применять задержание осужденного, в другом – нет. Все по причине того, что в обоих случаях уместна фраза «задержание осужденного». До рассмотренных изменений Закона «Об учреждениях и органах УИС» для ясного разграничения достаточно было уточнить, что речь идет именно о задержании осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания. Теперь же этой фразой охватываются захват и доставление в полицию. В таком случае остается использовать другое наименование данной меры. Задержанием осужденного законодатель называет разные по своей природе действия: 1) фактическое ограничение свободы в рамках поддержания порядка в исправительных учреждениях и при розыске осужденных (применяют органы УИС, а при розыске – органы УИС и полиция); 2) правовую меру, направленную на обеспечение участия осужденного в судебном заседании (применяет только полиция). Поэтому второе (кратковременное лишение свободы, применяемое к осужденным, уклоняющимся от исполнения наказания), исходя из предлагаемой в данной работе модели разграничения, целесообразно называть «предварительный арест осужденного».

В литературе встречается термин «уголовно-исполнительное задержание». Мы тоже ранее употребляли его при описании видов задержания. Данный термин будет иногда использоваться нами как синоним «процессуального» задержания осужденного (кратковременного ареста). Следует также отметить, что в соответствии со ст. 86 УИК РФ в случаях оказания осужденными сопротивления персоналу исправительных учреждений, злостного неповиновения законным требованиям персонала, проявления буйства, участия в массовых беспорядках, захвата заложников, нападения на граждан или совершения иных общественно опасных действий, а также при побеге или *задержании* бежавших из исправительных учреждений осужденных в целях пресечения указанных противоправных действий, а равно предотвращения причинения этими осужденными вреда окружающим или самим себе применяются физическая сила,

специальные средства и оружие. Детализируются эти положения в ранее приведенном Законе «Об учреждениях и органах УИС». Как видно, УИК РФ затрагивает вопросы не только задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора, но и пресекательного задержания, осуществляемого для поддержания порядка в учреждениях УИС. Последнее является по своей природе административно-правовым (подробнее в § 2 главы 1).

В свете изложенного актуализируется вопрос о цели задержания (предварительного ареста) осужденного. По мнению профессора Б.Б. Булатова, «целями уголовно-исполнительного задержания являются пресечение уклонения осужденного от отбытия наказания; обеспечение его участия в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного наказания более строгим»¹. Профессор В.В. Николук считает, что «по логике закона, непосредственными целями задержания осужденного выступают пресечение уклонения осужденного от отбывания наказания и решение вопроса о его заключении под стражу до того момента, когда состоится судебное заседание по рассмотрению представления о замене наказания»². Данные цели не вызывают возражений, если понимать уголовно-исполнительное задержание комплексно, включая в его содержание захват и доставление. Наше же восприятие данной меры как решения компетентного органа о кратковременном лишении свободы не позволяет относить пресечение уклонения осужденного от наказания к цели «процессуального» задержания. Пресечение – цель именно задержания как комплекса действий по фактическому ограничению свободы (захват и доставление), кратковременный же арест применяется сугубо для обеспечения участия осужденного в судебном процессе.

¹ Булатов Б.Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов № 29 по материалам Международной научно-практической конференции. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции». М., 2020. С. 21-22.

² Николук В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел, 2015. 236 с.

В науке ведется дискуссия об отраслевой принадлежности кратковременного лишения свободы осужденного, уклоняющегося от исполнения приговора. Многие ученые считают, что оно является уголовно-процессуальным¹. Некоторыми авторами, в том числе и нами, используется термин «уголовно-исполнительное задержание», что само по себе выражает нашу позицию по поводу правовой природы данной меры. Этот подход требует аргументации.

Задержание осужденного регулируется в УИК РФ. Можно согласиться с А.А. Плашевской, что «закрепление норм, составляющих определенный правовой институт, в том или ином источнике права – далеко не единственный и не основной критерий, позволяющий определить их отраслевую принадлежность. С учётом того, что деление права на отрасли и объединение общественных отношений в комплексы (предмет) для регулирования их единым методом носит условный характер, не исключены ситуации, когда нормы, относящиеся к одной отрасли, находятся в рамках законодательства другой отрасли»². Очевидно, следует учитывать, что задержание осужденного регулируется в УИК РФ (отдельные положения содержатся в ФЗ «О полиции»). Однако только этого недостаточно для обоснования уголовно-исполнительной природы данного института, нужны дополнительные аргументы.

Задерживается осужденный в специфических, присущих только исполнению приговора случаях. Если уголовно-процессуальное и административное задержания напрямую связаны с совершенным правонарушением (уголовным или административным), то уголовно-исполнительное задержание обусловлено злостным уклонением лица от исполнения приговора (постановления, определения) суда. Осужденный находится в ведении органов УИС, организационно-правовые действия данного

¹ Попков Н.В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 9 ; Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография. М., 2017. С. 215-216 ; Якубина Ю.П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3. С. 60.

² Плашевская А.А. Уголовно-исполнительное задержание в системе мер правового принуждения // Вестник Кузбасского института. 2012. № 3. С. 50.

субъекта по установлению факта уклонения, объявлению в розыск и т. д. находятся в сфере уголовно-исполнительных отношений, их нельзя назвать уголовно-процессуальными или административными.

Немаловажным является тот факт, что осужденный – лицо, признанное виновным. Ведя речь о недопустимости заочного ареста осужденного, В.В. Николук отмечает, что «вряд ли оправданием этому может служить правовой статус лица, который признан вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении определенных преступлений. Не следует забывать, что во всех этих случаях в соответствии с ранее вынесенным приговором осужденный находится на свободе законно»¹. В части заочного заключения под стражу согласимся. Однако, когда в отношении лица вступил в законную силу обвинительный приговор, оно уже отбывает наказание, претерпевает лишения и ограничения, провозглашенные именем Российской Федерации. Представляется, что на такое лицо не в полной мере распространяются конституционные гарантии свободы и личной неприкосновенности. Этот особый правовой статус как раз таки позволяет лишить свободы лицо, не совершившее новое преступление или административное правонарушение. Уклонение осужденного от исполнения приговора подрывает авторитет судебной власти и должно влечь определенные последствия. Поэтому считаем допустимой саму возможность досудебного лишения свободы лица, не совершившего новое преступление или административное правонарушение².

Как было сказано ранее, формально содержать под стражей осужденного до 48 часов вправе лишь ОВД. Однако, как представляется, этот вопрос должен быть предрешен сотрудниками УИС при объявлении осужденного в розыск после установления факта уклонения от отбывания наказания. В связи с этим было бы

¹ Николук В.В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики. Избранные статьи : в 2 ч. Ч. 2. М., 2021. С. 382.

² Шайденко Д.А. О сущности и правовой природе задержания осужденного // Преемственность и новации в юридической науке: материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2025. С. 146-149.

обоснованным предложить распространение полномочий по задержанию осужденного (в процессуальном смысле) и на органы УИС.

Одним из ключевых аргументов в пользу уголовно-исполнительной природы задержания осужденного является действующее регулирование ответственности за уклонение от наказания. УК РФ предусматривает ответственность лишь за уклонение от наказания в виде лишения свободы, а также от ограничения свободы, избранного в качестве дополнительного наказания. КоАП РФ не предусматривает административной ответственности за уклонение от уголовных наказаний. И.А. Подройкина предлагает: «В целях обеспечения соответствия системы уголовных наказаний требованиям справедливости уклонение осужденного от исполнения приговора суда следует признать преступным независимо от вида назначенного наказания, в связи с чем изложить ст. 314 УК РФ в новой редакции»¹. Если реализовать это предложение в законе, уголовно-исполнительное задержание перестанет существовать как таковое. Если уклонение от любого наказания будет преступлением, осужденный будет задерживаться в уголовно-процессуальном порядке (гл. 12 УПК РФ) как подозреваемый в совершении преступления. Тогда органы уголовно-исполнительной системы смогут задерживать осужденного лишь в качестве органа дознания в порядке производства неотложных следственных действий (ст. 157 УПК РФ). Аналогично, если предусмотреть административную ответственность за уклонение от уголовных наказаний, к лицу будет применяться административное задержание.

Однако законодатель избрал иной подход в части воздействия на уклоняющегося от наказания осужденного. Существует институт замены наказания, который был логичным и системным, пока в 2012 году не было криминализировано уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания. До этого уголовная ответственность наступала лишь за уклонение от наказания в виде лишения свободы. Как отмечает М.В. Бавсун,

¹ Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. С. 14.

«криминализации подлежит лишь уклонение от лишения свободы как наиболее строгого вида наказания, замена которого на другой вид по сути невозможна. Собственно, исключительность в этом плане лишения свободы на определенный срок и послужила основанием для установления самостоятельной уголовной ответственности за уклонение от данного наказания. Все остальные меры карательного воздействия вполне могут быть заменены как раз лишением свободы (либо иным, более строгим по отношению к тому виду наказания, от которого происходит уклонение)...»¹. Склонны согласиться с автором, что необходимо декриминализовать ч. 1 ст. 314 УК РФ, предусматривающую ответственность за уклонение от дополнительного наказания в виде ограничения свободы². Таким образом, отсутствие самостоятельной ответственности за уклонение от уголовного наказания вкупе с особым правовым статусом виновного делают задержание осужденного самостоятельным и определяют его уголовно-исполнительную природу³.

Модельный УПК стран СНГ включает задержание осужденного в уголовно-процессуальную сферу. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 159 задержание может быть применено к осужденному, в отношении которого внесено представление об отмене условного осуждения или отмене условно-досрочного освобождения. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 159 задержание производится на основании решения суда о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного осуждения или отмене условно-досрочного освобождения.

В ст. 164 эти положения детализируются: суд санкционирует задержание осужденного до разрешения вопроса об отмене условного осуждения или отмене условно-досрочного освобождения, если уполномоченным на то органом внесено соответствующее представление, причем из него и прилагаемых к нему

¹ Бавсун М.В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ): проблемы правовой регламентации и практики применения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1. С. 14.

² Там же.

³ Шайденко Д.А. Задержание осужденного – самостоятельная разновидность кратковременного лишения свободы лица, признанного виновным // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVI международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 159.

материалов следует, что вероятна попытка лица скрыться от суда, уклониться от явки в суд, либо если нарушение им поставленных при осуждении или освобождении условий выразилось в отъезде без разрешения в другую местность или иных серьезных проступках. Выдавая разрешение на задержание, суд определяет его срок в пределах 7 суток с момента взятия лица под стражу. Постановление суда о задержании осужденного направляется для исполнения органу внутренних дел по месту жительства осужденного. Если осужденный скрылся, решение суда о задержании должно быть исполнено всяким сотрудником органа дознания, следователем или прокурором, которые обнаружат подозреваемого. Об исполнении постановления о задержании орган, его исполнивший, немедленно уведомляет суд.

Существует и Модельный Уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ (далее – Модельный УИК стран СНГ)¹. Этот документ тоже регулирует задержание осужденных. В ст. 50, предусматривающей ответственность за уклонение от отбывания исправительных работ, сказано, что «скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан с санкции прокурора на срок до 30 суток».

Другие положения сконструированы аналогично: осужденный задерживается органами внутренних дел с санкции прокурора, отличаются лишь сроки и основания (ч. 2 ст. 52 – уклонение осужденного от получения предписания о выезде к месту отбывания наказания в виде ограничения свободы или невыезде в установленный срок; ч. 3 ст. 63 – решение вопроса о замене осужденному наказания в виде ограничения свободы на лишение свободы; ч. 4 ст. 63 – уклонение от наказания в виде ограничения свободы; ст. 71 – уклонение лица от получения предписания о выезде к месту отбывания наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении или невыезд в установленный срок;

¹ Модельный Уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175447>.

ст. 92 – уклонение осужденного, осуществившего выезд, от возвращения в исправительное учреждение в установленный срок).

Как можно заметить, задержание, связанное с отменой условного осуждения или условно-досрочного освобождения, регулируется в Модельном УПК стран СНГ. Иные случаи описаны в Модельном УИК стран СНГ. Здесь прослеживается закономерность: решение о задержании осужденного, предусмотренное Модельным УПК стран СНГ, принимает суд. Модельный УИК стран СНГ же предусматривает задержание органами внутренних дел с санкции прокурора. Отсюда вытекает первое различие – субъекты задержания. Вызвано оно разницей в судебных процедурах: при отмене условного осуждения или условно-досрочного освобождения уполномоченный орган направляет в суд соответствующее представление. Суд, в свою очередь, заочно разрешает данный вопрос и также заочно арестовывает (задерживает) осужденного. При уклонении осужденного от отбывания наказания органы внутренних дел сначала задерживают его с санкции прокурора, а уже затем направляют в суд соответствующие материалы. Поскольку решение об отмене условного осуждения или условно-досрочного освобождения отнесено к компетенции суда, то и содержатся они в акте, непосредственно касающемся судопроизводства.

Конструкции, предусмотренные данными модельными законами, воспринял законодатель Республики Беларусь. В п. 3 ч. 2 ст. 107 УПК РБ указано, что задержание может быть применено к осужденному, в отношении которого имеется представление уполномоченного на то органа об отмене приговора, определения, постановления суда об условном неприменении наказания, отсрочки исполнения наказания, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене наказания более строгим наказанием в виде лишения свободы. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 107 УПК РБ задержание производится на основании постановления (определения) суда о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или о замене наказания более строгим наказанием в виде лишения свободы.

Раскрывается данное задержание почти аналогично Модельному УПК стран СНГ. Согласно ст. 113 УПК РБ:

«1. Суд вправе вынести постановление (определение) о задержании осужденного до разрешения вопроса об отмене условного неприменения наказания, отсрочки исполнения наказания, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или о замене наказания более строгим наказанием в виде лишения свободы, если уполномоченным на то органом внесено представление...

2. Срок задержания, предусмотренного частью первой настоящей статьи, определяется судом в пределах 7 суток с момента фактического задержания.

3. Суд направляет постановление (определение) о задержании осужденного для исполнения органу дознания. Об исполнении постановления (определения) о задержании орган, его исполнивший, немедленно уведомляет суд»¹.

Законодатель Республики Беларусь значительно расширяет случаи применения задержания осужденного в сравнении с Модельным УПК стран СНГ. Последний ограничивается задержанием при разрешении вопроса об отмене условного осуждения или отмене условно-досрочного освобождения. УПК РБ же относит сюда и замену наказания на более строгое при злостном уклонении осужденного от исполнения приговора. Здесь, по аналогии с модельными законами, следует обратиться и к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь (далее – УИК РБ)². В целом регулирование задержания осужденного в УИК РБ идентично Модельному УИК стран СНГ, отличаются лишь сроки. Положения ст. 43, 57, 65, 92 УИК РБ позволяют применять задержание с санкции прокурора.

Отдельный интерес вызывают следующие положения. Согласно ч. 7 ст. 55 УИК РБ при неприбытии или невозвращении в установленный срок осужденного к месту отбывания наказания в виде ограничения свободы, а также в случае самовольного оставления места отбывания наказания в отношении осужденного

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958.

² Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414827.

проводятся первоначальные мероприятия по розыску, он объявляется в розыск и подлежит задержанию. При задержании осужденного к ограничению свободы с направлением в учреждение открытого типа он направляется к месту отбывания наказания в порядке, установленном Министерством внутренних дел (ч. 8 ст. 55 УИК РБ). В ч. 9¹ ст. 55 УИК РБ указано, что в случае вынесения судом постановления о замене неотбытой части наказания более строгим наказанием в виде лишения свободы до вступления указанного постановления в законную силу осужденный, которому неотбытая часть наказания заменена более строгим наказанием в виде лишения свободы, при принятии судебного решения о задержании помещается в установленном законодательством порядке в места содержания под стражей. Причем в соответствии с ч. 10 данной статьи задержание осужденного в случаях, предусмотренных ч. 7 настоящей статьи, производится территориальными органами внутренних дел или администрацией исправительного учреждения открытого типа с санкции прокурора на срок не более 30 суток.

Как можно заметить, в рамках одной статьи отражено два разных порядка задержания. В обоих случаях, по сути, речь идет об уклонении осужденного от исполнения приговора. В первом случае, когда необходимо обеспечить дальнейшее отбывание осужденным наказания, он объявляется в розыск, задерживается органами внутренних дел или администрацией исправительного учреждения с санкции прокурора до 30 суток и направляется к месту отбывания наказания. Регулируются эти отношения ч. 7, 8 ст. 55 УИК РБ. Положения же ч. 9¹ ст. 55 УИК РБ корреспондируют с нормами УПК РБ о задержании осужденного. Если в суд было внесено представление о замене наказания, то уже суд заочно принимает решение о задержании осужденного в соответствии с УПК РБ.

Анализ положений Модельных УИК, УПК стран СНГ, УПК РБ и УИК РБ позволяет сделать вывод, что в них содержится как уголовно-процессуальное, так и уголовно-исполнительное задержание осужденного. Законодательство Республики Беларусь вообще по одному и тому же поводу допускает задержание

как в порядке УПК РБ, так и в порядке УИК РБ в зависимости от того, внесено ли в суд представление о замене наказания.

В определенных случаях рассмотренные акты относят задержание осужденного к предмету регулирования уголовно-процессуального права. Причем логичнее выглядят положения модельных законов: УПК предусматривает задержание осужденного только при отмене условного осуждения или условно-досрочного освобождения, иные вопросы, связанные с неисполнением обязанностей осужденного, регулируются в УИК (Модельный УПК стран СНГ вообще не касается вопроса замены наказания на более строгое). Следует отметить, что УПК и Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан регулируют задержание осужденного аналогично модельным законам. Более того, точно такое же регулирование задержания предлагали авторы проекта Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 1994 года. Таким образом, идея судебного заочного уголовно-процессуального задержания осужденного хоть и не была реализована в российском законодательстве, но нашла отражение в модельном рекомендательном акте и УПК РБ.

Правовое регулирование задержания осужденного в УПК РБ отличается от российского законодательства (в части задержания до решения вопроса о замене наказания), чего нельзя сказать о Модельном УПК стран СНГ. Последний, повторимся, предусматривает задержание осужденного только при отмене условного осуждения или условно-досрочного освобождения. Ни УИК РФ, ни УПК РФ, ни какие-либо другие российские законы не регламентирует задержание осужденного в таких ситуациях. Это является проблемой, которая резонансно проявилась в деле А.А. Навального. Он был задержан при отмене условного осуждения по аналогии с другими случаями задержания осужденного, предусмотренными УИК РФ. Между тем В.В. Николюк еще до указанного события предлагал «распространить возможность задержания (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60² УИК РФ) и заключения под стражу (п. 18 ст. 397 УПК РФ) на условно осуждённых для пресечения уклонения от

исполнения приговора и обеспечения их явки в суд»¹. Н.В. Николюк указывала на то, что «целесообразно предусмотреть в законе возможность задержания условно осужденных и условно-досрочно освобожденных, злостно уклоняющихся от установленного контроля за ними»². Такая позиция отстаивается и в более современных работах³.

Нельзя сказать, что в рассмотренном модельном и зарубежном законодательстве задержание осужденного однозначно считается уголовно-процессуальным. Изученные УПК регулируют отдельные случаи задержания осужденного по решению суда, в то время как соответствующие уголовно-исполнительные законы предусматривают самостоятельное задержание осужденного без судебного решения. Актуален этот вывод в свете позиции Л.В. Ложкиной, которая предлагает «в гл. 12 УПК РФ предусмотреть три вида уголовно-процессуального задержания: 1) задержание подозреваемого, 2) задержание обвиняемого, скрывшегося от органов расследования и суда, 3) задержание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ либо ограничения свободы»⁴. Иными словами, предлагается регулировать в УПК РФ «классическое» досудебное задержание осужденного, которое в настоящее время регулируется УИК РФ (как и в 2007 году, на момент предложения Л.В. Ложкиной). С учетом различий в субъектах, целях и правовой природе задержание в уголовном процессе и задержание осужденного, уклоняющегося от

¹ Николюк В.В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда // Уголовное право. 2017. № 3. С. 125.

² Николюк Н.В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

³ Пупышева Л.А. Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. Омск, 2024. С. 242.

⁴ Ложкина Ю.В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 132.

отбывания наказания, являются разными процедурами и не могут рассматриваться как разновидности одного института. Даже в приведенном модельном и зарубежном законодательстве, где задержание осужденного регулируется в УПК, эта мера является уголовно-процессуальной только постольку, поскольку применяется по решению суда. Согласимся с Л.А. Пупышевой, что «в настоящее уголовно-процессуальное законодательство не воспринимает задержание осужденного как “родной” правовой институт»¹. И он не станет таковым путем механического внедрения в уголовно-процессуальную сферу.

Не только законодатели республик Беларусь и Таджикистан последовали примеру Модельного УИК стран СНГ. С точки зрения конструкции первоначальная редакция УИК РФ² регулировала задержание осужденного абсолютно идентично Модельному УИК стран СНГ, разница была только в сроках. Во всех без исключения случаях осужденный задерживался органами внутренних дел с санкции прокурора. Лишь Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³ данные положения были приведены в соответствие с Конституцией РФ. Задержание осужденного стало регулироваться в соответствии с уже привычной схемой: задержание до 48 часов с возможностью продления данного срока судом до 30 суток. В первоначальном виде остались лишь положения ч. 11 ст. 97 УИК РФ, на которых остановимся далее.

¹ Пупышева Л.А. Полномочия суда на задержание подозреваемого, обвиняемого, осужденного // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Иркутск, 2019. С. 163.

² Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (первоначальная редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Проанализировав нормы ст. 399 УПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», В.В. Николюк приходит к выводу, что «в целях осуществления справедливого правосудия, принятия законного решения суд должен исходить из обязанности присутствия осужденного в судебном заседании по вопросам, связанным с заменой ему назначенного наказания другим, более строгим наказанием, отменой условного осуждения и условно-досрочного освобождения»¹. Эта позиция не вызывает возражений. Указанное общее правило о необходимости присутствия осужденного при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, принципиально отличает отечественное законодательство от приведенных примеров «заочного» уголовно-процессуального задержания осужденного.

Исследование сущности и правовой природы кратковременного ареста осужденного не может быть полноценным без рассмотрения основного ареста (заключения под стражу). Эти меры имеют связь даже более тесную, чем аналогичные институты в уголовно-процессуальном законе. Практически все регулирование ареста осужденного в УИК РФ подчинено конструкции: задержание на срок до 48 часов с возможностью продления судом данного срока до 30 суток. Причем УПК РФ среди вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, содержит заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, либо осужденного к принудительным работам, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 2 ст. 60² УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, до рассмотрения вопроса, указанного в п. 2 или 2¹ ст. 397 УПК РФ, но не более чем на 30 суток (п. 18 ст. 397 УПК РФ); а также осужденного к лишению свободы с отбыванием

¹ Николюк В.В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики. С. 375.

наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 75¹ УИК РФ, до 30 суток (п. 18¹ ст. 397 УПК РФ).

Устоялось мнение, что «продление срока задержания» до 30 суток и «заключение под стражу» до 30 суток по сути одно и то же¹. Оба этих термина используются как синонимы, когда речь идет о мерах, направленных на лишение свободы осужденного. В правоприменительной сфере ситуация схожая. Проанализировав судебную практику, В.В. Николук указал на наличие разночтений в трактовке норм УИК и УПК, когда в резолютивной части судебных постановлений указываются решения: «избрать меру пресечения в виде заключения под стражу», «заключить под стражу», «продлить срок содержания под стражей», «продлить срок задержания», «продлить срок задержания и заключить под стражу»². Очевидна коллизия: как УПК РФ, так и УИК РФ предусматривают арест осужденного до 30 суток. Заключить под стражу в соответствии с УПК РФ или продлить срок задержания согласно УИК РФ? Следует выяснить, как ответить на этот вопрос и нужно ли на него отвечать вообще.

Начнем с того, что положения об аресте осужденного в УПК РФ и УИК РФ не взаимозаменяемы. Уголовно-исполнительный закон предусматривает продление задержания до 30 суток в случае, который не регулируется в УПК РФ. Так, задержание (и продление до 30 суток) осужденного, уклоняющегося от отбывания принудительных работ (ч. 2 ст. 60¹⁷ УИК РФ; УПК РФ касается только случаев, указанных в ч. 2 ст. 60² УИК РФ), УПК РФ не затрагивает. При этом в ряде случаев УИК РФ, указывая на продление срока задержания до 30 суток, в то

¹ Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора. М., 2014. 200 с.; Гончаров Д.Ю. Об отличиях регулирования задержания в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве // Российский следователь. 2014. № 5. С. 49-51; Сероштан В.В. Разрешение судом вопросов о замене наказания в случаях злостного уклонения от его отбывания и права осужденных лиц // Российский судья. 2007. № 9. С. 16-19; Якубина Ю.П. Заключение под стражу осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания в стадии исполнения приговора // Наука и практика. 2016. № 4. С. 57-61.

² Николук В.В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: научно-практическое пособие. М., 2018. С. 56.

же время ссылается на заключение под стражу согласно УПК РФ (ч. 7 ст. 58, ч. 5 ст. 60², ч. 7 ст. 75¹ УИК РФ). Буквальное толкование данных норм допускает продление срока задержания до 30 суток и последующее заключение под стражу до 30 суток, в итоге общий срок содержания под стражей будет составлять 60 суток. Это обстоятельство подвергается критике ученых¹. Такое регулирование мер, направленных на лишение лица свободы, сложно назвать корректным.

Анализируя принцип системности законодательства, В.А. Сивицкий указывает, что «необходимо соблюдать определенное стилистическое единство правового регулирования. Это значит, что в ходе правового регулирования во всех сферах общественных отношений должны применяться, в целом, одни и те же приемы изложения нормативного материала. Соответственно, и сходные по содержанию правовые конструкции должны иметь примерно одну и ту же конфигурацию норм. Терминологическое единство нормативного массива, естественно, тоже подразумевается»². В связи с этим все-таки напрашивается необходимость сделать выбор.

Многие авторы настаивают на приведении терминологии в соответствие с УПК РФ. По мнению С.Д. Шестаковой и М.М. Аштыкчиева, «в УИК РФ вместо термина “заключение под стражу” используется фраза “продление задержания до 30 суток”, что является необоснованным искажением юридической терминологии»³. О.П. Александрова и Л.Ю. Буданова отмечают, что «задержание в правовой доктрине всегда рассматривалось как краткосрочная принудительная мера, после которой при необходимости решается вопрос о заключении под

¹ Пупышева Л.А. Меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным при исполнении приговора (общая характеристика, практика применения, правовая природа) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 38 ; Николук В.В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. С. 57.

² Сивицкий В.А. Принцип системности законодательства и его влияние на использование в федеральных законах принципов регулирования отношений в конкретных сферах // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 306.

³ Шестакова С.Д., Аштыкчиев М.М. Заключение под стражу или продление срока задержания условно осуждённого к лишению свободы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2. С. 33.

стражу»¹. Адвокат А. Чекотков указывает: «Исходя из логики уголовно-процессуального закона, срок задержания на 30 суток немыслим. Задержание – кратковременная мера, которая измеряется часами... Полиция выходит в суд с представлением о заключении под стражу, а суд продлевает срок задержания»². Ученые также отмечают, что предусмотренная УИК РФ возможность продления судом срока задержания до 30 суток «воспринимается как нонсенс, так как все известные законодательству виды задержания (уголовно-процессуальное, административное или полицейское) по своей правовой природе и сущности являются кратковременными мерами. Фактически указанные нормы подразумевают заключение под стражу осужденного...»³. Пленум Верховного Суда РФ в профильном постановлении также «занял сторону» заключения под стражу (п.п. 24.1–24.4)⁴.

С этими высказываниями сложно спорить, действительно, такой подход устоялся в законодательстве и доктрине. Однако основан он, как представляется, на формальном толковании Конституции РФ, прежде всего, самим законодателем. Понимание ст. 22 Основного Закона, в соответствии с которым внесудебное ограничение свободы называется «задержанием», хоть и соответствует букве закона, но в определенной степени поверхностно. Ранее нами было указано: конституционное правило заключается в том, что лицо не может быть лишено свободы на срок свыше 48 часов без судебного решения, и не важно, называется это задержанием, арестом или заключением под стражу. «Задержание» – синоним, употребленный авторами Конституции при описании мер, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность.

¹ Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Проблемы правового регулирования задержания лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, объявленных в розыск // Закон и право. 2013. № 12. С. 80.

² Малаховский А. Арестовать Навального «по аналогии»: юристы оценили решения суда / Интернет-портал «Право.Ру». 22.01.2021. URL: https://pravo.ru/story/228983/?desc_autoload (дата обращения: 15.02.2025).

³ Булатов Б.Б., Николюк В.В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6. С.101-102.

⁴ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Напомним о позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «понятие “лишение свободы” в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции РФ... Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы...»¹.

Как представляется, продление срока задержания, указанное в УИК РФ, не является ошибкой или нонсенсом. Такая формулировка может иметь более глубокие причины, которые необходимо выявить. Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора (ст. 397 УПК РФ), имеют самостоятельное правовое значение, присущее специфике данной стадии. Заключение под стражу «выбивается» из этого списка, так как имеет сугубо обеспечительный характер, применяется для участия осужденного в судебном заседании по решению вопроса о замене наказания, изменении исправительного учреждения (п.п. 2, 2¹, 3 ст. 397 УПК РФ). По сути, арест осужденного – не самостоятельный вопрос, подлежащий разрешению, он подчинен реализации других, более полноценных с точки зрения исполнения приговора вопросов. Схожую позицию высказывают некоторые суды: «Заключение под стражу в порядке п. 18 ст. 397 УПК РФ является лишь обеспечительной мерой для

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

возможности рассмотрения в дальнейшем судом вопроса в порядке п. 2 ст. 397 УПК РФ, где участие осужденного является обязательным»¹.

Заключение под стражу, применяемое в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, напротив, является самостоятельным и одним из важнейших вопросов, рассматриваемых в уголовном судопроизводстве. Избирается данная мера пресечения в соответствии с отдельной судебной процедурой. Задержание подозреваемого является лишь обеспечительной мерой по отношению к заключению под стражу. Соответственно, закон предусматривает продление срока задержания до рассмотрения основного вопроса на срок не более 72 часов для представления дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения (п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Такой же логикой, как представляется, руководствовался законодатель, вводя в УИК РФ положения о продлении срока задержания. Участие лица в судебном заседании обеспечивается путем задержания, принятие отдельного решения о заключении под стражу излишне. К тому же новелла о возможности задержания на срок до 30 суток в условиях военного положения хоть и является исключением из общего правила, тем не менее не позволяет однозначно называть задержание лишь краткосрочной мерой. Заключение под стражу подозреваемого (обвиняемого) – окончательный вопрос, арест осужденного свыше 48 часов – промежуточное решение для обеспечения рассмотрения вопросов, указанных в п.п. 2, 2¹, 3 ст. 397 УПК РФ.

Поэтому считаем, что в УИК и УПК речь должна идти о продлении срока задержания (предварительного ареста). Тем не менее отметим, что вопрос терминологии применительно к судебному аресту осужденного не столь принципиален. Суть данных отношений не изменяется от того, называем мы это продлением задержания или заключением под стражу. В обоих этих порядках не нарушается конституционное правило о недопустимости лишения свободы без

¹ Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 13 октября 2021 г. № 22-1447/2021 по делу № 4/17-143/2021. URL: [//sudact.ru/regular/doc/87nLL1mylhUb/](https://sudact.ru/regular/doc/87nLL1mylhUb/) (дата обращения 14.02.2025).

судебного решения свыше 48 часов¹. Однако, чтобы подчеркнуть уникальность данного института, предлагаем не противопоставление задержания и заключения под стражу и не восприятие их как этапов лишения свободы, а создание единой меры принуждения в виде предварительного ареста осужденного. В итоге мы получим конструкцию, при которой осужденный сначала подвергается аресту до 48 часов, а затем суд продлевает данный срок до 30 суток (при необходимости). По сути, в этом духе УИК РФ и регулирует данные отношения. Несмотря на то, что суд будет «связан» ранее принятым решением об аресте, именно он примет решение о продолжении содержания под стражей или освобождении осужденного. Главное, чтобы предварительный кратковременный арест осужденного (именуемый сейчас «задержанием») и продление его срока воспринимались как единое целое. Ведя речь о заключении под стражу осужденного, В.В. Николюк назвал данную меру «пенитенциарным арестом»². Этот термин хорошо подходит для предлагаемой нами модели, то есть с включением в него как досудебного, так и судебного лишения свободы осужденного.

Профессор В.В. Николюк считает, что задержание осужденного имеет уголовно-исполнительный характер, а заключение под стражу – уголовно-процессуальный³. В свою очередь О.И. Цоколова указывает на то, что «положения о задержании и аресте осужденных носят комплексный уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер», а при разрешении коллизии между продлением срока задержания и заключением под стражу отмечает: «Правильнее было бы в УПК указать на продление срока задержания»⁴. В этом вопросе мы согласны с позицией О.И. Цоколовой.

¹ Справедливо это и для института судебного продления срока задержания подозреваемого в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

² Николюк В.В. «Пенитенциарный арест» осужденного: квазимера пресечения или самостоятельная мера обеспечения исполнения приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2. С. 171-178.

³ Там же.

⁴ Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 20-21.

Нельзя не остановиться на еще одном задержании, предусмотренном УИК РФ. Согласно ч. 11 ст. 97 УИК РФ при уклонении осужденного к лишению свободы, осуществившего выезд из исправительного учреждения, от возвращения в установленный срок в исправительное учреждение он подлежит задержанию органом внутренних дел по месту пребывания осужденного с санкции прокурора на срок не более 30 суток для решения вопроса о направлении его к месту отбывания наказания под конвоем или привлечении к уголовной ответственности. Данные положения абсолютно идентичны ранее приведенным нормам Модельного УИК стран СНГ и УИК РБ. При этом в данных актах такая конструкция используется повсеместно, а в российском уголовно-исполнительном законе – только в этом случае. Напомним, что первоначальная редакция УИК РФ регламентировала все случаи задержания осужденного точно так же, но при последующем изменении закона в изначальном виде остались лишь положения ч. 11 ст. 97 УИК РФ. Формально такое регулирование противоречит Конституции РФ. Предложение об исключении этих положений опубликовано на интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива»¹, что свидетельствует о значительном внимании к данной проблеме. Однако такой вывод не совсем последователен. В этой ситуации лицо по закону является лишенным свободы, возможность выезда оно получает лишь по специальному разрешению и на определенный срок. Поэтому для лишения свободы на срок свыше 48 часов не требуется судебного решения, так как на основании приговора (определения, постановления) лицо и так считается лишенным свободы. Тем не менее самостоятельно полиция или ФСИН не могут задержать лицо до 30 суток, требуется санкция прокурора, который должен проверить законность и обоснованность применяемой меры. Как отмечает О.А. Астапович, «в указанной ситуации задержание производится непосредственно, без предварительных

¹ О необходимости исключения из ч. 11 ст. 97 УИК РФ права на задержание осужденного к реальному лишению свободы без судебного решения о его задержании на срок более 48 часов, но не более 30 суток, и смягчения правил задержания осужденных // Российская общественная инициатива. Инициатива № 77Ф86892. URL: <https://www.roi.ru/86892/> (дата обращения: 25.01.2025).

первоначальных розыскных мероприятий, без объявления уклоняющегося от наказания осужденного в розыск. Так происходит в силу того, что осужденный не скрывается, он находится под контролем правоохранительных органов, и местонахождение его известно»¹. В таком случае осужденный направляется к месту отбывания наказания под конвоем. Однако если осужденный скрывается и его местонахождение неизвестно, имеет место преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 314 УК РФ. Тогда производится задержание по подозрению в преступлении в порядке гл. 12 УПК РФ.

Наши рассуждения позволяют прийти к следующим выводам: задержание осужденных в рамках УИК РФ имеет специфическую правовую природу, отличную от административного и уголовно-процессуального задержания. Оно направлено на обеспечение участия осужденного в судебном процессе и не связано с новыми правонарушениями или преступлениями. Это задержание носит обеспечительный характер и должно рассматриваться как самостоятельный институт.

Неопределенность в законодательстве, связанная с использованием термина «задержание осужденного», требует уточнения. В настоящее время этот термин применяется как к кратковременному аресту осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания, так и к действиям по фактическому ограничению свободы при поддержании порядка в исправительных учреждениях и при розыске для доставления в полицию. Для устранения путаницы предлагается ввести четкое разграничение: термин «предварительный арест осужденного» использовать для обозначения кратковременного лишения свободы в целях обеспечения присутствия данного лица в суде, а «задержание» – для мер, направленных на пресечение побегов и уклонения от наказания.

Субъектом ареста осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания, должны быть органы УИС, принимающие решение об объявлении лица в розыск. Захват и доставление (задержание) осужденных за пределами учреждений УИС

¹ Астапович О.А. О пределах полномочий уголовно-исполнительных инспекций в розыске осужденного, подлежащего задержанию // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 108.

полицией носят исполнительный, подчиненный характер по отношению к данному решению, являются административно-правовыми.

Отраслевая принадлежность ареста осужденного должна быть определена как комплексная уголовно-исполнительная и уголовно-процессуальная. Это связано с регулированием в УИК РФ, спецификой исполнения приговора и уклонением осужденного от отбывания наказания. Кроме того, сама возможность и допустимость данного самостоятельного вида лишения свободы продиктована особым правовым статусом лица, признанного виновным, и отсутствием в КоАП РФ и УК РФ ответственности за уклонение от наказаний, не связанных с лишением свободы. Поэтому лица, осужденные к таким наказаниям, могут быть арестованы.

В настоящее время в законодательстве существует коллизия между «продлением срока задержания» до 30 суток (УИК РФ) и «заключением под стражу» на срок до 30 суток (УПК РФ). Предлагается устранить эту коллизию, закрепив порядок продления срока ареста осужденного в УПК РФ. При этом предварительный кратковременный арест (до 48 часов) мог бы осуществляться по решению органов УИС, а последующее содержание под стражей должно требовать судебного подтверждения.

§ 5. Основания и порядок задержания осужденного

Как известно, любое юридическое решение, тем более связанное с ограничением прав граждан, должно быть законным, обоснованным и мотивированным. В связи с этим справедливы указания ученых на то, что УИК РФ не предусматривает оснований и порядка задержания осужденного¹.

¹ Вершинина С.И. О законности ограничения права на свободу условно осужденных, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 7. С. 103-118; Диваев А.Б., Смирнов А.Н. Совершенствование порядка заключения под стражу по основаниям, указанным в п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3. С. 112-121; Омелин В.Н., Исиченко А.П., Лаверычева С.А. О задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сотрудниками территориальных органов ФСИН России // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвузовской

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом. Вместе с тем одного лишь указания в уголовно-исполнительном законе на возможность кратковременного ареста лица недостаточно для реализации данного исключения из общего правила.

В самом общем виде мера принуждения должна иметь следующую структуру: субъекты, основания, условия, порядок. Именно в такой последовательности предлагается рассматривать вопросы применения задержания осужденного (с учетом того, что вопрос о субъектах рассмотрен в предыдущем параграфе).

Традиционно выделяют фактическое и юридическое основания применения той или иной меры. По сути, основанием задержания осужденного является злостное уклонение от того или иного вида наказания. Толкование УИК РФ в этой части не позволяет прийти к иному выводу. Как правило, фактические основания – сведения о тех или иных обстоятельствах. Поэтому в первую очередь следует вести речь не о самом уклонении, а о сведениях, указывающих на него.

Совокупность сведений о злостном уклонении осужденного от отбывания наказания позволяет установить факт такого уклонения, который является основанием для направления в суд представления о замене наказания, а если местонахождение осужденного не установлено – основанием для проведения первоначальных розыскных мероприятий (далее – ПРМ) органами УИС. Как отмечает О.В. Воронин, «пока факт уклонения не установлен в надлежащем порядке, осужденный не может считаться уклоняющимся от отбывания

научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2018. С. 291-297 ; Темирханов М.А., Пантелеев В.А. Задержание осужденных, уклоняющихся от уголовной ответственности и наказания // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2. С. 246-248 ; Черепанова Л.В., Андриенко Ю.А. Правовая основа применения мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора // От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2024. С. 74-76 ; Плашевская А.А. Уголовно-исполнительное задержание в системе мер правового принуждения // Вестник Кузбасского института. 2012. № 3. С. 49-54.

наказания»¹. Согласно п. 58 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142², представление о замене обязательных работ другим видом наказания инспекция направляет в суд в течение трех суток (без учета выходных и праздничных дней) со дня установления факта злостного уклонения осужденного от отбывания наказания, а в отношении лица, скрывшегося с места жительства, – после проведения ПРМ. Аналогично регламентируются действия, связанные со злостным уклонением осужденного от отбывания исправительных работ (п. 102 Инструкции). Согласно п. 141 Инструкции ПРМ по установлению местонахождения осужденных к обязательным работам, исправительным работам, условно осужденных и осужденных с отсрочкой отбывания наказания, скрывшихся от отбывания наказания или контроля либо не прибывших в инспекцию после освобождения из исправительного учреждения, проводит инспекция, на учете которой они состоят. В п. 142 раскрывается содержание ПРМ. И, наконец, если в течение 30 дней в результате ПРМ, перечисленных в п. 141 Инструкции, не будет установлено местонахождение осужденного, инспекция направляет в оперативное подразделение территориального органа ФСИН России информацию для принятия решения об объявлении осужденного в розыск с приложением материалов ПРМ в отношении скрывшегося осужденного (п. 144 Инструкции).

Закон использует фразу «злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан». Обязательным условием для объявления осужденного в розыск является неустановление его местонахождения в течение 30 дней при проведении ПРМ. Если местонахождение осужденного известно, необходимо устанавливать факт злостного уклонения, если же осужденный скрылся и не

¹ Воронин О.В. Применение мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 30. Томск, 2006. С. 177.

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста РФ от 20 мая 2009 г. № 142. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

обнаружен в течение 30 дней – это обстоятельство, по сути, уже является установленным фактом злостного уклонения. Местонахождение осужденного может быть неизвестным по целому ряду причин, в том числе не зависящих от него (болезнь, стихийное бедствие и т.п.), 30 дней ПРМ как раз позволяют сделать вывод о том, что лицо скрылось. Именно это конкретизированное обстоятельство, а не просто отсутствие данных о местонахождении должно учитываться при объявлении осужденного в розыск.

По мнению Н.В. Грязевой, фактическим основанием для задержания осужденного является объявление его в розыск за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества¹. Такой подход корректен, если воспринимать задержание осужденного как действия, от начала и до конца производимые органами внутренних дел. Именно в таком случае основанием для ограничения свободы лица будет факт объявления его в розыск. Нами же арест осужденного понимается как решение, принимаемое органами УИС одновременно с объявлением осужденного в розыск. Поэтому основанием для ареста осужденного (в том числе на срок свыше 48 часов по судебному решению) является установленный факт злостного уклонения осужденного, который скрылся, от отбывания наказания.

В УИК РФ используется формулировка «может быть задержан», которая представляется не совсем корректной. Вышеприведенная Инструкция предусматривает средства воздействия на осужденного, среди которых: беседа с осужденным, нарушающим условия и порядок отбывания наказания (п. 55, п. 98); предупреждение о замене наказания более строгим (п. 56, п. 98). Кроме того, когда местонахождение осужденного неизвестно, в течение 30 дней проводятся ПРМ, которые требуют затрат времени и ресурсов. Согласимся с Т.И. Исаковой, что «сама трактовка “может быть задержан” позволяет уполномоченному органу не осуществлять задержание. Такое положение может привести к тому, что даже в

¹ Грязева Н.В. Задержание осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы: проблемы теории и практики // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1. Самара, 2019. С. 57-58.

случае обнаружения осужденный до назначения заседания о заключении под стражу вновь предпринимает попытку к уклонению от отбывания наказания, что в свою очередь подразумевает проведение первоначальных розыскных мероприятий сначала»¹. С учетом того, сколько возможностей для «корректировки» своего поведения есть у осужденного, он не может, а должен быть задержан, если скрывается с целью уклонения от наказания. В любом случае для прекращения уклонения и решения дальнейшей судьбы осужденного его свобода должна быть ограничена.

Закон дифференцирует регулирование задержания осужденного в зависимости от вида наказания. Применительно к обязательным работам и штрафу указано: «Злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан...» (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32 УИК РФ). Что касается исправительных работ, указание на уклонение отсутствует: «Скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан...» (ч. 4 ст. 46 УИК РФ). Причем в ч. 3 ст. 46 сказано, что злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный, скрывшийся с места жительства, а также если его местонахождение неизвестно. Это подтверждает ранее высказанный тезис. Если осужденный скрывается, значит злостно уклоняется от отбывания наказания. Неустановление местонахождения осужденного в течение 30 дней ПРМ означает, что осужденный скрылся. Соответственно, установленным фактом злостного уклонения является неустановление местонахождения осужденного после 30 дней ПРМ.

В части ограничения свободы в ч. 6 ст. 58 УИК РФ сказано, что «осужденный, место нахождения которого неизвестно, объявляется в розыск и подлежит задержанию органами внутренних дел на срок до 48 часов в целях решения вопросов, предусмотренных частью пятой настоящей статьи» (замена ограничения свободы лишением свободы, решение вопроса о привлечении к

¹ Исакова Т.И. К проблеме задержания осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 10. С. 240.

ответственности, если имело место злостное уклонение от ограничения свободы, избранного в качестве дополнительного наказания).

Объявляется в розыск и подлежит задержанию осужденный, уклоняющийся от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания в виде принудительных работ (в том числе в случае неявки за получением предписания), или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок (ч. 4 ст. 60² УИК РФ). По смыслу ч. 2 ст. 60¹⁷ УИК РФ осужденный объявляется в розыск и задерживается в случае невозвращения в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда и при самовольном оставлении исправительного центра, места работы и (или) места проживания, определенных администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов, то есть в случаях уклонения, не указанных в ст. 60² УИК РФ. Принудительные работы – наказание, хоть и не связанное с изоляцией от общества (тем не менее отбывается оно в исправительных центрах), является самым строгим после лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и ареста. Соответственно, можно проследить более строгое регулирование исполнения данного наказания в УИК РФ. В приведенных положениях о задержании нет указаний на неустановленное местонахождение лица. Вместе с тем в ч. 1 ст. 60¹⁷ УИК РФ сказано: «Уклоняющимся от отбывания принудительных работ *признается* осужденный...». То есть осужденный автоматически не считается уклоняющимся от наказания при совершении определенных действия, он должен быть признан таковым. Значит, факт уклонения здесь тоже должен быть установлен. В свою очередь объявление в розыск само по себе подразумевает отсутствие данных о местонахождении лица, в противном случае его надлежащее поведение может быть обеспечено другими средствами. Ни закон, ни ведомственные акты не предусматривают проведения ПРМ при уклонении осужденного от отбывания принудительных работ, что вызывает сложности в установлении того факта, что осужденный скрылся.

Кроме того, в ч. 3 ст. 60¹⁷ УИК РФ указано, что в отношении осужденного, уклонившегося от отбывания принудительных работ, начальник исправительного

центра направляет в суд представление о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы. Со дня направления представления и до решения суда осужденный к принудительным работам водворяется в помещение для нарушителей. Это актуально для случаев, когда осужденный уклоняется от отбывания наказания, но при этом не скрывается.

Следующие положения о задержании касаются ситуации, когда осужденный к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении должен следовать к месту отбывания наказания самостоятельно. В случае уклонения осужденного от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск и подлежит задержанию (ч. 6 ст. 75¹ УИК РФ). Вручить данное предписание осужденному территориальный орган УИС должен не позднее 10 суток со дня получения копии приговора (определения, постановления) суда. Поскольку речь снова идет о розыске, подразумевается, что местонахождение осужденного неизвестно и он скрылся. Здесь, аналогично принудительным работам, не предусмотрен какой-либо срок выяснения обстоятельств, из-за которых осужденный не прибыл для получения предписания (если оно не вручено в течение 10 суток со дня получения копии приговора) либо не прибыл к месту отбывания наказания. В связи с этим возникает необходимость обратиться к судебной практике.

«ФИО не прибыла для отбывания наказания на участок колонии-поселения в установленный предписанием № 371 срок, то есть не позднее 24 июля 2019 г. После чего постановлением начальника УФСИН России по Ставропольскому краю от 15 августа 2019 г. осужденная ФИО была объявлена в розыск, и согласно протоколу задержания от 20 августа 2019 г. осужденная ФИО в 21 час 50 минут была задержана и доставлена в ОМВД России по Советскому городскому округу,

где была помещена в камеру для задержанных сроком до 48 часов»¹. Как можно заметить, срок прибытия в колонию-поселение был 24 июля 2019 г., однако в розыск лицо было объявлено лишь 15 августа 2019 г. Это означает, что определенные мероприятия, направленные на установление местонахождения лица, все-таки проводились несмотря на то, что законом они не предусмотрены.

В следующем примере, уже касающемся принудительных работ, время, по прошествии которого лицо было объявлено в розыск, также составляет около месяца: «Как следует из материалов дела, 25 декабря 2023 г. ФИО было вручено уведомление о явке не позднее 28 декабря 2023 г. в УФСИН России по <адрес> для получения указанного в ч. 2 ст. 60² УИК РФ предписания о направлении к месту отбывания принудительных работ и проездных документов. О наличии причин, препятствующих явке для получения предписания, осужденная не сообщала... В назначенное время ФИО в УФСИН России по <адрес> за получением предписания не явилась, причину неявки не сообщила. В связи с этим по постановлению начальника УФСИН России по <адрес> от 22 января 2024 г. ФИО была объявлена в розыск»².

Другие решения свидетельствуют о том, что сотрудниками ФСИН предпринимаются меры по поиску осужденного: «Как следует из представленных материалов, осужденный ФИО уклонился от получения предписания о прибытии к месту отбывания наказания, в уголовно-исполнительную инспекцию не явился, по месту регистрации и месту фактического проживания при проверках инспектором УИИ ФСИН России по Ивановской области отсутствовал, о своем местонахождении инспекцию не уведомил, что послужило основанием для объявления его в розыск и свидетельствовало о том, что исполнение назначенного осужденному наказания возможно только в случае его заключения под стражу и направления для отбытия наказания под конвоем (75¹ УИК РФ). Факты неявки

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 8 октября 2019 г. № 22-5114/2019 по делу № 4/17-90/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/JdgonsZGXtQb/](https://sudact.ru/regular/doc/JdgonsZGXtQb/) (дата обращения: 28.02.2025).

² Апелляционное постановление Калужского областного суда от 24 апреля 2024 г. № 22-478/2024 УК-22-478/2024 по делу № 4/17-5-5/2024. URL: [//sudact.ru/regular/doc/a74mHzPiop1q/](https://sudact.ru/regular/doc/a74mHzPiop1q/) (дата обращения: 25.02.2025).

ФИО в установленный предписанием срок и его отсутствия по месту жительства объективно подтверждены рапортами сотрудников контролирующего органа, их показаниями в судебном заседании при рассмотрении представления. ФИО, будучи осужденным, достоверно знал о необходимости явки за предписанием в строго установленный срок, но не явился в указанный срок, по месту жительства отсутствовал, не уведомлял инспекцию о своем местонахождении»¹.

В части принудительных работ ситуация аналогична: «Фролов А.А. после вступления приговора в законную силу (24 октября 2023 г.) в УИИ по указанному в расписке адресу не явился, в последующем был объявлен в розыск, разыскан, и в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 30 суток (постановление Сенгилеевского районного суда Ульяновской области от 1 декабря 2023 г.)... Из рапорта старшего инспектора Чемоданова А.Н. следует, что им предпринимались неоднократные попытки вручить Фролову А.А. предписание о направлении к месту отбывания наказания принудительных работ, поскольку Фролов А.А. сам за ним в УИИ не явился. По месту жительства Фролов А.А. отсутствовал, а на телефонные звонки пояснял, что употребляет спиртные напитки у друзей и получать предписание, а также следовать к месту отбывания наказания не намерен... Сведения, изложенные в рапорте, подтверждаются объяснением Фролова А.А., принятым от него старшим инспектором Чемодановым А.Н. 30 ноября 2023 г., из содержания которого следует, что ему с 9 ноября 2023 г. неоднократно звонил Чемоданов А.Н., который приглашал явиться за предписанием. Но так как он в это время употреблял спиртные напитки, получать предписание отказался»². Также из этого решения следует, что осужденному под расписку было разъяснено, в какой срок после вступления приговора в законную силу он должен явиться в территориальный орган УИС.

¹ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 26 февраля 2024 г. № 22-355/2024 по делу № 4/17-13/2024. URL: [//sudact.ru/regular/doc/R583Zl28qsWq/](https://sudact.ru/regular/doc/R583Zl28qsWq/) (дата обращения: 28.02.2025).

² Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 26 февраля 2024 г. № 22-362/2024 по делу № 22-362/2024. URL: [//sudact.ru/regular/doc/ZFRFyG4SCoJf/](https://sudact.ru/regular/doc/ZFRFyG4SCoJf/) (дата обращения: 27.02.2025).

Закон не предусматривает каких-либо розыскных мероприятий в отношении осужденных, уклоняющихся от получения предписания для следования к месту отбывания наказания в виде принудительных работ либо в колонию-поселение. Тем не менее лицо не объявляется в розыск незамедлительно после неявки в территориальный орган УИС в установленный срок. Сотрудники ФСИН так или иначе предпринимают меры к выяснению причин уклонения и установлению местонахождения осужденного. Поэтому необходимо предусмотреть в законе срок, необходимый для проведения соответствующих розыскных мероприятий. Принудительные работы находятся в Разделе II УИК РФ «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества». Вместе с тем данное наказание отбывается в исправительных центрах, где осужденные трудятся и по общему правилу проживают. Степень ограничения личной свободы здесь явно выше в сравнении с другими наказаниями, не связанными с изоляцией от общества. Колония-поселения свою очередь – место отбывания лишения свободы, то есть самого строгого вида наказания. Соответственно, уклонение осужденного в этих двух случаях наиболее опасно. В связи с этим предлагаем предусмотреть в законе 15-дневный срок для проведения мероприятий, направленных на установление местонахождения уклоняющегося осужденного. По истечении этого срока лицо должно быть объявлено в розыск. К тому же этот временной промежуток близок к тому сроку, который содержится в приведенных примерах из практики. В остальных случаях, как отмечалось, срок ПРМ составляет 30 дней. Обоснованным видится сокращение его в 2 раза ввиду строгости данных наказаний. В ходе интервьюирования сотрудников одного из оперативных подразделений УФСИН России по Омской области удалось выяснить, что на практике в таких ситуациях на розыскные мероприятия отводится 10 суток (до объявления в розыск). Однако приведенные судебные решения показывают, что такой срок соблюдается не всегда.

Последнее задержание значительно отличается от предыдущих и относится к осужденному, который признан больным наркоманией и изъявил перед судом желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-

социальную реабилитацию и которому суд в связи с этим предоставил отсрочку отбывания наказания. Согласно ч. 9 ст. 178¹ УИК РФ в случае неприбытия осужденного в двухнедельный срок со дня его освобождения из исправительного учреждения в уголовно-исполнительную инспекцию, а также если осужденный скрылся от контроля после постановки его на учет, уголовно-исполнительная инспекция осуществляет ПРМ, а в случае недостижения результатов направляет материалы для объявления осужденного в розыск. Скрывшийся осужденный может быть задержан на срок до 48 часов. Осужденный в данном случае уклоняется не от отбывания наказания, а от контроля УИС.

Схожие отношения регулирует ч. 9 ст. 177 УИК РФ: в случае неприбытия осужденного, которому суд предоставил отсрочку отбывания наказания, в двухнедельный срок со дня его освобождения уголовно-исполнительная инспекция осуществляет первоначальные розыскные мероприятия, а в случае недостижения результатов направляет материалы для объявления осужденного в розыск. Задержание здесь не предусмотрено, хотя, как представляется, должно иметь место. С учетом недопустимости применения мер принуждения по аналогии требуются изменения закона, разрешающие задержание в данном случае.

В предыдущем параграфе было сказано о необходимости предусмотреть в законе задержание условно осужденного. Согласно ч. 5 ст. 188 УИК РФ в случае уклонения условно осужденного от контроля за его поведением уголовно-исполнительная инспекция проводит первоначальные мероприятия по установлению его местонахождения и причин уклонения. Здесь, как и в других положениях, необходимо установить требования об объявлении в розыск и задержании осужденного, если ПРМ не принесли результата.

Регулирование задержания в УИК РФ неоднородно, основания его применения отличаются: в одних случаях говорится, что осужденный «может» быть задержан, в других – «подлежит» задержанию (зависит это, думается, от строгости наказания). Однако прослеживаются и обязательные элементы – осужденный должен скрыться и впоследствии быть объявленным в розыск. Чем

строже наказание, тем большему контролю подвержен осужденный, а значит, и порядок признания его скрывшимся упрощается (уклонение от ограничения свободы и принудительных работ не предполагает проведения ПРМ). Применительно к штрафу, обязательным и исправительным работам сказано, что осужденный должен быть злостно уклоняющимся. Между тем при уклонении от ограничения свободы, принудительных работ, уклонении от следования в колонию-поселение указание на злостность отсутствует. Если осужденный скрылся и объявлен в розыск, такое уклонение по умолчанию злостное, поэтому отдельное указание на это нецелесообразно.

Согласимся с Л.А. Пупышевой в части оснований задержания: «С определенной долей условности можно предположить, что фрагментарное указание на соответствующие основания содержатся в п.п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ»¹. Действительно, фраза из п. 18 ст. 397 УПК РФ «осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания» может и должна быть использована при формулировании оснований задержания в УИК РФ. Нельзя назвать удовлетворительным регулирование, в котором основания задержания «разбросаны» по всему Кодексу. Регламентация меры принуждения должна быть универсальной и системной, по крайней мере, общие правила должны находиться «в одном месте».

По мнению А.Б. Диваева, «основанием задержания осужденного должно рассматриваться установление его места нахождения в случаях, когда он скрылся от органов, исполняющих наказание, или его местонахождение неизвестно, а равно в случаях, когда он иным образом уклоняется от исполнения наказания. Думается, этих двух максимально универсальных оснований будет достаточно, чтобы охватить все случаи, когда может потребоваться применение этой меры принуждения»². Представляется, что такое регулирование оснований задержания

¹ Пупышева Л.А. Меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным при исполнении приговора (общая характеристика, практика применения, правовая природа). С. 35.

² Диваев А.Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2. С. 138.

излишне широкое. Если местонахождение осужденного неизвестно, проводятся ПРМ, если осужденный уклоняется, но при этом местонахождение известно – может быть применен привод. Мы считаем, что задержание осужденного должно находиться в единстве с его розыском, а значит, ключевым обстоятельством является то, что осужденный скрылся. Это обстоятельство является одной из причин, по которым органам УИС может быть неизвестно местонахождение лица, но, как говорилось ранее, могут существовать и другие причины, не обязательно подразумевающие задержание.

Хотелось бы обобщить наши рассуждения и предложить для УИК РФ следующую формулировку основания предварительного ареста осужденного: «Если установлено, что осужденный скрывается в целях уклонения от отбывания наказания и (или) контроля, оперативным подразделением уголовно-исполнительной системы в целях обеспечения рассмотрения вопросов, указанных в п.п. 2, 2¹, 3, 7, 17², 18² статьи 397 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, выносится постановление об объявлении в розыск и предварительном аресте осужденного». Представляется, что такая конструкция охватывает все случаи, в которых действительно необходимо применение задержания. Данные положения являются фактическим основанием, юридическое основание – постановление об объявлении в розыск и предварительном аресте осужденного.

Уголовно-процессуальное задержание имеет обязательное условие его применения: за преступление, в котором лицо подозревается (обвиняется), должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Предварительный арест осужденного тоже предусматривает обязательное условие – объявление его в розыск органами УИС. Согласно приведенной ведомственной Инструкции данная обязанность лежит на оперативных подразделениях территориального органа ФСИН. Если осужденный уклоняется от исполнения наказания, но при этом не скрывается, то его надлежащее поведение и рассмотрение вопроса о замене наказания может быть обеспечено другими средствами (например, привод).

Следует также сделать дополнительный акцент на заочном характере предварительного ареста осужденного. Исследуя задержание обвиняемого, находящегося в розыске, А.В. Павлов отметил: «Ситуация, складывающаяся к моменту объявления лица в розыск, свидетельствует о том, что в распоряжении следователя имеются достаточные доказательства об обстоятельствах совершенного преступления, личности обвиняемого, и есть время для обдуманного и взвешенного вывода о его задержании. В связи с этим целесообразно это решение выносить одновременно с объявлением обвиняемого в розыск и оформлять постановлением, а ход и результаты фиксировать в протоколе задержания»¹. Эти рассуждения хорошо переносятся на нашу ситуацию. К моменту объявления в розыск сотрудниками УИС уже проведены мероприятия, направленные на установление местонахождения лица. Следовательно, факт, что осужденный скрылся, также является установленным. Как правило, сотрудники уже готовы к внесению в суд представления о замене наказания (или места отбывания наказания), остается только обеспечить физическое присутствие лица в судебном заседании. Поэтому заочный кратковременный арест в данном случае оправдан. 71,7% опрошенных сотрудников органов УИС высказались, что потребность в таком порядке есть (приложение Б).

Пожалуй, самым актуальным является вопрос о порядке задержания осужденного. Отсутствие каких-либо указаний в законе на процедуру ареста осужденного вынуждает практиков применять межотраслевую аналогию². Как правило, при задержании осужденных используется порядок задержания подозреваемого, предусмотренный гл. 12 УПК РФ, так как протокол задержания, составленный в соответствии с этими нормами, является единственным основанием для помещения лица в ИВС³. Некоторые авторы не видят в этом

¹ Павлов А.В. Указ. соч. С. 99-100.

² Булатов Б.Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа. С. 17-22.

³ Булатов Б.Б., Николюк В.В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6. С. 99.

проблемы и напрямую предлагают применять такую аналогию¹. Другие ученые предлагают регулировать задержание осужденного в УПК РФ и брать за основу порядок задержания подозреваемого². Если использование по аналогии порядка применения той или иной меры – вопрос дискуссионный, то некоторые специалисты предлагают применять по аналогии задержание в случаях, которые в законе прямо не оговариваются: неприбытие осужденного, которому представлена отсрочка наказания, в двухнедельный срок со дня освобождения в УИИ по месту жительства, и местонахождение его неизвестно (ч. 9 ст. 177 УИК РФ); уклонение условно осужденного от контроля за его поведением УИИ, если местонахождение его неизвестно (ч. 5 ст. 188 УИК РФ)³. Это недопустимо, так как меры, ограничивающие права граждан, применяются по прямому указанию законодателя (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Справедливым считаем высказывание А.В. Симоненко: «Нет сомнений, что применение такой серьезной меры, как задержание, должно основываться на стройной, внутренне согласованной и непротиворечивой системе норм, а не только лишь на догадках ученых и правоприменителей относительно того, какого рода аналогия должна быть применена в каждом конкретном случае»⁴.

В целом не возражаем против применения аналогии, она является приемлемым способом преодоления пробелов в законодательстве, в том числе в нормативных актах, связанных с противодействием преступности. Тем более самым «близким» по природе к задержанию осужденного является задержание подозреваемого. Вместе с тем к аналогии, связанной с применением мер принуждения, следует относиться настороженно. Процедура, предусмотренная ст. 91, 92 УПК РФ, не адаптирована в полной мере даже для задержания обвиняемого, объявленного в розыск. Полноценное применение положений УПК

¹ Тищенко Ю.Ю., Ширванов А.А. К вопросу о порядке задержания и доставления лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Право и образование. 2017. № 11. С. 156-161.

² Диваев А.Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект. С. 138.

³ Тищенко Ю.Ю., Ширванов А.А. Указ. соч. С. 159.

⁴ Симоненко А.В. Задержание осужденных как правовое состояние // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 171.

РФ для задержания осужденных проблематично. Само задержание осужденного имеет существенные качественные отличия от задержания подозреваемого, поэтому применение аналогии не совсем корректно.

Серьезной проблемой является отсутствие в нормативных актах указания мест содержания задержанных осужденных. Аналогией правоприменителям приходится пользоваться и здесь, поскольку Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» никак не касается данного вопроса. Авторы научно-практического комментария к нормам уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующим оперативно-розыскную деятельность, считают, что наиболее подходящим местом для содержания уклоняющихся от наказания осужденных является ИВС¹. Вместе с тем ведомственное нормативное регулирование ИВС² не предусматривает содержания в них задержанных осужденных. Согласно Наставлению о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан³ о задержании лиц, совершивших побег из-под стражи, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, уведомляются соответствующие органы, учреждения или должностные лица этих органов и учреждений (п. 21); о задержании лиц, находящихся в розыске, уведомляется инициатор розыска (п. 23). Согласно данному Наставлению доставленные лица содержатся в специальном помещении дежурной части, предназначенном для содержания лиц, задержанных полицией по основаниям,

¹ Нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность: научно-практический комментарий. М., 2015. С. 43.

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренным ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции». Данное ведомственное регулирование, по крайней мере, дает возможность доставлять осужденных в дежурную часть территориального органа МВД России. Не исключены случаи, когда на практике осужденные содержатся в помещении для задержанных дежурной части на протяжении всего срока задержания.

В.Н. Омелин и М.Н. Пьянков приводят данные интервьюирования сотрудников УИС, среди которых есть указания на то, что «УИК РФ не определяет место принудительного содержания задержанных лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, до рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, в соответствии с п. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ; органы и учреждения УИС не наделены полномочиями и не располагают специально оборудованными помещениями для временного содержания задержанных осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания», в связи с этим предлагают наделить органы и учреждения УИС в полном объеме полномочиями по розыску, задержанию, содержанию разыскиваемых лиц до судебного решения на базе имеющейся инфраструктуры учреждений и органов УИС и разработать ведомственное «Положение о порядке исполнения обязанностей и реализации прав учреждений и органов УИС после доставления разысканных лиц» с целью последующего исполнения приговора суда, от которого уклонялись¹. При разработке такого положения авторы предлагают учесть предписания вышеназванного Наставления о служебных помещениях, предназначенных для выяснения обстоятельств факта задержания или доставления лиц, доставленных в дежурные части территориальных органов МВД России.

А.В. Сенатов и А.А. Чайковский предлагают 2 варианта выхода из проблемной ситуации: 1) помещать задержанных в специализированное место содержания разысканных лиц, создать которые предполагается на базе учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, и следственных изоляторов УИС. Помимо указанных помещений, в этих целях

¹ Омелин В.Н., Пьянков М.Н. О задержании лиц, разыскиваемых территориальными органами уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 8-1. С. 399.

могут быть использованы камеры штрафных изоляторов, дисциплинарных изоляторов, помещения камерного типа, единые помещения камерного типа, одиночные камеры, карцеры, транзитно-пересыльные пункты, что не потребует выделения дополнительных финансовых средств...; 2) внести изменения в законодательные акты МВД России, закрепив содержание данной категории лиц в изоляторах временного содержания, находящихся в их компетенции¹. А.В. Симоненко предлагает «создание в учреждениях (органах), исполняющих наказания, уклонение от которых предполагает возможность задержания осужденных, мест содержания задержанных»².

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции» лица, совершившие побег из-под стражи, лица, уклоняющиеся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывшие к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, задерживаются до передачи их соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам этих органов и учреждений. Как отмечает О.А. Астапович, «сотрудники органов внутренних дел при задержании осужденных-“уклонистов” нередко настаивают на их немедленной передаче в учреждения (органы) УИС после доставления в дежурную часть ОВД из-за отсутствия оснований для их содержания до вынесения решения суда»³. Однако передавать осужденных по большому счету некуда ввиду отсутствия в УИС соответствующих мест содержания.

Для минимизации финансовых затрат решать данный вопрос, как представляется, следует на базе имеющейся инфраструктуры. Наиболее

¹ Сенатов А.В., Чайковский А.А. Отдельные проблемы, возникающие при исполнении приговора в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2. С. 136.

² Симоненко А.В. Административный порядок задержания лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сборник статей международной научно-практической конференции. Томск, 2023. С. 47.

³ Астапович О.А. Актуальные вопросы задержания осужденного // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства): сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 104-112.

предпочтительным вариантом является ИВС МВД. Задержанные подозреваемые находятся там до судебного заседания, в котором будет решен вопрос о заключении под стражу. Аналогично до судебного заседания там могут содержаться осужденные. В целом учреждения ФСИН, в том числе СИЗО, есть далеко не во всех населенных пунктах. В связи с этим содержание осужденного в помещении для задержанных дежурной части, а затем в ИВС наиболее оправдано. В любом случае в Законе «О содержании под стражей» должны быть урегулированы вопросы содержания уклоняющегося от исполнения наказания осужденного.

Нами отстаивается позиция, согласно которой органы УИС, как и полиция, должны обладать правом задержания осужденных, уклоняющихся от наказания. В связи с этим не вполне логичным будет доставление лица данными органами в дежурную часть территориального органа МВД. Наставление о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части после доставления граждан предусматривает служебные помещения, предназначенные для выяснения обстоятельств факта задержания или доставления лиц, доставленных в дежурные части территориальных органов МВД России. Аналог такого помещения, как представляется, должен существовать и в органах УИС. С материальной точки зрения это подразумевает не такие значительные затраты, как создание аналога ИВС. Тогда в случае обнаружения сотрудниками УИС осужденного он будет доставлен в такое помещение для первоначального разбирательства, а уже затем будет переведен в ИВС МВД.

Следующий очень важный, но тоже неурегулированный вопрос – оформление задержания осужденного. Применительно к задержанию осужденного Постановление Пленума Верховного суда РФ говорит следующее: «Рассматривая такое представление, суд должен выяснить, приложены ли к нему протокол задержания осужденного и его объяснения, копии вступившего в силу приговора и постановления об объявлении осужденного в розыск, а также при их наличии – иные материалы, подтверждающие обоснованность производства

розыска (п. 24.1)»¹. Данное разъяснение дает необходимый минимум документального оформления: протокол задержания и объяснение осужденного.

Более подходящим документом для уголовно-процессуального задержания является постановление, так как применение данной меры является процессуальным решением следователя, дознавателя, органа дознания. С задержанием осужденного ситуация иная. Решение о задержании в данном случае предлагается указывать в постановлении об объявлении лица в розыск, поэтому составление протокола задержания по результатам обнаружения и фактического ограничения свободы представляется оправданным.

Профессор Б.Б. Булатов в этой части обоснованно обращает внимание на положения ФЗ «О полиции», регулирующие документальное оформление задержания: «В ч. 14 ст. 14 Закона «О полиции» предусмотрено составление протокола задержания независимо от того, по каким основаниям и какое лицо было задержано полицейскими в случаях, перечисленных в данном Законе, следовательно, протокол составляется и при задержании осужденных, находящихся в розыске и уклоняющихся от отбывания наказания. Нередко он заменяется рапортом об обнаружении или доставлении в ОВД разыскиваемого осужденного»². Эти положения стоит иметь в виду, именно ими руководствуются сотрудники полиции при задержании осужденного. Вместе с тем ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции» предусматривает 14 категорий лиц, которые могут быть подвергнуты задержанию. Правила, указанные в ч. 3–16 ст. 14 ФЗ «О полиции», универсальны и рассчитаны на все случаи задержания, очевидно, что специфика каждого из них отдельно не учитывается.

Унифицированная процедура ареста осужденного должна содержать обязательные элементы: субъекты, основания, документальное оформление, срок, последовательность совершаемых действий. Вопрос с основаниями и субъектами

¹ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Булатов Б.Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа. С. 17.

можно считать рассмотренным. Что касается оформления, орган, который задержал лицо (произвел захват и доставку), должен составить протокол задержания и опросить осужденного по факту его уклонения и обстоятельствам задержания. Не исключено, что осужденный изъявит желание воспользоваться услугами адвоката. Субъект задержания не должен чинить этому препятствий. После задержания об этом уведомляется инициатор розыска, который должен направить в суд соответствующее представление. Если вопрос не представляется возможным разрешить в пределах 48-часового срока, инициатор розыска направляет в суд представление о продлении срока предварительного ареста, который не может превышать 30 суток. Такое продление не должно быть безусловным и обязательным для суда, необходимы соответствующие основания. Таким основанием может быть необходимость собирания и направления в суд дополнительных материалов, требующихся для рассмотрения того или иного вопроса, связанного с исполнением приговора. Если же у инициатора розыска подготовлены все необходимые материалы и не требуется получения дополнительных, представление должно быть направлено в суд незамедлительно по мере готовности в первоначальный 48-часовой срок.

Здесь отражается избранный в данном исследовании подход, при котором арестом называется юридическое решение о взятии под стражу, а задержанием – фактические действия, направленные на захват и препровождение лица. Предварительный арест осужденного, объявленного в розыск, – уже принятое решение, юридически лицо не должно находиться на свободе. Поэтому орган, обнаруживший осужденного, должен его задержать (то есть осуществить физический захват). Такой порядок положительно оценили 71,7% опрошенных сотрудников органов УИС (приложение Б). Схематично данную процедуру можно отразить так: выносится постановление об объявлении в розыск и предварительном аресте осужденного, затем происходит обнаружение и задержание (поимка и доставка), далее – судебное продление срока предварительного ареста (при необходимости).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное в данной работе позволяет признать правильной идею о необходимости решительного размежевания смыслов, вкладываемых в термин «задержание». Проведенный анализ нормативных правовых актов и научной литературы подтвердил его многозначность. Изучение нормативного массива, регулирующего задержание, привело к выявлению распространяющихся на все законодательство двух подходов к пониманию данной меры принуждения: предварительный арест (так называемое «процессуальное» задержание) и фактическое ограничение свободы (захват и доставление, фактическое задержание). Характер совершаемого правонарушения, не всегда очевидный, и другие факторы не позволяют включать силовые действия по поимке лица в содержание отраслевых обеспечительных мер. Признавать захват и доставление административными или уголовно-процессуальными постфактум в зависимости от принятого решения – некорректный способ регулирования мер, направленных на ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Аргументировано, что уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное задержания – отраслевые кратковременные аресты, заключающиеся в принятии решения о содержании лица под стражей. В связи с этим фактическое ограничение свободы передвижения следует называть «задержанием» без приписок «фактическое», «физическое», «полицейское», «административное» и т.п. Никакое иное содержание в данный термин вкладываться не должно.

С точки зрения места в системе права кратковременные аресты и задержание – отраслевые правовые институты. Последнее – институт административного права, находящий свое выражение в законах о правовом положении правоохранительных органов, уполномоченных на применение силы. Нет оснований считать, что задержание – это межотраслевой институт, в содержание которого входят захват и доставление.

Проведенное исследование позволило доказать, что уголовно-процессуальное задержание, с учетом его истинной сущности (предварительное заключение под стражу), следует именовать «предварительным арестом». Изучение пути развития оснований задержания подтвердило неразрывную генетическую связь данной меры с заключением под стражу. Действующие формулировки оснований задержания в современных условиях потеряли свою полицейскую суть, но при этом сохранили характер ситуаций, с которыми закон связывает право органов, не уполномоченных на лишение свободы, применять такие меры. Поэтому при принятии решения о предварительном аресте следует руководствоваться совокупностью данных, указывающих на обоснованное подозрение лица в совершении преступления и наличие оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу. От классических конструкций, которые сейчас являются основаниями задержания, не следует отказываться, их можно использовать в качестве обстоятельств, подтверждающих обоснованность подозрения (так они и воспринимаются Верховным Судом РФ).

В результате исследования судебной практики и анализа научной литературы выявлены по сей день существующие противоречия в части начала исчисления срока задержания подозреваемого. То обстоятельство, что 48-часовой срок, если его исчислять с момента фактического захвата, часто оказывается недостаточным, а также иные объективные и субъективные факторы вынуждают правоприменителей искать пути «обхода» конституционного правила о недопустимости внесудебного лишения свободы на срок свыше 48 часов. Рациональной является легализация распространенной судебной практики, когда время фактического ограничения свободы, если оно не учтено в протоколе задержания, суды засчитывают в общий срок содержания под стражей при заключении под стражу или рассмотрении дела по существу, при условии, что это обстоятельство будет установлено на судебном заседании. Такой последующий зачет срока необходим и при реабилитации.

Согласно предложенному в данной работе разграничению уголовно-исполнительное задержание более корректно называть «предварительным

арестом осужденного». Правовая природа данной меры должна быть определена как комплексная уголовно-исполнительная и уголовно-процессуальная. Сама возможность и допустимость данного самостоятельного вида лишения свободы продиктована особым правовым статусом лица, признанного виновным, и отсутствием в КоАП РФ и УК РФ ответственности за уклонение от наказаний, не связанных с лишением свободы (кроме ограничения свободы). Поэтому лица, осужденные к таким наказаниям, могут быть арестованы.

Разработано унифицированное основание предварительного ареста осужденного – установленный факт того, что осужденный скрывается в целях уклонения от отбывания наказания и (или) контроля. Предварительный арест осужденного – заочное решение о содержании лица под стражей до 48 часов, принимаемое одновременно с объявлением его в розыск. Суд вправе продлить этот срок до 30 суток, если возникает необходимость в собирании и направлении дополнительных материалов, требующихся для рассмотрения того или иного вопроса, связанного с исполнением приговора.

Одни проблемы, связанные с задержанием, существуют десятилетия, другие проявляются сейчас. Представляется, что результаты проведенного исследования способны решить многие из них и внести однозначность в понимание этой многообразной меры принуждения. Очевидно, что для решения ключевых проблем необходимо правотворческое вмешательство, в том числе в рамках предложенных в данной работе подходов. В качестве направления развития доктрины и законодательства видится дальнейшее совершенствование оснований, условий и процессуального порядка внесудебного и судебного лишения свободы в сфере борьбы с преступностью, а также разработка теоретических и нормативных положений (в русле унификации) о фактическом захвате и доставлении, применяемых правоохранительными органами, то есть о задержании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О Государственной границе Российской Федерации : закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О государственной охране : федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О ведомственной охране : федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (утв. Резолюцией Генеральной

Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Модельный Уголовно-исполнительный кодекс для государств – участников СНГ. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175447>.

22. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

23. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : Постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления : указ Президиума ВС СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 ноября 2011 г. № 392/49. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 116/35О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции» (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации»): приказ МВД России от 18 января 1993 г. № 17. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Об утверждении Инструкции по направлению в колонию-поселение осужденных к лишению свободы, в отношении которых судом принято решение, предусматривающее самостоятельное следование осужденного к месту отбывания наказания : приказ Минюста РФ от 6 апреля 2009 г. № 102. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел : приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан : приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Об утверждении наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Объяснительная записка к проекту Устава Уголовного Судопроизводства. 1864 г. – URL: <http://jurytrial.ru/library/item/640>.

35. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

36. Устав благочиния или полицейский // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – Москва : Юридическая литература, 1987. – С. 321-418.

37. Высочайше утвержденный Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (1825–1881). Т. 35. Ч. 1: Законы. № 35892. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1885.

38. Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767–1768 гг. – URL: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/node/13646>.

39. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 года № 365-З. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414827.

40. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.

41. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958.

42. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304.

43. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30586704.

44. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/82645>.

45. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. – URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf.

46. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004.

47. О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30916594&pos=3;-108#pos=3;-108.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации

48. По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. № 6-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

49. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

50. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

51. По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 544-О-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

52. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

53. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 1902-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

54. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ветлицкой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 2738-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

55. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью восьмой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2019 г. № 3206-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

56. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарубина Александра Игоревича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2023 г. № 753-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

57. По жалобе гражданина США Менахема Сайденфельда на нарушение частью третьей статьи 1 и частью первой статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его прав, гарантируемых Конституцией Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 г. № 333-О-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

58. По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8 и 10

Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Решения Верховного Суда Российской Федерации

59. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

60. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

61. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

62. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

63. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2004 г. М 44-О04-3. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/10154/>.

Научная и учебная литература

64. Александрова, О. П. Правовое положение учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора: монография / О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 200 с.

65. Ахпанов, А. Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения / А. Н. Ахпанов. – Караганда : Карагандинская высшая школа МВД СССР, 1989. – 92 с.
66. Бархатова, Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Новая редакция с поправками / Е. Ю. Бархатова. – 3-е изд. – Москва, 2021. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
67. Бабурин, В. В. Незаконное задержание: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты : монография / В. В. Бабурин, П. Л. Сурихин. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2004. – 191 с.
68. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; пер. с фр. А. Хрущова. – Санкт-Петербург : Типография И. Глазунова, 1806. – 200 с.
69. Березин, М. Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М. Н. Березин, И. М. Гуткин, А. А. Чувилев. – Москва : Академия МВД СССР, 1975. – 93 с.
70. Бородин, С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела / С.В. Бородин. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1970. – 120 с.
71. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 320 с.
72. Вершинина, С. И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография / С. И. Вершинина. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 368 с.
73. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – Москва : Издательство А. А. Карцева, 1912. – 438 с.
74. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – Москва : Российская академия правосудия, 2008. – 304 с.
75. Гирько, С. И. Правовой институт задержания подозреваемого: история, современное состояние, перспективы развития : монография / С. И. Гирько, Е. С. Березина. – Москва : ВНИИ МВД России, 2010. – 210 с.

76. Григорьев, В. Н. Задержание подозреваемого : монография / В. Н. Григорьев. – Москва : ЮрИнфоР, 1999. – 542 с.
77. Гуляев, А. П. Процессуальные сроки в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А. П. Гуляев. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 144 с.
78. Гусев, В. А. Права оперативных подразделений полиции: законодательство и практика : монография / В. А. Гусев. – Москва : Издательский дом Шумиловой И. И., 2014. – 127 с.
79. Гуткин, И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие / И. М. Гуткин. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
80. Давлетов, А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть. Курс лекций / А. А. Давлетов. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2010. – 249 с.
81. Давыдов, П. М. Применение мер процессуального принуждения по основам уголовного судопроизводства Союз ССР и союзных республик / П. М. Давыдов, П. П. Якимов. – Свердловск : [б. и.], 1961. – 117 с.
82. Дубровский, Д. С. Меры административного пресечения, ограничивающие свободу личности / Д. С. Дубровский. – Москва : Российская академия правосудия, 2009. – 150 с.
83. Елисеев, А. В. Правовые и организационные основы применения административного задержания в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / А. В. Елисеев. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2019. – 84 с.
84. Еникеев, З. Д. Меры процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты / З. Д. Еникеев. – Уфа : Башкирский государственный университет, 1978. – 72 с.
85. Зайцев, О. А. Подозреваемый в уголовном процессе / О. А. Зайцев, П. А. Смирнов. – Москва : Экзамен, 2005. – 320 с.

86. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Вопросы теории и практики / З. З. Зинатуллин. – Казань : Казанский государственный университет, 1981. – 136 с.
87. Киримова, Е. А. Правовой институт: понятие и виды : учебное пособие / Е. А. Киримова. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2000. – 54 с.
88. Кистяковский, А. Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда / А. Ф. Кистяковский. – Санкт-Петербург : Судебный вестник, 1868. – 195 с.
89. Клюков, Е. М. Мера процессуального принуждения / Е. М. Клюков. – Казань : Казанский государственный университет, 1974. – 110 с.
90. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 1975. – 175 с.
91. Кононов, П. И. Административное право России: научно-практический курс / П. И. Кононов. – Москва : Юнити-Дана, 2017. – 207 с.
92. Корнуков, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов : Саратовский государственный университет, 1978. – 136 с.
93. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2016, – 1278 с.
94. Лантух, Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов / Н. В. Лантух. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 156 с.
95. Мельников, В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации / В. Ю. Мельников. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 448 с.

96. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования / О. В. Логунов, А. В. Травников, Э. К. Кутуев, В. С. Латыпов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 296 с.

97. Николук, В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения / В. В. Николук. – Орел : Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. – 236 с.

98. Николук, В. В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания : научно-практическое пособие / В. В. Николук. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2018. – 172 с.

99. Николук, В. В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики. Избранные статьи : в 2 ч. – Ч. 2 / В. В. Николук. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 512 с.

100. Нормы уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность : научно-практический комментарий. – Москва : НИИ ФСИН России, 2015. – 60 с.

101. Павлов, А. В. Задержание обвиняемого, находящегося в розыске. Теоретический и прикладной аспекты / А. В. Павлов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

102. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / Г. Б. Петрова. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2006. – 182 с.

103. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.

104. Пиголкин, А. С. Теория государства и права : учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев ; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 516 с.

105. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – Москва : Г. А. Леман, 1913. – 329 с.

106. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1913. – 569 с.

107. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход / С. Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2019. – 192 с.

108. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство и судопроизводство / В. К. Случевский. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 664 с.

109. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва : Кнорус, 2007. – 992 с.

110. Степанова, В. Г. Процессуальный порядок задержания лиц по подозрению в совершении преступления : методические рекомендации / В. Г. Степанова, А. А. Круглова, Н. И. Труфанов. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. – 88 с.

111. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Академия наук СССР, 1958. – 703 с.

112. Тарасов, И. Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ч. 1. Рассуждение, представленное для публичной защиты на степень магистра И. Тарасовым / И. Т. Тарасов. – Киев : Университетская типография, 1875. – 236 с.

113. Тарасов, И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Часть II. Полицейский арест в России. Отдел второй / И. Тарасов. – Ярославль : Типография Г. В. Фалька, 1886. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

114. Ткачёва, Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография / Н. В. Ткачёва. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2004. – 192 с.

115. Томин, В. Т. Избранные труды / В. Т. Томин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 586 с.

116. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство. Часть 2. Книга 3 // [соч.] Б. Чичерина / Б. Н. Чичерин. – Москва : Типография Мартынова, 1882–1883. – 457 с.

117. Широ́ва, Э. Х. Задержание лица, совершившего преступление: ситуационный подход / Э. Х. Широ́ва, А. А. Лукьянова, Д. В. Ким. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – 67 с.

Научные статьи и публикации

118. Азарёнок, Н. В. Наделение следователя и дознавателя полномочиями по вынесению постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока задержания подозреваемого / Н. В. Азарёнок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 3. – С. 37-41.

119. Азарёнок, Н. В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов / Н. В. Азарёнок // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 7-10.

120. Азарёнок, Н. В. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? / Н. В. Азарёнок, А. А. Давлетов // Российский следователь. – 2018. – № 5. – С. 8-11.

121. Александрова, О. П. Проблемы правового регулирования задержания лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, объявленных в розыск / О. П. Александрова, Л. Ю. Буданова // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 78-81.

122. Астапович, О. А. Актуальные вопросы задержания осужденного / О. А. Астапович // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства): сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2024. – С. 25-28.

123. Астапович, О. А. О пределах полномочий уголовно-исполнительных инспекций в розыске осужденного, подлежащего задержанию / О. А. Астапович //

Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 3. – С. 104-112.

124. Бавсун, М. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ): проблемы правовой регламентации и практики применения / М. В. Бавсун // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 8-16.

125. Барабаш, А. С. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления / А. С. Барабаш, И. А. Ретюнских // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12. – С. 404-406.

126. Бекетов, О. И. О полицейском праве / О. И. Бекетов, Н. М. Жданов // Проблемы организации и совершенствования образовательного процесса в вузе : материалы межвузовских учебно-методических конференций. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – С. 144-146.

127. Бекетов, О. И. Полицейское право России: прошлое, настоящее и будущее / О. И. Бекетов, В. И. Сургутсков // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8. – С. 59-67.

128. Борков, В. Н. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного / В. Н. Борков, Б. Б. Булатов // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 472. – С. 197-203.

129. Булатов, Б. Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа / Б. Б. Булатов // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник научных трудов № 29 по материалам Международной научно-практической конференции. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции». – Москва : ВНИИ МВД России, 2020. – С. 17-22.

130. Булатов, Б. Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) / Б. Б. Булатов, В. В. Николук // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 96-102.

131. Булатов, Б. Б. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие / Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 5-11.

132. Валюлин, Р. Р. Исчисление срока задержания подозреваемого / Р. Р. Валюлин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 139-140.

133. Вершинина, С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления / С. И. Вершинина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 755-765.

134. Вершинина, С. И. О законности ограничения права на свободу условно осужденных, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций / С. И. Вершинина // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 7. – С. 103-118.

135. Воронин, О. В. Применение мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Ч. 30. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2006. – С. 176-179.

136. Гайнов, И. Д. Основания уголовно-процессуального задержания: теоретические и практические проблемы / И. Д. Гайнов // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 8. – С. 83-86.

137. Гапонова, В. Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России / В. Н. Гапонова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 132-141.

138. Гончаров, Д. Ю. Об отличиях регулирования задержания в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве / Д. Ю. Гончаров // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 49-51.

139. Григорьев, В. Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого / В. Н. Григорьев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 50-57.

140. Григорьев, В. Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий / В. Н. Григорьев // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1409-1414.

141. Гриценко, Т. В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого / Т. В. Гриценко // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 37-38.

142. Грязева, Н. В. Задержание осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы: проблемы теории и практики / Н. В. Грязева // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 57-58.

143. Давлетов, А. А. Проблема нормативного урегулирования задержания лица по подозрению в совершении преступления остается нерешенной / А. А. Давлетов // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 130-133.

144. Десятова, О. В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании / О. В. Десятова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 3. – С. 73-80.

145. Диваев, А. Б. Совершенствование порядка заключения под стражу по основаниям, указанным в п. 18 и 18.1 ст. 397 УПК РФ / А. Б. Диваев, А. Н. Смирнов // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 3. – С. 112-121.

146. Диваев, А. Б. Совершенствование системы мер принуждения, применяемых к осужденным в производстве по исполнению приговора: межотраслевой аспект / А. Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2. – С. 132-142.

147. Иваненко, И. Н. О системе государственной службы Российской Федерации / И. Н. Иваненко, Р. Р. Чермит, А. Ю. Ачмиз // Научный журнал КубГАУ. – 2017. – № 128. – С. 602-614.

148. Исакова, Т. И. К проблеме задержания осужденных к наказаниям без изоляции от общества / Т. И. Исакова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 10. – С. 239-241.

149. Кальницкий, В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) / В. В. Кальницкий // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : Избранные труды. – Омск : Омская академия МВД России, 2016. – С. 168-183.

150. Кальницкий, В. В. Кратковременный внесудебный домашний арест – юридическая бессмыслица или возможная реальность? / В. В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2024. – № 1. – С. 11-14.

151. Кальницкий, В. В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого / В. В. Кальницкий // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 155-160.

152. Килясханов, И. Ш. «Полицейское право» и административно-правовые реалии / И. Ш. Килясханов // Полицейское право. – 2005. – № 3. – С. 12-22.

153. Копейко, П. Строго соблюдать закон при задержании подозреваемых в совершении преступлений / П. Копейко, Л. Иванов // Социалистическая законность. – 1964. – № 3. – С. 18-21.

154. Куликов, А. В. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / А. В. Куликов, Г. А. Чобанов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 25-33.

155. Лавдаренко, Л. И. Правовая природа уголовно-процессуального задержания и его соотношение с фактическим задержанием / Л. И. Лавдаренко, Л. П. Плеснева // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 4. – С. 88-99.

156. Лукьянова, А. А. К вопросу о злоупотреблении правом на задержание / А. А. Лукьянова // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – С. 98-100.

157. Лукьянова, А. А. Ограничение свободы и личной неприкосновенности в уголовном процессе: от сущности к проблеме неопределенности правового статуса (положения) / А. А. Лукьянова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 102-111.

158. Лукьянова, А. А. Установление тяжелого заболевания, препятствующего заключению и содержанию под стражей по уголовному делу: постановка проблемы / А. А. Лукьянова // Сибирский юридический форум : материалы Международной научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – С. 128-130.

159. Мирский, Д. Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / Д. Я. Мирский // Труды Иркутского университета. – Т. 45. – Серия юридическая. – Вып. 8. – Ч. 4 (Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству). – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1969. – С. 294-301.

160. Мядзелец, О. А. Институты уголовно-процессуального права: понятие, признаки, методология исследования / О. А. Мядзелец // Российская юстиция. – 2023. – № 4. – С. 29-36.

161. Николук, В. В. «Новое» и «старое» в практике отмены судом условного осуждения в свете правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда / В. В. Николук // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 120-129.

162. Николук, В. В. Задержание осужденного, скрывшегося с целью уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы / В. В. Николук // Уголовный процесс. – 2020. – № 10. – С. 86-91.

163. Николюк, В. В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права / В. В. Николюк // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 68-75.

164. Николюк, В. В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) / В. В. Николюк // Российское правосудие. – 2015. – № 7. – С. 61-81.

165. Овсянников, Ю. Н. К вопросу о возможности и необходимости возрождения полицейского права / Ю. Н. Овсянников // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 59-5. – С. 29-36.

166. Овчинникова, Н. О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления / Н. О. Овчинникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5. – С. 241-247.

167. Омелин, В. Н. О задержании лиц, разыскиваемых территориальными органами уголовно-исполнительной системы / В. Н. Омелин, М. Н. Пьянков // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 8-1. – С. 396-402.

168. Омелин, В. Н. О задержании лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сотрудниками территориальных органов ФСИН России / В. Н. Омелин, А. П. Исиченко, С. А. Лаверычева // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2018. – С. 291-297.

169. Плашевская, А. А. Уголовно-исполнительное задержание в системе мер правового принуждения / А. А. Плашевская // Вестник Кузбасского института. – 2012. – № 3. – С. 49-54.

170. Победкин, А. В. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 1-2. – С. 16-24.

171. Подмарев, А. А. Институт ограничения прав личности в Конституции РФ 1993 года / А. А. Подмарев // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 589-591.

172. Похмелкин, В. А. Задержание по советскому уголовно-процессуальному законодательству / В. А. Похмелкин // Советское государство и право. – 1958. – № 12. – С. 102-107.

173. Пупышева, Л. А. Меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным при исполнении приговора (общая характеристика, практика применения, правовая природа) / Л. А. Пупышева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 33-41.

174. Пупышева, Л. А. Органы внутренних дел как субъекты отношений, возникающих при исполнении приговора / Л. А. Пупышева // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 108-114.

175. Пупышева, Л. А. Полномочия суда на задержание подозреваемого, обвиняемого, осужденного / Л. А. Пупышева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 161-164.

176. Пупышева, Л. А. Современная доктрина уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора / Л. А. Пупышева // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы

международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 240-243.

177. Россинский, С. Б. «Гражданское» задержание: включать или не включать в сферу уголовно-процессуального регулирования? / С. Б. Россинский // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 48-51.

178. Россинский, С. Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда / С. Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 97-105.

179. Россинский, С. Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С. Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 175-181.

180. Россинский, С. Б. Протокол – лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 150-165.

181. Россинский, С. Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого / С. Б. Россинский // Lexrussica. – 2018. – № 8. – С. 68-80.

182. Россинский, С. Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? / С. Б. Россинский // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 9-16.

183. Сенатов, А. В. Отдельные проблемы, возникающие при исполнении приговора в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы / А. В. Сенатов, А. А. Чайковский // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2. – С. 134-139.

184. Сероштан, В. В. Разрешение судом вопросов о замене наказания в случаях злостного уклонения от его отбытия и права осужденных лиц / В. В. Сероштан // Российский судья. – 2007. – № 9. – С. 16-19.

185. Сивицкий, В. А. Принцип системности законодательства и его влияние на использование в федеральных законах принципов регулирования отношений в

конкретных сферах / В. А. Сивицкий // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 305-307.

186. Симоненко, А. В. Административный порядок задержания лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества / А. В. Симоненко // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сборник статей международной научно-практической конференции. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2023. – С. 46-48.

187. Симоненко, А. В. Задержание осужденных как правовое состояние / А. В. Симоненко // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 170-174.

188. Соболев, И. В. Проблемы исчисления сроков задержания и содержания под стражей по уголовному делу / И. В. Соболев // Закон и право. – 2013. – № 3. – С. 81-82.

189. Соловей, Ю. П. Полицейское право и его место в системе современного административного права / Ю. П. Соловей // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 6-11.

190. Старилов, Ю. Н. О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым / Ю. Н. Старилов // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 12-19.

191. Стародубова, Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока / Г. В. Стародубова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 20-24.

192. Супрун, С. В. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания / С. В. Супрун // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 92-96.

193. Темирханов, М. А. Задержание осужденных, уклоняющихся от уголовной ответственности и наказания / М. А. Темирханов, В. А. Пантелеев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 246-248.

194. Тищенко, Ю. Ю. К вопросу о порядке задержания и доставления лиц, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества /

Ю. Ю. Тищенко, А. А. Ширванов // Право и образование. – 2017. – № 11. – С. 156-161.

195. Химичева, О. В. К юбилею выдающегося ученого. Профессор В. Н. Григорьев: концепция задержания подозреваемого / О. В. Химичева, Д. В. Шаров, А. Ю. Терехов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 4. – С. 116-122.

196. Черепанова, Л. В. Правовая основа применения мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора / Л. В. Черепанова, Ю. А. Андриенко // От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – С. 74-76.

197. Черников, В. В. Полицейское законодательство России: состояние и направления развития / В. В. Черников // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 35-40.

198. Чупилкин, Ю. Б. О необходимости унификации порядка фактического задержания при осуществлении правоохранительной деятельности / Ю. Б. Чупилкин // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 176-185.

199. Шадрин, В. С. Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) / В. С. Шадрин // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 151-160.

200. Шайденко, Д. А. Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе / Д. А. Шайденко // Законодательство и практика. – 2024. – № 1. – С. 48-51.

201. Шайденко, Д. А. Задержание лица по подозрению в совершении преступления с административной преюдицией / Д. А. Шайденко // Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 146-148.

202. Шайденко, Д. А. Задержание осужденного – самостоятельная разновидность кратковременного лишения свободы лица, признанного виновным / Д. А. Шайденко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2023. – С. 157-159.

203. Шайденко, Д. А. Задержание осужденного, уклоняющегося от исполнения наказания: сущность и отраслевая принадлежность / Д. А. Шайденко // Международный научный вестник. – 2025. – № 9. – С. 64-69.

204. Шайденко, Д. А. Задержание подозреваемого в условиях военного положения / Д. А. Шайденко // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 160-162.

205. Шайденко, Д. А. Задержание подозреваемого: сущность и наименование / Д. А. Шайденко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 201-206.

206. Шайденко, Д. А. Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству / Д. А. Шайденко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 20-24.

207. Шайденко, Д. А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого / Д. А. Шайденко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1. – С. 194-201.

208. Шайденко, Д. А. О сущности и правовой природе задержания осужденного / Д. А. Шайденко // Преемственность и новации в юридической

науке : материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Омск : Омская академия МВД России, 2025. – С. 146-149.

209. Шайденко, Д. А. Отраслевая принадлежность задержания как фактического захвата и доставления / Д. А. Шайденко // Международный научный вестник. – 2025. – № 10. – С. 290-296.

210. Шайденко, Д. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по задержанию подозреваемого / Д. А. Шайденко // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2023. – С. 181-185.

211. Шайденко, Д. А. Сущность, выражаемая категорией «задержание», в законодательстве уголовно-правового комплекса / Д. А. Шайденко // Преемственность и новации в юридической науке : материалы международной научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Омск : Омская академия МВД России, 2023. – С. 137-139.

212. Шашкова, В. Н. Идеографические синонимы сквозь призму денотативной матрицы / В. Н. Шашкова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 151-157.

213. Шестакова, С. Д. Заключение под стражу или продление срока задержания условно осуждённого к лишению свободы / С. Д. Шестакова, М. М. Аштыкчиев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 32-35.

214. Юсупов, В. А. Административное право и права человека (к вопросу о предмете полицейского права) / В. А. Юсупов // Полицейское право. – 2005. – № 2. – С. 48-51.

215. Якубина, Ю. П. Заключение под стражу осуждённого, злостно уклоняющегося от отбывания наказания в стадии исполнения приговора / Ю. П. Якубина // Наука и практика. – 2016. – № 4. – С. 106-108.

216. Якубина, Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора / Ю. П. Якубина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 57-61.

Диссертации и авторефераты диссертаций

217. Березина, Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Березина Елена Станиславовна. – Москва, 2009. – 31 с.

218. Веретенников, И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Веретенников Игорь Андреевич. – Москва, 2003. – 202 с.

219. Вершинина, С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Вершинина Светлана Ивановна. – Тольятти, 2017. – 452 с.

220. Догот, Е. Б. Права, свободы и неприкосновенность при задержании лица по подозрению в совершении преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Догот Евгений Борисович. – Владивосток, 2004. – 181 с.

221. Исламов, М. Э. Правовое регулирование задержания лица по подозрению в совершении преступления в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Исламов Мурат Эреджепович. – Тюмень, 2008. – 22 с.

222. Ксендзов, Ю. Ю. Задержание и заключение под стражу подозреваемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ксендзов Юрий Юрьевич. – Санкт-Петербург, 2010. – 26 с.

223. Кудин, Ф. М. Теоретические основы принуждения в советском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Кудин Федор Милентьевич. – Свердловск, 1987. – 442 с.

224. Ложкина, Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ,

исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ложкина Лариса Владимировна. – Ижевск, 2007. – 252 с.

225. Луговец, Н. В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Луговец Николай Владимирович. – Саратов, 2004. – 32 с.

226. Лукьянова, А. А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Лукьянова Алина Александровна. – Томск, 2024. – 267 с.

227. Мядзелец, О. А. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Мядзелец Ольга Александровна. – Москва, 2025. – 50 с.

228. Николук, Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Николук Наталья Вячеславовна. – Москва, 2006. – 28 с.

229. Одинаев, И. А. Уголовно-процессуальное задержание в досудебном производстве Республики Таджикистан и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Одинаев Исфандиёр Ахмадович. – Санкт-Петербург, 2020. – 20 с.

230. Ольшевский, А. В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ольшевский Андрей Витальевич. – Москва, 2006. – 211 с.

231. Пидусов, Е. А. Задержание подозреваемого по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ (процессуальные и криминалистические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Пидусов Евгений Александрович. – Воронеж, 2002. – 181 с.

232. Подройкина, И. А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Подройкина Инна Андреевна. – Омск, 2017. – 44 с.

233. Попков, Н. В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Попков Никита Вячеславович. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.

234. Попова, Ю. П. Уголовно-правовая характеристика заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Попова Юлия Павловна. – Омск, 2004. – 20 с.

235. Пупышева, Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Пупышева Любовь Андреевна. – Омск, 2022. – 458 с.

236. Резников, А. Н. Деятельность защитника при применении задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Резников Анатолий Николаевич. – Краснодар, 2003. – 24 с.

237. Смирнов, П. А. Подозреваемый в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Смирнов Павел Алексеевич. – Москва, 2003. – 28 с.

238. Смушкин, А. Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Смушкин Александр Борисович. – Саратов, 2005. – 28 с.

239. Соловей, Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Соловей Юрий Петрович. – Москва, 1993. – 387 с.

240. Тешебаев, Э. З. Задержание подозреваемого по законодательству Кыргызской Республики и Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тешебаев Эрмек Замирбекович. – Москва, 2013. – 23 с.

241. Цоколова, О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Цоколова Ольга Игоревна. – Москва, 2007. – 61 с.

Материалы следственной и судебной практики

242. Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 13 октября 2021 г. № 22-1447/2021 по делу № 4/17-143/2021. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/87nLL1mylhUb/](https://sudact.ru/regular/doc/87nLL1mylhUb/).

243. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 10 июля 2019 г. № 22К-1655/2019 по делу № 22К-1655/2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/](https://sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/).

244. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 26 февраля 2024 г. № 22-355/2024 по делу № 4/17-13/2024. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/R583Zl28qsWq/](https://sudact.ru/regular/doc/R583Zl28qsWq/).

245. Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 9 декабря 2021 г. по делу № 22К-4397/2021. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727745582>.

246. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 24 апреля 2024 г. № 22-478/2024 УК-22-478/2024 по делу № 4/17-5-5/2024. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/a74mHzPiop1q/](https://sudact.ru/regular/doc/a74mHzPiop1q/).

247. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 6 июля 2023 г. № 22К-949/2023 по делу № 3/1-17/2023. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/](https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/).

248. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2023 г. № 10-26446/2023. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207>.

249. Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 августа 2023 г. № 10-16154/2023. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1302663766>.

250. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым от 3 февраля 2021 г. № 22К-423/2021. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573644619>.

251. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 20 ноября 2020 г. № 22К-1822/2020. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573430153>.

252. Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июня 2023 г. по делу № 10-13149/2023. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301964301>.

253. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 ноября 2022 г. по делу № 10-24423/2022. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300328320>.

254. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-23100/2023. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304411690>.

255. Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2017 г. по делу № 10-9848/2017. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542068431>.

256. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 26 октября 2023 г. № 22К-5932/2023. – URL: [// sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/](https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/).

257. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651>.

258. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 8 октября 2019 г. № 22-5114/2019 по делу № 4/17-90/2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/JdgonsZGXtQb/](https://sudact.ru/regular/doc/JdgonsZGXtQb/).

259. Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 29 ноября 2019 г. № 22К-2071/2019 по делу № 3/2-189/2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsyrHH/](https://sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsyrHH/).

260. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 26 февраля 2024 г. № 22-362/2024 по делу № 22-362/2024. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/ZFRFyG4SCoJf/](https://sudact.ru/regular/doc/ZFRFyG4SCoJf/).

261. Решение Кировского районного суда г. Омска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-4929/2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/xuSwoZXtDeVn/](https://sudact.ru/regular/doc/xuSwoZXtDeVn/).

262. Решение Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/I6sJVY9na15n/](https://sudact.ru/regular/doc/I6sJVY9na15n/).

263. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 23 января 2020 г. по делу № 2-187/2020. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/SsdJfTQQq8Zd/](https://sudact.ru/regular/doc/SsdJfTQQq8Zd/).

264. Решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 6 августа 2019 г. по делу № 2-732/2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/24Hi4hq6Ul6j/](https://sudact.ru/regular/doc/24Hi4hq6Ul6j/).

Электронные источники информации

265. Лазарев, Л. В. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Л. В. Лазарев // ООО «Новая правовая культура», 2009 г. – URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/chapter/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/>.

266. Луговик, В. Ф. Оперативно-разыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) / В. Ф. Луговик // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-razysknoy-kodeks-rossiyskoy-federatsii-avtorskiy-proekt-federalnogo-zakona>.

267. Малаховский, А. Арестовать Навального «по аналогии»: юристы оценили решения суда / А. Малаховский // Интернет-портал «Право.Ру». – 22.01.2021. – URL: https://pravo.ru/story/228983/?desc_autoload=.

268. О необходимости исключения из ч. 11 ст. 97 УИК РФ права на задержание осужденного к реальному лишению свободы без судебного решения о его задержании на срок более 48 часов, но не более 30 суток, и смягчения правил задержания осужденных // Российская общественная инициатива. Инициатива № 77Ф86892. – URL: <https://www.roi.ru/86892/>.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Результаты анкетирования сотрудников органов внутренних дел по вопросам диссертационного исследования (224 респондента)

Поскольку термин «задержание» используется в ряде законов в разных значениях, нас интересует понимание правоприменителями существа предусмотренного ст. 91 УПК РФ «задержания подозреваемого».

Ниже приведена ситуация, по которой просим вас высказать свои суждения.

Сотрудники полиции прибыли на место совершения грабежа, где застали А., захваченного гражданами, и доставили его в отдел. Дежурный следователь возбудил уголовное дело. В целях заключения А. под стражу следователь составил протокол задержания и поместил А. в ИВС.

1. Укажите ваш основной вид деятельности

Административная	16 (7,1%)
Оперативно-розыскная	61 (27,2%)
Уголовно-процессуальная	130 (58%)
Научно-педагогическая	14 (6,3%)
Иное	3 (1,4%)

2. Имеет ли место задержание подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ и, если да, кто его осуществил?

Да, задержание подозреваемого включает действия по захвату А. гражданами, доставление его полицией и помещение следователем в ИВС	91 (40,6%)
Да, задержание подозреваемого включает только действия следователя, состоящие в принятии решения о водворении А. в ИВС	122 (54,5%)
Нет, поскольку А. ограничен в свободе частными лицами	9 (4%)
Иное	2 (0,9%)

3. С какого момента будет течь предусмотренный законом 48-часовой срок задержания?

Ограничения свободы передвижения А. гражданами	44 (19,6%)
Передачи А. сотрудникам полиции	35 (15,6%)
Доставления А. в отдел полиции	47 (21%)
Возбуждения уголовного дела	4 (1,8%)
Составления протокола задержания А. следователем	92 (41,1%)
Иное	2 (0,9%)

Изменим исходную ситуацию и предположим, что следователь избрал в отношении А. подписку о невыезде, соответственно в ИВС он не водворялся.

4. Имеет ли место задержание подозреваемого в данном случае?

Да, задержание заключается в действиях граждан и полиции	27 (12,1%)
Да, задержание заключается в действиях полиции	60 (26,8%)
Нет, поскольку следователь не принял решение о задержании	133 (59,4%)
Иное	4 (1,7%)

5. Кем в таком случае должно быть выполнено требование ч. 1 ст. 92 УПК РФ о составлении протокола задержания в срок не более 3 часов после доставления?

Сотрудником полиции	54 (24,1%)
Следователем	39 (17,4%)
Протокол задержания составляется следователем в случае заключения А. под стражу; если избрана подписка о невыезде; протокол задержания не составляется как таковой вообще	129 (57,6%)
Иное	2 (0,9%)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Результаты анкетирования сотрудников органов уголовно-исполнительной системы по вопросам диссертационного исследования (53 респондента)

1. Необходимо ли, на ваш взгляд, наделение органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) полномочиями на задержание осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания?

Да, такая необходимость есть	39 (73,6%)
Нет, такой необходимости нет	14 (26,4%)
Другое	0

2. Есть ли потребность в том, чтобы вопрос о задержании осужденного решался не на месте (после обнаружения), а заранее, одновременно с объявлением осужденного в розыск уполномоченным органом УИС, например, путем вынесения постановления о задержании, в котором бы указывались основания задержания, оставшаяся неотбытая часть наказания и другие необходимые сведения, иными словами, чтобы вопрос о кратковременном лишении свободы был предreshен?

Такая потребность есть	38 (71,7%)
Такой потребности нет	1 (1,9%)
Действующее правовое регулирование оптимально, существуют лишь организационные проблемы (например, полиция отказывается принимать осужденных в СПЗЛ и др.)	14 (26,4%)
Другое	0

3. Как бы вы оценили предлагаемый порядок: на основе имеющихся материалов, свидетельствующих о том, что осужденный скрывается с целью уклонения от наказания; содержащих сведения об оставшейся неотбытой части наказания и др., оперативным подразделением УИС одновременно с объявлением розыска выносится постановление о задержании, на основании которого орган, обнаруживший осужденного, имеет право осуществить его захват и доставку. Постановление о задержании является юридическим основанием для водворения лица в места содержания под стражей (например, СПЗЛ, ИВС).

Положительно	38 (71,7%)
Отрицательно	15 (28,3%)